Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Сборник научных трудов
Международной студенческой научной конференции

Брест, 22–23 мая 2020 года

Под общей редакцией
кандидата филологических наук, доцента **О. А. Фелькиной**

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2020

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус
С 48

Редакционная коллегия:
О. А. Фелькина, О. Б. Переход

Рецензенты:

заведующий кафедрой белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат филологических наук, доцент **Н. Н. Борсук**

декан филологического факультета
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат филологических наук, доцент **Т. В. Сенькевич**

С 48 **Слово** в языке, речи, тексте : сб. науч. тр. Междунар. студен. науч. конф., Брест, 22–23 мая 2020 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. А. Фелькина, О. Б. Переход ; под общ. ред. О. А. Фелькиной. – Брест : БрГУ, 2020. – 224 с.
ISBN 978-985-22-0184-1.

В сборник вошли материалы докладов, посвященные вопросам функционирования слова в языковой системе, в речевой практике, в научных, публицистических и художественных текстах. Статьи представлены на русском, белорусском, украинском языках.

Адресуется широкому кругу читателей – студентам, аспирантам, преподавателям, учителям, научным работникам.

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус

ISBN 978-985-22-0184-1

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Арэшка Ю. В. Канцэпты «жыццё» і «смерць» у афарыстыцы Васіля Быкава 8

Берекетмырадова Ш. Лексико-грамматическая характеристика туркменских топонимов 10

Богунь И. Идиостиль М. Цветаевой в прозе и поэзии (корпусное исследование) 13

Бондарь В. Д. Стилевые особенности материалов программы «Утренний эспрессо» 16

Галаш В. Д. Концепт «сон» в русской языковой картине мира 19

Герасімава А. А. Жанрава-стылёвы дыяпазон творчасці Міхася Стральцова 22

Головчик К. В. Синонимические конструкции в рассказах А. П. Чехова: семантический аспект 25

Грицук А. Е. Изображение войны в повести Б. Васильева «А зори здесь тихие…» 28

Гурьянова А. В. Способы номинации туристических предприятий Брестчины: многословные эргонимы 31

Данейко Е. В. Заимствование эпонимов как способ пополнения словарного состава русского языка 34

Джумаев М. Д. Этимология, эпидигматика, парадигматика слов *молодость – старость* и лексико-грамматический анализ выражений о молодости и старости в русском языке (по материалам словарей) 37

Дзенісюк Н. А. Фразеалагізмы са значэннем узаемадзеяння і руху ў творах У. Дамашэвіча 40

Ермолова М. И. Неотобъектно мотивированные прагматонимы (на материале номинаций текстиля) 42

Жилина Ю. Г. Ассоциативно-культурный фон слова *война* в картине мира современных школьников 45

Жук Г. Д. Лингвостилистические особенности антирелигиозных изданий сталинского периода 48

Зуева Е. А. Суффиксальные универбы в русском и белорусском языках, производные от названий административно-территориальных единиц и национальностей (на материале толковых и словообразовательных словарей) 51

Какабаев П. Типология эпитетов в произведениях Ф. И. Тютчева.. 55

Канановіч П. І. Апавяданні Васіля Быкава ваеннай тэматыкі апошняга перыяду творчасці..... 58

Кандрацюк Н. Д. Матывацыйна-структурныя групы айконімаў Бярозаўшчыны..... 61

Капуза Я. В. Стилистическое своеобразие заголовка как идеологического маркера современной периодической печати..... 64

Кемалов Ш. Т. Обучающие возможности текстов в учебниках по русскому языку для 8 класса базовой школы 67

Кизун О. В. Способы номинации лиц в современной художественной литературе (на материале произведений Саши Соколова)..... 71

Ковалевич Н. Названия светских праздников в русском и польском языках..... 74

Колядюк М. И. Художественные особенности романа Е. Водолазкина «Лавр» 77

Красковская Е. А. Секреты счастливой семьи в русских пословицах 80

Кушникова Ю. А. Анализ уровня владения учащимися пунктуацией текста 83

Лабай М. Г. Антропонимы в «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди» А. С. Пушкина..... 87

Ладутько Я. С. Многословные эрговиконимы (на примере номинаций агроусадеб Брестчины)..... 90

Ладутько Я. С. Эрговиконимы как носители культурных кодов.... 93

Лекуновіч А. А. Да фанетычных адметнасцей гаворкі вёскі Пасянічы Пінскага раёна..... 97

Литвинович Е. А. Трансформации новозаветных фразеологизмов в современной русскоязычной интернет-коммуникации 101

Лукша М. Д. Русский быт в идиолекте И. А. Гончарова: сфера питания 104

Лысенкова К. И. Лексика тематических групп *рождение, смерть, свадьба* в лингвокультуре Шумячского Порубежья 107

Мазурук І. М. Лексічныя працэсы ў інтэрнэт-прасторы (на прыкладзе незалежных інтэрнэт-сайтаў)..... 110

Маркелова И. Лексикографический портрет слова *шаромыжник* ……. 112

Мартэн Д. С. Тематический мотив «место» в номинациях кинопроизведений 115

Марцышина К. Н. Прецедентные фразы из басен И. А. Крылова в зеркале молодёжного лексикона..... 118

Микуляк Т. И. Лингвокультурологические аспекты корпоративного издания «Універсітэт»..... 121

Мілеўская А. У. Вобразныя азначэнні ў творах М. Стральцова 124

Моисейчик А. Э. Этимология фразеологизмов с архаичным соматическим компонентом..... 127

Мостыко Н., Цырыльчук Д. Лингвокультурологические аспекты текста Саввы Мажуко «Пастыри детей и деревьев» 129

Мухадова Г. Поэтический туркменский антропонимикон..... 133

Мухамметдурдыев А. Г. Изучение имен существительных общего рода в школьном курсе русского языка: система упражнений..... 136

Нгуен Ван Ту Ань Отражение национальной языковой картины мира в русской и вьтнамской компьютерной лексике 139

Островская Ж. Колоронимы в идиостиле Б. Окуджавы..... 141

Отузов Ш. В. Структура и основные принципы номинации транспортных средств в русском и туркменском языках 143

Отузова Ш. Г. Исследование причин развития омонимии существительных со значением ‘не лицо или предмет’ на основе омонимичных названий национальностей в русском языке 146

Паржон Н. А. Прагматычныя асаблівасці аўтарскай калонкі Алены Ляўковіч «Неасабісты суб’ектыў» 149

Пышко Д. А. З назваў раслін вёскі Малеч Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці 152

Рахманова Х. Х. Национально-культурный колорит в языке повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек»..... 154

Романюк Т. П. Особливості функціонування розмовної лексики в мові роману М. Гримич «Клавка» 157

Самотуга В. И. Новые номинации лица в современной общественно-политической лексике (по материалам словаря Г. Н. Скляревской) 160

Сас Н. В. К вопросу о принципах номинации линейных внутригородских объектов г. Бреста 163

Семашкевич А. В. Приемы языкового манипулирования в современных русскоязычных СМИ 166

Силюк Ю. Р. Графико-орфографические ресурсы реализации коммуникативных стратегий в заголовках современной прессы 169

Слапик М. Д. Способы передачи эмоций в неформальной интернет-коммуникации 172

Стручик-Долюк Э. Использование песенного материала в обучении иностранному языку 175

Третьякова К. А. Местоимения как способ языковой реализации оппозиции «свой/чужой» в русском дипломатическом дискурсе XVI века (на материале «Метрики ВКЛ» 1585 – 1600 гг.) 177

Тюшкевич А. Д. Современная аббревиатура: номинативный аспект 180

Фурсевіч А. С. Моўнае выражэнне тэкставай прасторы ў творах «На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкага і «У кііпцюрах ГПУ» Ф. Аляхновіча 184

Харчук В. О. Проблеми вживання запозичень у науковому дискурсі галузі електроенергетики 187

Худайназарова Г. К. Теория языка в школьном учебнике 190

Чалюк А. П. Назвы травяністых раслін у гаворцы вёскі Здзітава Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці 192

Чарыев М. Б. Виды и функционаьная нагрузка относительных имен прилагательных в рассказах А. П. Чехова 195

Шалль І. Э. Прафесійная моўная асоба інжынера-праграміста 198

Шаляст-Бытыс У. Использование русских пословиц и поговорок на уроках как средство формирования грамматических и орфографических навыков студентов-русистов 200

Шиш К. В. К проблеме вторичного заимствования слов (на примере слова *самоизоляция*) 203

Шпарло В. Н. Система регионального радиовещания Витебской области 206

Шэмет А. А. Антрапанімікон гістарычнай драмы Зінаіды Дудзюк “Скарына з Полацка” 209

Ючко О. Л. Статусы как средство выражения личности в интернет-коммуникации 212

Юшкевіч А. Г. Назвы лясных раслін у гаворцы вёскі Бездзеж Драгічынскага раёна Брэсцкай вобласці 215

Ярмолюк З. В. Социально-речевая стилизация в тексте Б. Акунина «Ф. М.» 218

Ярмошевич А. В. Концепт «дорога» в русской языковой картине мира 221

Ю. В. Арэшка *(г. Брэст, БрДу імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

КАНЦЭПТЫ «ЖЫЦЦЁ» І «СМЕРЦЬ» У АФАРЫСТЫЦЫ ВАСІЛЯ БЫКАВА

У афарыстычнай прасторы Васіля Быкава тэматычная шматграннасць вылучае найбольш актуальныя канцэпты, сярод якіх адметнымі і асабліва частотнымі з'яўляюцца такія, як «жыццё» і «смерць». Кожнаму чалавеку ад прыроды дадзена жыццё, фізічны канец якога – смерць. Васіль Быкаў сам не аднойчы быў на крок ад смерці: на адной з брацкіх магіл было пазначана імя пісьменніка, але гэта была шчаслівая недарэчнасць. Адпаведна ўласнаму вопыту пісьменнік у сваёй прозе вялікае месца адводзіць асэнсаванню «жыцця» і «смерці», што часта прыводзіць да стварэння лаканічных, мудрых, змястоўных выслоўяў – афарызмаў.

Філасофскімі развагамі пра бязмернасць часу, імгненнасць і супярэчлівасць чалавечага жыцця поўняцца наступныя афарызмы: *Жыццё чалавечае надта несувымернае з вечнасцю і што ці пятнаццаць гадоў, ці шэсць-дзесят – усё не болей чымсьці імгненне ў вечнасці часу* [1, с. 147]; *Жыццё – гэта мільёны сітуацый, мільёны характараў. І мільёны лёсаў* [1, с. 154]. Васіль Быкаў удала перадае думку аб мудрай няспешнасці часу: *Бываюць у жыцці выпадкі, значэнне якіх праяўляецца не адразу, а спакваля, праз таўшчыню гадоў, і асэнсоўваецца на працягу ўсяго жыцця* [2, с. 161].

Жыццё ў творчасці Васіля Быкава – найвялікшая каштоўнасць. У наступных выслоўях пісьменнік закранае праблему абыякавасці чалавека да каштоўнасцей жыцця, якія памылкова ўспрымаюцца як само сабой зразумелае: *Відаць, ужо так уладкавана жыццё, што пакуль чалавек жывы, ён адчувае і клапоціцца, нібы яму жыць доўгія гады. У тым яго і жыццёвая прывычка, навык пакаленняў* [3, с. 185]; *Адзіная рэальная каштоўнасць у чалавека на свеце – яго жыццё. Калі-небудзь у дасканалым людскім грамадстве яно стане катэгорыяй-абсалютам, мерай і цаной ўсяго... А смерць што ж – смерці не мінуць нікому. Важна толькі пазбыцца гвалтоўных смерцяў, даць чалавеку магчымасць разумна і добра выкарыстаць і без таго не надта вялікі свой час у гэтым свеце* [4, с. 188]. Невыпадкова празаік у другім афарызме «марыць» пра дасканалае грамадства, дзе жыццё – мера і цана ўсяго. Пранёсшы вайну праз сваё жыццё, аўтар дакладна ведаў, што жыццё – «адзіная рэальная каштоўнасць у чалавека», якую яшчэ трэба зразумець, усвядоміць і ацаніць. Аўтар заклапочана сцвярджае веліч жыцця, якая сучасным грамадствам часам успрымаецца скажона.

Неаднаразова пісьменнік падводзіць чытача да высновы, што жыццё – гэта з'ява шматаблічная, якая патрабуе грунтоўнай працы чалавека над

самім сабой: *І ўсё ж жыццё – мабыць, галоўнае. Яно і кара і ўзнагарода* [5, с. 310]; *Жыць усім хочацца. Ды не ўсім выходзіць* [1, с. 210]; *Жыццё – усё ж бязьлітасная рэч, для яго яшчэ ў дзяцінстве патрэбна загартавацца характарам* [6, с. 11].

Шэраг аўтарскіх выслоўяў набываюць іранічную, сатырычную, неадабральную афарбоўку. Семантычнай асновай для наступных афарызмаў паслужылі вобразныя супрацьлеглыя паняцці ‘годнае жыццё’ і ‘выслужніцтва’ дзеля зямнога, цялеснага жыцця: *...У той гульні, якая завецца жыццём, куды з большым выйгрышам аказваецца той, хто ўмее хітраваць, хто дбае пра свой лёс, а не пра свой не заўсёды здаровы гонар* [4, с. 241]; *Жыццё рэдка песціць чалавека спраўджаннем ягоных мараў, жыццё мае звычку рабіць па-свойму. Але і чалавек любіць, каб было па ягоным, вось і ўзнікаюць тады непалады, якія часам кепска канчаюцца* [1, с. 263]; *На самай справе, чаго варта жыццё толькі дзеля задавальнення свайго, такога дробязнага, самалюбівага, капрызлівага і ненасытнага Я?* [1, с. 92]. Так, у першым афарызме ‘жыццё’ атрымлівае назву ‘гульня’, бо ў жыцці з выйгрышам той, хто ўмее хітраваць. У другім афарызме жыццё набывае адухоўлены выгляд і ўступае ў барацьбу з чалавекам. Асаблівую канатацыю ‘жыццю’ надаюць блізка размешчаныя словы *рэдка песціць*, *мае звычку рабіць па-свойму*, што ствараюць вобраз жыцця суровым, здзеклівым. Трэці афарызм выкрывае спажывецкія погляды чалавека на жыццё, пры гэтым агульны фон выслоўя ўспрымаецца як насмешлівы, іранічны, што ствараецца за кошт паслядоўна расстаўленых якасных прыметнікаў з неадабральнай афарбоўкай: *дробязнага*, *самалюбівага*, *капрызлівага* і *ненасытнага*.

Як гімн жыццю і маладосці, дзеянням і палымянаму сэрцу гучыць наступны афарызм: *Гэтулькі асалод у гэтым жыцці – пазнаных і яшчэ не пазнаных, – гэтулькі радасці і шчасця, што гінуць у самым яго пачатку – злачынства ў адносінах да сябе* [3, с. 54]. Сваім жыццём выслоўе абавязана аповесці «Жураўліны крык». Менавіта ў ёй выяўляецца найвялікшы боль і шкадаванне да галоўных герояў, юнакоў і маладых мужчын, якія, відавочна, былі асуджаны на смерць. Пераважная большасць з іх прыйшла на фронт ледзь не пасля школьнай парты, брала зброю ў рукі і была вымушана забіваць такіх жа нявінных людзей, бадай, назаўсёды развітаўшыся з асалодамі зямнога жыцця.

У афарыстыцы Васіля Быкава сваё месца займаюць і выслоўі з канцэптам «смерць». Як сведка крывавых дзеянняў, празаік у сваіх творах адным з галоўных матываў вылучае смерць, якая на полі бою робіцца з’явай звычайнай: *А смерць што ж – смерці не мінуць нікому* [4, с. 188]; *Смерці дастукацца лягчэй за ўсё* [4, с. 239].

У шэрагу трапных выслоўяў аўтар з уласнага вопыту перадае вобраз, што якім бы само сабой зразумелым фактам не ўспрымалася б жыццё, але,

калі яно вісіць на валаску ад смерці – так і хочацца хоць на некалькі секунд працягнуць сваё зямное існаванне: *Не, мабыць, смерць нічога не вырашае і нічога не растлумачвае. Толькі жыццё дае людзям пэўныя магчымасці, толькі жыццё можа процістаяць злу і несправядлівасці. Смерць – нішто* [4, с. 271]; ... *Каб ведаў свой хуткі канец, пастараўся б быць лепшым* [7, с. 396]. З такіх выказванняў вынікае лагічная і філасофская сувязь двух антанімічных па сваёй сутнасці паняццяў – жыццё і смерць, а таксама аўтарскае асэнсаванне іх узаемазвязанасці.

Вылучэнне і асэнсаванне афарызмаў Васіля Быкава пра жыццё і смерць паказала, што празаік валодаў незвычайным талентам сцвярджаць высокія маральныя каштоўнасці, без якіх чалавек пераўтвараецца ў спажыўца, эгаіста, перастае быць чалавекам. Развагі знаходзілі сваё выяўленне не толькі ў звычайных семантычных значэннях паняццяў ‘жыццё’ і ‘смерць’, але і ў мудрай аўтарскай спавядальнасці. Афарыстычных выслоўяў, у якіх асэнсоўваецца каштоўнасць жыцця, налічваецца 12 адзінак, з канцэптам “смерць” выяўлена 5 выслоўяў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Быкаў, В. Збор твораў. У 6 т. / В. Быкаў. – Т. 3. Аповесці. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 415 с.

2. Быкаў, В. Сьцяна / В. Быкаў. – Менск : Наша Ніва, 1997. – 384 с.

3. Быкаў, В. Збор твораў : у 4 т. / В. Быкаў. – Т. 1. Аповесці / [Аўт. прадм. Д. Бугаёў]. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 432 с.

4. Быкаў, В. Збор твораў. У 4-х т. / В. Быкаў. – Т. 2. Аповесці. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 447 с.

5. Быкаў, В. У тумане : Аповесці / В. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 383 с.

6. Быкаў, В. Поўны збор твораў : у 14 т. / В. Быкаў. – Т. 8. Мэмуарная проза. – Мінск : Саюз беларускіх пісьменнікаў ; Масква : Время, 2009. – 576 с.

7. Быкаў, В. Збор твораў : у 6 т. / В. Быкаў. – Т. 5. Кар’ер: Раман: У тумане; Аблава : аповесці. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 432 с.

Ш. Берекетмырадова *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Е. Е. Вертейко, ст. преподаватель

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТУРКМЕНСКИХ ТОПОНИМОВ

В современном русском языке существуют сотни тысяч нарицательных слов, обозначающих предметы и их свойства, явления природы и другие реалии нашей жизни. Кроме них существует и другой, особый мир слов, выполняющих функцию выделения, индивидуализации и представляющих собой разнообразные имена и названия.

Географические названия окружают человека всюду. Каждый топоним содержит разнообразную информацию: историческую, географическую, лингвистическую, так как географические названия – это свидетельства исторических условий эпох, когда они возникали, формировались и распространялись в тех или иных странах.

Исследованием топонимики занимались такие российские лингвисты, как В. И. Даль, В. А. Жучкевич, В. А. Никонов, А. В. Суперанская, Л. В. Успенский. Большой вклад в изучение топонимов Средней Азии внес топонимист Э. М. Мурзаев.

Целью данной статьи является лексико-грамматическое описание туркменских топонимов. Материалом исследования послужили туркменские топонимы, почерпнутые из «Географические названия мира: топонимический словарь» Е. М. Поспелова [1] и Интернет-ресурса «Википедия» [2]. Всего исследовано 50 топонимов.

Н. В. Подольская в зависимости от специфики объекта номинации выделяет следующие классы топонимов: *ойконимы* включают в себя названия любых населенных пунктов [3, с. 93], *оронимы* называют формы рельефа [3, с. 104], *гидронимы* – водные объекты [3, с. 46] и многие другие. Объектом исследования в нашей статье являются туркменские *ойконимы*, а именно *астионимы* (50 единиц), т. е. названия городских поселений в Туркменистане, *хоронимы* (2 единицы), т. е. собственное имя любой территории, в т. ч. хоронимы административные, природные [3, с. 160], *оронимы* (7 единиц) и *гидронимы* (6 единиц).

Согласно лексико-семантической характеристике в туркменской ойконимии можно выделить следующие группы именований городов: *антропоойконимы*, *этноойконимы*, *квалификативные* названия и *ландшафтные* ойконимы [4, с. 25].

Яркими примерами ***антропоойконимов***, т. е. образованных от различных антропонимов, являются многие названия городов, мотивированные именами племенных правителей, национальных и легендарных героев, поэтов, а также людей, много сделавших для распространения исламской религии: *Байрамали*, *Гёроглы*, *Гурбансолтан-Эдже*, *Дарганата*, *Имени Сапармурата Туркменбаши*, *Керки*, *Махтумкули*, *Ниязовск*, *Саят*, *Сейди*, *Эсенгулы*. Рассмотрим некоторые из них.

Имя первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова (1940–2006) послужило мотивирующей базой для образования трех астионимов: *Гурбансолтан-Эдже* (туркм. *Gurbansoltan eje* ‘Гурбансолтан-мать’ в честь матери первого президента), *Имени Сапармурата Туркменбаши* (туркм. *Türkmenbaşy* ‘глава туркмен’) и *Ниязовск*. Имя средневекового государственного деятеля и поэта туркменского происхождения Байрам-хана (1501–1561) легло в основу номинации астионима *Байрамали*.

Именами туркменских поэтов, классиков туркменской литературы Махтумкули (1724–1807) и Сейитназара Сейди (1775–1836) названы города *Махтумкули* и *Сейди*. В честь легендарного героя туркменского эпоса *Гёроглы* (туркм. *гёр* ‘могила’ и *оглы* ‘сын’) также был назван город.

Этноойконимами, т. е. именованиями, образованными от названий народов, племен, национальностей и т. д., являются названия следующих туркменских городов: *Гарабекевюл*, образованное от названия племен *Гара* и *Бекевул*, *Дашогуз* – туркм. «внешние огузы» (*огузы* – средневековый тюркский народ, описанный ещё в эпосе «Деде Коркут»; существует и иная этимология топонима *Дашогуз* – от туркм. *даш* ‘камень, каменный’ и *ховуз* ‘пруд, искусственный водоем’, т. е. в целом ‘каменное водохранилище’ [1, с. 412]), *Сакар* – от названия туркменского племени *Сакар*.

Примерами ***квалификативных*** названий, в которых содержится определение объекта, указание на его признак, качество, и ***ландшафтных***, прямо или косвенно называющих любой объект ландшафта, являются следующие астионимы: *Акдепе* ‘белый холм’, *Аннау* ‘новая вода’, *Балканабад* ‘горный лесистый хребет’, *Гёкдепе* ‘синий холм’, *Губадаг* ‘вершина горы’, *Гарабогаз* ‘черный залив’, *Кумдаг* ‘песок’ и ‘гора’, *Койтендаг* ‘гореть’ и ‘гора’, *Сакарчага* ‘лысый песок’, в значении ‘без растительности’. Как видим, основными словообразовательными элементами в номинации квалификативных и ландшафтных именований являются: *депе* (туркм. ‘холм’) и *даг* (туркм. ‘гора’), а также различные цветовые именования-компоненты.

Вслед за А. М. Мезенко наименования водных объектов и гор мы будем делить на две группы – отономастические образования и отапеллятивные именования [4, с. 56]. ***Отономастическими*** производными являются гидронимы и оронимы, образованные от личных имен собственных, а также от ойконимов. В туркменской топонимии отономастическими производными являются ороним *Айрибаба* (туркм. *Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy belentligi* ‘пик Великого Туркменбаши’) и гидронимы *Амударья* (от названия расположенного на реке города *Амуль* и тюрк. *дарья* ‘большая полноводная река’) [1, с. 34] и *Фирюзинка*. Название последнего водного объекта образовано от названия поселка *Фирюза*, что в свою очередь на языке фарси обозначает ‘бирюза’.

Значительно большим количеством единиц в туркменской топонимии представлены гидронимы и оронимы, образованные от ***апеллятивных*** единиц. Именования, которые определяют объект по ряду особенностей (форма, размер, состояние поверхности и т. п.): оронимы *Копетдаг* (тюрк. *коп* ‘много’ и *даг* ‘гора’, т. е. означает ‘многогорье’) [1, с. 214], *Большой Балхан* (тюрк. ‘горный лесистый хребет’), *Бадхыз* (*бад* ‘плохой, дурной’ и *хыз* от тюрк. *кыр* ‘возвышенность, гора, плоскогорье’) [1, с. 51], *Карабиль*

(туркм. ‘черный горный хребет’) [1, с. 187], *Кугитангтау* (туркм. ‘горы глубоких каньонов’); гидронимы *Мургаб* (иран. ‘луговая река’) [1, с. 277], *Атрек* (тюрк. ‘изрезанное побережье озера, моря с многочисленными заливами, островками, дельтами’ или от этнонима *тюрк*) [1, с. 47], *Сарыкамыш* (тюрк. ‘жёлтый камыш’) [1, с. 369].

Хороним, т. е. собственное имя любой территории [3, с. 160], *Туркменистан* имеет отэтнонимное происхождение. Он образован от этнонима *туркмены* и ираноязычного топоформанта *-стан* ‘страна’ [1, с. 425]. Название пустыни *Каракумы* (*Кара-Кумы*, *Каракум*) восходит к тюркскому ландшафтному термину *каракум* ‘неподвижный, закрепленный растительностью песок’ или, буквально, ‘земляной песок’ [1, с. 188].

Таким образом, согласно лексико-грамматической характеристике в туркменской топонимии доминируют квалификативные и ландшафтные ойконимы, туркменские оронимы и гидронимы также являются преимущественно отапеллятивными образованиями.

Список использованной литературы

1. Поспелов, Е. М. Географические названия мира: топонимический словарь : ок. 5000 единиц / Е. М. Поспелов ; отв. ред. Р. А. Агеева. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2002. – 512 с.

2. Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/. – Дата доступа: 16.03.2020.

3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1998. – 192 с.

4. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А. М. Мезенко – Минск : Элайда, 2012. – 206 с.

И. Богунь *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ИДИОСТИЛЬ М. ЦВЕТАЕВОЙ В ПРОЗЕ И ПОЭЗИИ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

До начала XIX в. вся художественная литература называлась поэзией, но в современной филологической науке термины *поэзия* и *проза* противопоставлены. «Поэзия (греч. *poiesis*, от *poieo* – творю, создаю) – один из двух основных способов организации художественной речи (ср. *проза*). Важнейшим отличием поэзии от прозы является особый ритм (отчетливое деление на соизмеримые ритмические отрезки, которые не совпадают с синтаксическим членением фразы)» [1]. «Проза (лат. *prosa*, от *prosa oratio* – прямая, свободно движущаяся речь) – 1. Один из двух основных способов организации художественной речи (ср. *поэзия* в 1 знач.).

К художественной прозе относят все виды нестихотворной (т. е. не имеющей устойчивой ритмической модели) речи. 2. С начала XIX в. преобладающая форма эпических и драматических произведений в европейской и русской литературе: прозаические произведения, изображающие события, характеры во всей их сложности и многогранности и, как правило, имеющие сюжет. 3. Обычная форма устной и письменной речи» [1]. На первый взгляд, различие между поэзией и прозой очевидно, однако Ю. Тынянов в 1923 писал: «Термин “поэзия”, бытующий у нас в языке и в науке, потерял в настоящее время конкретные объем и содержание и имеет оценочную окраску» [2].

Марина Ивановна Цветаева – одна из ключевых фигур в мировой поэзии XX века, но она известна и как оригинальный прозаик, автор биографических эссе. **Целью** данной работы является выявление различий языка прозы и языка поэзии М. И. Цветаевой на основе статистических данных, полученных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3].

В прозаических текстах М. И. Цветаевой, включенных в НКРЯ, общее количество словоформ составляет 212 933 на 23 700 предложений, то есть средняя длина предложения – 9 слов. Количество словоформ поэтических текстов М. И. Цветаевой составляет 170 661 на 26 759 предложений, то есть средняя длина предложения – 6,4 слова. Следовательно, в поэзии она использовала более короткие предложения, чем в прозе.

На рисунке 1 представлено распределение словоупотреблений по частям речи в прозаическом и поэтическом корпусах М. И. Цветаевой.

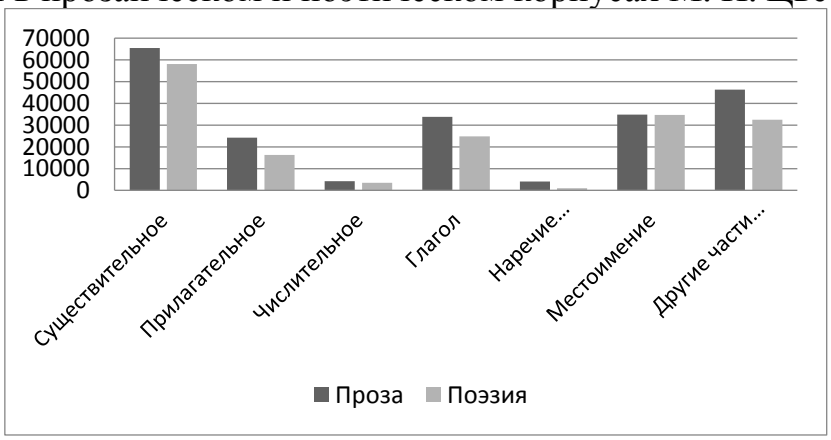

Рисунок 1 – Распределение словоупотреблений по частям речи в прозаических и поэтических текстах М. И. Цветаевой

Диаграмма показывает, что и в прозаических, и в поэтических произведениях автор использует существительные чаще, чем другие части речи: 30,76 % в прозе, 34,03 % в поэзии. Преобладание существительных над другими частями речи характерно для русского языка, в среднем по НКРЯ существительных 28,5 %.

После существительного идет местоимение – 16,34 % в прозе и 16,31 % в поэзии (в среднем по НКРЯ 14,6 %).

На третьем месте глагол – 15,89 % в прозе и 14,51 % в поэзии (в среднем по НКРЯ 17 %).

По этим данным очевидно, что идиостиль М. И. Цветаевой отличается некоторой номинативностью, меньшим количеством глаголов и большим числом именных частей речи по сравнению с общей речевой практикой.

По словам общего рода поэзия и проза М. И. Цветаевой очевидно различаются. Поскольку в текстах М. И. Цветаевой не снята омонимия, в число существительных общего рода попали слова типа *шляпа*, *голова*, *кроха*, *крошка* в прямом значении, хотя возможность называть мужчин данные существительные приобретают лишь в переносном смысле. Около половины примеров составляют несклоняемые фамилии (*Гейне*, *Данте*, *Брюхоненко*, *Франко* и др.). В прозе, не считая имен собственных, встретились лишь слова *убийца*, *сирота*, *пьяница*, *пария* (в сумме 8 раз). В поэзии же, кроме названных, встречаются слова *бродяга* (8), *калека* (8), *ровня* (3), *неровня*, *недотрога* (2), *невидимка* (2), *неженка* (2), *ханжа* (2), *белоручка*, *всезнайка*, *выскочка*, *дубина* (о человеке), *егоза*, *зубрила*, *невежа*, *невежда*, *непоседа*, *плакса*, *полукровка*, *простофиля*, *пустомеля*, *растрепа*, *тезка*. Обнаруживается целый ряд существительных общего рода с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *малютка* (16 вхождений в 15 текстах), *малюточка* (в 2 текстах), *бедняжка* (2), *крошка* (7), *сиротка* (6). Встретились также сложные слова *язва-тихоня*, *цареубийца*, *отцеубийца*, *детоубийца*, окказионализм *певцоубийца*. Всего 81 вхождение, то есть экспрессивных существительных общего рода в поэзии в десять раз больше, хотя объем поэтических текстов почти на четверть меньше.

Обращает на себя внимание расхождение в количестве притяжательных прилагательных: 138 слов в прозаических и 347 в поэтических текстах. Если в прозе М. И. Цветаева использует главным образом дериваты от названий лиц (*мамин*, *папин*, *хозяйкин*, *тещин*, *нянькин* и под.) и домашних животных (*кошачий*, *бараний*, *собачий*, *воловий*, *верблюжий* и др.), то в поэзии часты случаи образования притяжательных прилагательных от названий диких животных, птиц, даже рыб: *барсучий*, *медвежий*, *крысий*, *турий*, *воронов*, *лебяжий*, *совий*, *кукушечий*, *акулий* и др. Нередки в поэзии наречия, образованные от притяжательных прилагательных: *по-вдовьи*, *по-божьи*, *по-щучьи*, *по-песьему*, *по-верблюжьи*, *по-оленьи*, *по-медвежьи*, *по-крысьи*, *по-птичьи*.

Может показаться странным, что местоимения первого лица в прозе гораздо частотнее: 6552 (18,8 % от местоимений) слов в прозаических, 3706 (10,7 %) слов в поэти*ческих* текстах. Однако проза М. И. Цветаевой

автобиографична, а в поэтический подкорпус включены разные произведения, в том числе переводы и поэмы.

Обращает на себя внимание употребление глаголов в формах второго лица в поэтических текстах (17,7 % от глагольных форм), в прозе их значительно меньше (11,2 %). Поэзия больше ориентирована на читателя, вызывает его на диалог.

О. Г. Ревзина отмечала, что «в формировании художественной структуры поэтических текстов М. Цветаевой участвуют все языковые уровни» [4]. Полученные нами результаты вносят вклад в исследование идиостиля М. И. Цветаевой на уровне морфологии, который до сих пор оставался наименее изученным.

Список использованной литературы

1. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / С. П. Белокурова // Gramma.ru : Культура письменной речи. – Режим доступа: http://gramma.ru/LIT/?id=3.0. – Дата доступа: 19.02.2020.

2. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/new/. – Дата доступа: 30.05.2020.

4. Ревзина, О. Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре / О. Г. Ревзина // Язык русской поэзии XX века : сб. науч. трудов / отв. ред. В. П. Григорьев. – М. : Ин-т русск. яз. АН СССР. – 1989. – С. 195–222.

В. Д. Бондарь *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛОВ ПРОГРАММЫ «УТРЕННИЙ ЭСПРЕССО»

Материалом исследования послужили тексты программы «Утренний эспрессо» канала «Беларусь 4. Брест», выходившей в 2018–2019 гг. В данной программе в большинстве случаев используется публицистический стиль речи. Он представлен различными жанрами, которые имеют разные задачи и функционируют в разных условиях. Как известно, характерная черта публицистического стиля – информативность: чем больше нового узнает адресат, тем больший успех получают публицистические жанры. Публицистический стиль сочетает в себе языковые средства разных стилей, поэтому ему характерна экспрессивность и стандарт, информативность и популяризаторство. Это свойственно и текстам информационно-развлекательной программы «Утренний эспрессо».

Одна из задач публицистического стиля – воздействие на адресата. Воздействующую функцию, как и информационную, выполняют практически все жанры публицистического стиля речи. Не менее важна и экспрессивная функция, которая усиливает значимость воздействующей функции. Все функции реализуются посредством использования разных средств выразительности, однако в силу ограниченности во времени создания текста и в зависимости от жанра и предмета описания журналист очень часто использует готовые и известные единицы. Это четко прослеживается в рубрике «Анонс»: *В поисках жениха! Уникальные обряды и седьмое чудо Гродненщины. Узнаете об этом, оставаясь с программой "Утренний эспрессо"* (01.07.2019). Данный текст лаконичен, но при этом и информативен, и экспрессивен. В первой части используются односоставные предложения без сказуемых. С помощью прилагательного *уникальный* автор дает собственную оценку представленным обрядам. Зритель понимает, что такой материал он сможет увидеть только в этой программе. Также применяется интертекстема *седьмое чудо Гродненщины* – отсылка к *7 чудесам света*, что еще больше разжигает интерес зрителей. Вторая часть текста представляет собой прямое обращение к зрителю, а это активно воздействует на адресата. Таким образом, ведущие реализуют информационную стратегию, при этом создают интригу, чтобы зритель оставался у экрана на протяжении всего эфира.

Черты публицистического стиля четко прослеживаются и в жанре фактологической заметки, в форме которой представлена рубрика «Календарь»: «*1793 – Лувр впервые открылся для публики как национальный художественный музей. Здание было построено как крепость на правом берегу Сены для защиты Парижа с запада. Сегодня Лувр – памятник архитектуры и крупнейший художественный музей мира*» (10.08.2019). К лингвистическим особенностям этого жанра можно отнести использование нейтральной лексики, наличие стандартных высокоинформативных элементов, имен собственных, числительных, конструкций с однородными и обособленными членами предложения: *Памятник архитектуры и крупнейший художественный музей мира*. Здесь приведены однородные члены с сочинительной связью. На лексическом уровне для заметки характерно функционально оправданное употребление терминов: они придают заметке нужную точность и ясность изложения, строгость, выдержанность и содействуют лаконичности речи: *Сегодня Лувр – памятник архитектуры и один из крупнейших художественных музеев мира*.

Несмотря на то, что программа «Утренний эспрессо» позиционирует себя как информационно-развлекательная, в ней существуют рубрики, которые требуют подачи, свойственной официально-деловому стилю. Он отличается от остальных стилей речи императивностью, точностью,

отсутствием эмоциональной окраски, строгой текстовой композицией. В текстах этого стиля широко используются речевые клише, аббревиатуры и отглагольные существительные. Примером может служить рубрика «Горячая линия», где тактику привлечения эксперта выполняет сам ведущий-юрист, который слушает вопрос обратившихся и дает краткий и лаконичный ответ: *Виктория Сергеевна, по исполнительному листу из заработка в счет погашения долга может удерживаться 20 %. Если указанная квартира единственная в собственности, то суд не имеет право конфисковать ее в счет погашения долга* (02.12.2019). С помощью штампов, языковых клише, профессиональной терминологии в таких материалах ярко выражена главная черта стиля – информационная направленность: *Нет, Лидия Ивановна, согласно Законодательству РБ, лишить своего брата права собственности Вы не можете. Однако Вы вправе взыскать половину расходов, понесенных на содержание данного имущества* (02.12.2019). Для рубрики характерна и жесткая логическая структура предложений и самого текста в целом, отсутствие эмоциональности и оценочности: *Максим живет и работает в Бресте. Контракт заключен с ним до 2016 года. Мужчине предложили перевод внутри организации на другую должность с перезаключением контракта и испытательным сроком в 3 месяца. При устройстве на работу Максим проходил уже испытательный срок и задает вопрос: «Правомерен ли испытательный срок и могу ли я отказаться от перевода?* (02.12.2019). В данном примере не используются средства выразительности.

Элементы официально-делового стиля прослеживаются и в рубрике «Тема дня», где ведущие общаются с гостем на самые острые и актуальные темы и используют клише, номенклатурные названия: *В области подвели итоги тематических проверок питания детей в дошкольных учреждениях. Об их результатах поговорим с нашей гостьей. В студии – заведующая отделом гигиены Брестского областного центра гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья – Людмила Брезовская* (19.09.2019).

Таким образом, стилевые черты текстов в рубриках «Горячая линия», «Тема дня» проявляются следующим образом: в лексике – используются преимущественно слова и термины официально-деловой сферы, активно эксплуатируются канцеляризмы и языковые клише; в синтаксисе – применяются длинные предложения, как правило, усложненные оборотами.

В программе «Утренний эспрессо» беседа с гостями проходит в разговорно-обиходном стиле. Он выступает в роли инструмента непосредственной передачи и обмена информации, касающейся бытовых вопросов и не требующей официальной обстановки. В нем используется преимущественно простая и доступная лексика, возможны повторы, неполные предложения, вводные и вставные конструкции: *Лана, судя по откликам*

в интернете (я посмотрела), нас ждет яркий и красочный сезон. Какие тенденции диктует модная «осень-зима 2018»? Какие фишки в сезоне? (25.08.2018). Оценочность и экспрессивность проявляется за счет прилагательных, разговорного существительного и вставной единицы.

Элементы художественного стиля речи характерны для текстов рубрики «Околица». Здесь наблюдается неоднородность лексического состава: сочетание книжной лексики с разговорной, просторечной и иногда диалектной: *Доброе утро! Это «Околица». А начнем мы сегодня так. Есть такое имя Яков. Согласно Библии, Яков, а вернее, Иаков, родился, держась за пятку брата. В переводе с иврита это означает – «следующий по пятам». Есть в этом некоторый символизм. Какой? Узнаете немного позже. Сегодня утром мы хотим рассказать историю уроженца Бреста, без которого, возможно, Альберт Эйнштейн не сказал бы свою фразу, что все относительно. Итак, прошу любить и жаловать – Яков Пинхусович Громмер* (17.06.2018). В результате смешения разностилевой лексики образуется интересный авторский стиль.

Таким образом, в соответствии с требованиями любой утренней программы ведущими и корреспондентами «Утреннего эспрессо» чаще всего используется публицистический стиль речи. Однако в зависимости от темы в него могут включаться элементы официально-делового, разговорного и художественного стилей. Можно сказать, ведущие и редакторы говорят практически с каждым зрителем «на его языке».

В. Д. Галаш *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

КОНЦЕПТ «СОН» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В различных науках сон понимается по-разному, что говорит о многоаспектности данного явления и его бытования в различных языковых контекстах: как отражение бессознательного – в психологии, как особое состояние человеческого организма – в биологии. В литературоведении сон рассматривается как прием построения композиции, психологической характеристики действующих лиц и изложения взглядов самого автора, а также как прием ретроспекции и проспекции. С лингвистической точки зрения можно изучать не только существительное *сон*, но и концепт «сон», занимающий в русской культуре важное место.

Слово *сон* имеет два значения: «наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения», а также «то, что снится, грезится

спящему, сновидение» [1]. На основе лексикографических источников Э. А. Черкашина установила следующую структуру концепта «сон»: ядро (базовый слой) представлено тремя семами:

1) периодически наступающее физиологическое состояние покоя организма, во время которого полностью или частично прекращается работа сознания и ослабляется ряд физиологических процессов;

2) то, что снится во время этого состояния; сновидение;

3) состояние животных и растений (спячка) [2].

Ближняя периферия концепта «сон», по мнению этого исследователя, представлена модификациями двух основных сем базового слоя:

1. Семы, обусловленные содержанием первой семемы базового слоя:

а) состояние, близкое ко сну; состояние, когда клонит ко сну;

б) состояние отдыха, бездеятельности, отсутствие беспокойства;

в) восстановление сил пребыванием в состоянии бездействия, покоя;

г) бессознательное или полубессознательное состояние.

2. Семы, обусловленные содержанием второй семемы базового слоя:

а) образы, возникающие во время сна; то, что снится, грезится спящему;

б) явление (во сне, в воображении, при психических расстройствах) образов из мира фантазии, картин прошлого и т. п.;

в) мысленный образ чего-либо желаемого [2].

Наконец, дальняя периферия концепта «сон», по мнению Э. А. Черкашиной, представлена семой «прекращение жизнедеятельности организма», которая является модификацией первой ядерной семы. Лексема для репрезентации этого значения употребляется редко, в религиозной сфере: *успение* (смерть, кончина) [2].

Все примеры, приведенные в исследовании Э. А. Черкашиной, взяты из художественной литературы XIX – начала XX в. Сопоставить представления о сне, сформировавшиеся сто лет назад, с современными помогут ассоциативные словари и данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3]. Ассоциации, возникающие у человека с конкретным словом, являются важным ресурсом для составления полного представления о концепте. А НКРЯ позволяет выявить типичные сочетания слов (коллокации), в том числе нефразеологического характера.

Судя по данным ассоциативного словаря и коллокациям, зафиксированным в Национальном корпусе, более сильные эмоции у носителей русского языка слово *сон* вызывает не как обозначение физиологического состояния, а как синоним лексемы *сновидение*: среди прилагательных с положительной эмоциональной окраской только два могут характеризовать сон как обозначение физиологического состояния (*благодатный, сладкий*), а остальные, как и все слова с отрицательной коннотацией,

относятся к сновидениям (*чудесный*, *золотой*, *прекрасный*, *волшебный* и др.; *дурной*, *беспокоящий*, *страшный*, *странный*, *кошмарный*, *чудовищный*, *томительный*, *мерзопакостный*, *идиотский* и др.).

Самой частотной ассоциацией является фразеологическая – в *руку* (20 из 103). Она отражает мифологическое отношение к данному явлению, мистические представления о нем, как и ассоциации *предзнаменование, сбыться, истолковать*, коллокации *вещий сон*, *сон значит*, *сон означает* [4]. Языковые единицы со значением забытья, ирреальности многочисленны среди ассоциаций: на втором месте по частотности антоним *явь*, ср. также *забвение, бред, мечтание, небытие, опьянение, гипноз, волшебный, астральный, фантастический, иллюзорный, сказочный, призрачный, заколдованный, бредить, мерещиться, чудиться.*

В русской языковой картине мира *сон* представляется неким местом, куда душа человека на время перемещается. Причем это место подобно морю или другому водному объекту: ассоциации *омут, пучина*, *погрузиться, уплыть, провалиться*; коллокации *зыбкий сон*, *опустился в сон*. «Сон воспринимается как своеобразный параллельный мир, который воспроизводит сферу подсознательных чувств и инстинктов индивида. Этот параллельный мир отмечается размытыми и нечеткими границами, в нем накапливаются определенные воспоминания или желания. Сон превращается в определенный призрак прошлого или будущего, когда индивид погружается в забытье» [5].

Для русской языковой картины мира характерно олицетворение сна (ассоциации *тревожный, безмятежный, блаженный, объять, одолевать, бороться*; коллокации *напал сон*, *крался сон*, *сон налегал, сон соскочил*).

В то же время сон может представляться как некий предмет, вещество (ассоциации *зыбкий, крепкий, стряхивать, стряхнуть*, коллокация *сон распался*).

Исключительная важность сна для русского мировоззрения отражается в коллокациях *сон смерть*, *жизнь сон*. Сон в русской культуре оказывается в одном ряду с наиважнейшими категориями человеческого бытия: *И, может быть, их три сестры роковые, – сон, смерть, любовь* [Ф. К. Сологуб. Королева Ортруда (1909)]; *По Гераклиту, в духовном мире являющаяся триада, – Жизнь, Сон, Смерть, – дополняются в мире телесном соответственно троичностью, – Огонь, Вода, Земля* [К. Д. Бальмонт. Волга (1927)].

Таким образом, структура концепта «сон» может быть существенно дополнена: в русской языковой картине мира сон представляется как место, куда душа человека на время перемещается, как пучина, как живое существо, как вещество, как предзнаменование.

Список использованной литературы

1. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://slovarozhegova.ru. – Дата доступа: 20.05.2020.

2. Черкашина, Э. А. Концепт *сон/dream*: лингвокультурологическая специфика / Э. А. Черкашина // Вестник Ставропол. гос. ун-та. – № 49. – 2007. – С. 172–177.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/new/. – Дата доступа: 30.05.2020.

4. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://www.tesaurus.ru. – Дата доступа: 21.05.2020.

5. Левицкий, А. Э. Концепты *сон* и *мечта* в восточнославянских и западногерманских лингвокультурах / А. Э. Левицкий // Лингвоконцептология: перспективные направления : монография / авт. кол. : А. Э. Левицкий [и др.]; под. ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко, И. В. Недайновой. – Луганск : ГУ ЛНУ имени Тараса Шевченко, 2013. – С. 502–524.

А. А. Герасімава *(г. Брэст, БрГУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

ЖАНРАВА-СТЫЛЁВЫ ДЫЯПАЗОН ТВОРЧАСЦІ МІХАСЯ СТРАЛЬЦОВА

Міхась Стральцоў – адзін з самых вядомых беларускіх пісьменнікаў, талент якога ўвасобіўся ў прозе, паэзіі, эсэістыцы і крытыцы. Па меркаванні Р. Барадуліна, Міхась Стральцоў меў «прыроджаны абсалютны літаратурны густ. Сказаць пра яго – талент, будзе правільна, асоба – таксама. Але, бадай, слова з'ява трохі акрэсліць маштабы Міхася Стральцова» [2, с. 22].

Ва ўсім, што б ні пісаў гэты пісьменнік, ён быў перш за ўсё паэтам, хаця найпаўней выказаўся ў прозе і эсэістыцы. На паэтычнасць творчасці Міхася Стральцова звярнуў увагу знакаміты пісьменнік і літаратуразнаўца А. Адамовіч: «Яго паэзія – гэта «паэзія мыслі» найперш. Такая паэзія таксама, калі на ўзроўні, законная дачка Музы. Але іменна ў прозе Міхася Стральцова жыве «Моцарт», і, значыць, гэта яго асноўны талент, у гэтым асноўнае прызванне» [4, с. 8]. Творы чатырох збонікаў вершаў – «Ядлоў-цавы куст» (1973), «Цень ад вясла» (1979), «Яшчэ і заўтра» (1983), «Мой свеце ясны» (1986) – сведчаць, што паэтычная спадчына Міхася Стральцова надзвычай арыгінальная і разнастайная. У сваіх вершах паэт выступіў чалавекам і правінцыйным, і гарадскім, і нацыянальным, і наднацыянальным, і касмапалітычным, і касмічным. Лірыка Міхася Стральцова гарманічна спалучае інтэлектуальнасць з пачуццёвай адкрытасцю. Адметнасцямі лірыкі творцы з'яўляюцца філасафічнасць, інтэлектуальная глыбіня, высокая культура мастацкага мыслення і пачуццёвая вобразнасць. Яго вершам уласцівы тонкі лірызм, спавядальнасць, душэўная шчырасць і высокае псіхалагічнае майстэрства. Літаратуразнаўцы называюць Міхася

Стральцова эксперыментатарам: ён заўсёды быў у творчым пошуку. Пра гэтую асаблівасць творчасці пісьменніка сведчыць мова яго твораў (ужыванне дыялектызмаў, лексікі абмежаванага выкарыстання, наватвораў). Паэт шмат эксперыментаваў з вобразнасцю, кампазіцыяй, памерамі, шырока карыстаўся малараспаўсюджаным у той перыяд свабодным вершам (верлібрам), чым у пэўным сэнсе апярэдзіў нават агульнапрызнанага наватара А. Разанава. Наватарства паэтычных твораў Міхася Стральцова выявілася і ў т.зв. «плынях свядомасці», прадстаўленых у выглядзе сноў, мрояў, прадчуванняў. Яго лірыка вызначаецца жанрава-стылёвай разнастастайнасцю, пра што сведчаць назвы вершаў: «Ода прозе», «Балада вуліцы», «Эпітафія», «Эпіграма», «Накцюрн», «Эпіграф». Ёсць творы, напісаныя верлібрам («Глухата», «Шчаслівая хвіліна», «Яна кажа», «Мне спавядаўся чалавек», «Помста», «Асацыяцыя»), ёсць прысвячэнні («Адгалоскі» Р. Барадуліну, «Адвячоркам круціцца пласцінка» А. Вялюгіну, «Усім сказаць: была, была бамбёжка» А. Пысіну, «У самых дальніх, дальніх гарадах» В. Аскоцкаму).

Проза Міхася Стральцова – гэта сінтэз думкі і пачуцця. У ёй галоўнае – не падзеі, а паказ чалавечых адчуванняў, пачуццяў. Кожны твор пісьменніка вытрыманы ў сваёй настраёвай танальнасці. Стыль у некаторых апавяданнях Міхася Стральцова становіцца нервовым, напружанным, мабыць, таму што яго героі часта самі не разумеюць, што адбываецца з імі, адкуль з'явілася трывога, сум, неспакой. Усе яны незадаволены звыклым будзённым жыццём. Вызначальнай рысай стральцоўскай прозы з'яўляецца высокі інтэлектуалізм, які стаў своеасаблівым працягам і рэалізацыяй філалагічнага, кніжнага выхавання. Пры гэтым важна, што кніжнасць мыслення творцы не прыводзіць да напружанасці і нагрувашчанасці. Разнастайная і тэматычная палітра прозы Міхася Стральцова. У рэчышчы традыцыйнай для беларускай літаратуры і, у прыватнасці, для творчасці «шасцідзесятнікаў» вясковай тэматыкі, ён не толькі стварыў «Трыпціх», «Дома», «Блакітны вецер», «Там, дзе зацішак, спакой», «Смаленне вепрука», але і запачаткаваў у нацыянальнай прозе матыў «сена на асфальце». Ваенная тэматыка з выяўленнем псіхалогіі «дзіцяці вайны» знайшла выяўленне ў апавяданні «На чацвёртым годзе вайны» і аповесці «Адзін лапаць, адзін чунь». Апошні з твораў выразна прасякнуты інтэлектуалізмам. Тэма кахання займае асаблівае месца ў творчасці пісьменніка, закранаецца ў яго творах «Восеньскі ўспамін», «Двое ў лесе», «Свет Іванавіч былы донжуан», «Волька». Але не пра радаснае каханне пісаў Міхась Стральцоў, а пра шчасце двух людзей, якое было такім блізкім, але не спраўдзілася па нейкіх прычынах. Матыў успамінаў выкарыстаны пісьменнікам у творах «Што будзе сніцца», «Роздум». Лірычны герой з цеплынёй і ўсмешкай і адначасова з нейкім сумам узгадвае сваю мала-

досць, рэфлексуе, аналізуе свае ўчынкі. Тэме творчасці прысвечаны апавяданні «Дзень у шэсцьдзесят сутак», «На вакзале чакае аўтобус». Іх аўтар разважае пра асобу ў літаратуры, пра асновы літаратурнай творчасці.

Пра Міхася Стральцова прынята гаварыць, што ён пісьменнік, які стаіць па-за межамі жанраў. Ягоная паэзія часам відавочна набліжаецца да лірычнай прозы, а проза, у сваю чаргу, у некаторых праявах нагадвае паэзію. Сінтэзуючыся ў адно цэлае, гэта робіць творчасць пісьменніка яшчэ больш адметнай. Сам Міхась Стральцоў пісаў у адным са сваіх вершаў пра «саюз паэзіі і прозы». Тое ж самае назіраецца ў яго крытыцы і эсэістыцы. Так, «Загадку Багдановіча» большасць літаратуразнаўцаў адносяць да жанру эсэ, але некаторыя называюць аповесцю. А элементы эсэістыкі, нарысавасці маюць месца ў артыкулах і, нават, рэцэнзіях пісьменніка. Надзвычай яркім прыкладам з'яўляецца рэцэнзія Міхася Стральцова на зборнік прозы Алеся Жука «Асеннія халады» з арыгінальнай і «нерэцэнзійнай» назвай «Рунь халадоў не баіцца». Ужо пачатак рэцэнзіі настройвае чытача на асаблівае ўспрыманне, адразу адчуваецца «стральцоўская» лірычная манера пісьма: «*Як гэта ўсё-такі добра, калі пра першую кніжку маладога аўтара можна без паблажлівай добразычлівасці, без прабачлівых ссылак на маладосць сказаць адным словам: таленавіта...* » [5, с. 373].

Крытыка Міхася Стральцова пазначана рысамі даверлівасці і інтымнасці, якія ўласцівы ягонай паэтычнай творчасці. У поле яго зроку трапілі літаратары розных маштабаў, розных пакаленняў: Францішак Багушэвіч, Янка Купала, Якуб Колас, Цішка Гартны, Раман Сабаленка, Васіль Вітка, Іван Чыгрынаў, Рыгор Барадулін, Уладзімір Некляеў, Алесь Жук і інш. Пералік імёнаў творцаў, пра якіх пісаў Міхась Стральцоў, сведчыць аб шырыні яго творчых інтарэсаў. Літаратурна-крытычныя артыкулы і эсэ ўвайшлі ў кнігі пісьменніка «Жыццё ў слове» (1965), «У полі зроку» (1976), «Пячатка майстра» (1986), «Выбранае» (1987) і «Ад маладзіка да поўні» (2005). У артыкулах Міхася Стральцова знаходзяць адлюстроўванне «літаратуры розных мастацкіх маштабаў, розных пакаленняў, розных выяўленчых школ» [6, с. 85]. Даследчык П. Васючэнка слушна падкрэсліў, што «адносіны аўтара да чужых тэкстаў споўненыя той мерай далікатнасці, якой не заўсёды дасягаюць літаратуразнаўцы-прафесіяналы. Прага першаадкрыцця, пераадоленне літаратурнай другасці, якая аб'ектыўна спадарожнічае літаратурна-крытычнай творчасці, надаюць непаўторнасць асобе М. Стральцова-крытыка» [3, с. 424]. Неацанімы уклад у беларускую літаратуру унёс Міхась Стральцоў-крытык. Сваімі адкрыццямі ён напісаў новую старонку ў айчыннам літаратуразнаўстве. Адно з адкрыццяў тое, што ён з'яўляецца першаадкрывальнікам загадкі Максіма Багдановіча. Міхась Стральцоў паспрабаваў разгадаць загадку: якім чынам юнак, які навучаўся і сталеў па-за межамі Беларусі, мог стаць класікам беларускай літаратуры,

думаць на беларускай мове і пісаць на ёй? Ён стаў таксама заснавальнікам новага для беларускай літаратуры жанру «аповесці-эсэ».

Літаратуразнаўцы даюць высокую ацэнку ўсёй спадчыне пісьменніка: проза гэта ці паэзія, крытыка ці эсэістыка. Так, даследчык П. Васючэнка прыйшоў да высновы: «Міхась Стральцоў быў нязменна таленавітым у любым жанры, у якім бы не выступаў; яго рука, калі ўжыць параўнанне, ператварала ў каштоўны матэрыял усё, да чаго ні дакранулася б, як гэта умеў калісьці легендарны Мідас» [3, с. 425]. Ювелірная праца над словам вызначае Міхася Стральцова як пісьменніка.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Р. Барадулін ; уклад., прадм., камент. М. Скоблы. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 600 с.

2. Барадулін, Р. Конь гуляў на волі / Р. Барадулін // Крыніца. – 1994. – № 3. – 22 с.

3. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. Т. 4. Кн. 2. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук. – Мінск : Бел. навука, 2003. – 975 с.

4. Стральцоў, М. Выбранае. Проза. Паэзія. Эсэ / М. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 607 с.

5. Стральцоў, М. Ад маладзіка да поўні : апавяданні, аповесці, эсэ / М. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ., 2005. – 430 с.

6. Сямёнава, А. Гарачы след таленту : літаратурна-крытычныя эцюды / А. Сямёнава. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 192 с.

К. В. Головчик *(г. Барановичи, БарГУ)*
Научный руководитель – Н. В. Ермалович, ст. преподаватель

СИНОНИМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Синонимия – один из наиболее распространенных видов системных отношений в лексике. Использование синонимических конструкций позволяет писателям более ярко и точно выражать мысль, передать чувство, назвать то или иное явление более ясно. В связи с этим проблема исследования данных конструкций в художественных произведениях в настоящее время является актуальной.

Одним из известных русских писателей является Антон Павлович Чехов, который по праву считается классиком мировой литературы. Прекрасно владея искусством слова, будучи мастером детали в создании художественного образа, он в жанре короткого рассказа сумел раскрыть значимые до сих пор проблемы. Исследование синонимических образований в рассказах А. П. Чехова открывает дополнительные перспективы в изучении индивидуального стиля, языка писателя.

Синонимы (от греч. *syn onymos* – «одноименный») – это языковые средства, выражения одного и того же содержания или близких смыслов, уточнения отдельных сторон обозначаемого и его оценки. Слова с близким значением составляют синонимический ряд, который имеет опорное слово, или доминанту [1, с. 92]. Исследование всего множества синонимов русского языка предполагает их классифицирование по близости лексических значений. В. Д. Стариченок предложил одну из наиболее известных и широко распространенных в лингвистике классификаций. По закрепленности в языке выделяют языковые, или узуальные синонимы, схожесть значений которых проявляется в изолированном виде (зафиксирована в словарях), и контекстуальные, или окказиональные синонимы – схожесть значений проявляется только в контексте [2, с. 96].

Цель нашего исследования – описать и систематизировать по закрепленности в языке синонимы, выявленные в таких рассказах А. П. Чехова, как «Экзамен на чин» (1884), «Винт» (1884), «Егерь» (1885), «Беззащитное существо» (1887). Анализ текстов художественных произведений писателя путем метода сплошной выборки позволил выявить 57 рядов синонимов.

Языковые синонимы ученые разделяют на абсолютные (полные, дублетные) и частичные (относительные). Абсолютные синонимы полностью совпадают по своим значениям и характерной сочетаемости. Такие синонимы не выявлены, что обусловлено спецификой художественного текста.

Относительные синонимы лишь частично совпадают по значению и употреблению. По качеству различий они делятся на семантические, стилистические, семантико-стилистические и коннотативные [2].

Семантические (идеографические, понятийные) выражают общее понятие, но вместе с тем отличаются определенными элементами своих значений. В ходе исследования было найдено 2 синонимических ряда, что составляет 3,5 % от всех синонимов. Например, *довести до сведения* (‘уведомить, известить о чем-нибудь’) – *доложить* (‘сделать сообщение, доложить о чём-нибудь’)*; был* ***поражён*** (‘сильно удивлен; произведено сильное впечатление чем-нибудь’) – *услави* ***удивлённого*** *Назара* (‘находящийся в состоянии удивления; выражающий это состояние’) [3; 4; 5; 6].

Стилистические синонимы различаются эмоционально-экспрессивной окраской, поэтому употребляются в разных стилях речи. В рассказах было выявлено 2 синонимических ряда, что составляет 3,5 % от всех синонимов: *сызмалетства* (‘с малых лет, с малолетства’) – *с самого младенчества* ‘ранний детский возраст’*; меня* ***замучила*** (‘подвергнуть кого-либо жестоким пыткам, довести до изнеможения, подорвать здоровье, довести до

смерти’) – *их* ***заездит*** (перен. ‘измучить чем-нибудь непосильным, трудным’) [3; 4; 5; 6].

Семантико-стилистические синонимы отличаются и оттенками значений, и стилистической окраской. Была найдена 1 конструкция, что составляет 2,0 %: *стал* ***объяснять*** *ей разницу* (‘делать/сделать что-либо более ясным, понятным, доступным благодаря специальному рассказу об этом’) – *Вам не* **втолкуешь***!* (‘находить причины, основания чего-либо, растолковывать смысл, сущность чего-либо в соответствии со своим пониманием обсуждаемого’) [3; 4; 5].

Коннотативные синонимы отличаются не столько оттенками значений и сферой употребления, сколько различного рода коннотациями. В исследуемых текстах они не выявлены.

Многие ученые рассматривают также контекстуальные синонимы. Они сближаются по значению в условиях определенного контекста, носят индивидуальный, авторский характер. В ходе исследования было выявлено 52 ряда синонимических конструкций, что составляет 91,0% от всех единиц. Например: ***Знойный*** *и* ***душный*** *полдень; То было нечто* ***неслыханное, странное*** *и* ***таинственное****; Кругом* ***тихо, ни звука****; Взгляд ее бегает по* ***тощей, высокой*** *фигуре мужа и ласкает, нежит его; Он идет по* ***длинной, прямой, как вытянутый ремень****, дороге* [3; 4].

Таким образом, анализ результатов распределения выявленных синонимических единиц по близости лексических значений показал, что группа контекстуальных синонимов самая многочисленная. Они выступают для великого мастера слова важным средством раскрытия особенностей характера героя, помогают передать его эмоциональное состояние, вносят тончайшие смысловые и стилистические оттенки в оформление высказывания. В значительно меньшей степени представлены семантические, стилистические и семантико-стилистические синонимы.

Очевидно, что синонимические конструкции, в особенности контекстуальные, способствуют обогащению художественного текста, обеспечивают единство его смысловых блоков, помогают подчеркнуть своеобразие языка писателя.

Список использованной литературы

1. Бурова, И. Л. Современный русский язык : методические указания к практическим занятиям и самостоятельной работе студентов : в 3 ч. / И. Л. Бурова, Г. И. Михалёв. – М. : МГУПС (МИИТ), 2015. – Ч. 1. Лексика. Фразеология. Фонетика. – 214 с.

2. Стариченок, В. Д. Современный русский литературный язык : пособие / В. Д. Стариченок, Т. В. Балуш, О. Е. Горбацевич [и др.] ; под ред. В. Д. Стариченка. – Минск : Вышэйшая школа, 2011. – 596 с.

3. Чехов, А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – М. : Художественная литература, 1978. – 384 с.

4. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.

5. Бабенко, Л. Г. Словарь синонимов русского языка / Л. Г. Бабенко. – М. : Астрель, АСТ, 2011. – 350 с.

6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под. ред.. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : АСТ : Мир и Образование, 2018. – 1360 с.

А. Е. Грицук *(г. Брест, учащаяся ГУО «Средняя школа № 9»)*
Научный руководитель – Л. Н. Грицук, старший преподаватель

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ В ПОВЕСТИ Б. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ…»

Война... Это слово внушает страх, вызывает боль. Повесть Бориса Львовича Васильева «А зори здесь тихие…» особенная. Почему? Потому что война для писателя была местом, где подвиги совершались тихо, незаметно, повседневно. Героизм советских солдат – это тяжёлые будни, это взаимоотношения между самими бойцами, это жизнь разных по характеру и воспитанию людей в малом пространстве, откуда не сбежать. Почему Борис Васильев главными героинями своей повести сделал женщин? Хотя на фронте служило около трёхсот тысяч женщин, о них почти никто не писал.

Творчество писателей-фронтовиков, чьи труды стали известны в конце 50-х – 60-х годов, называют «лейтенантской литературой». В произведениях этих авторов мы не найдём развернутости в описании событий в силу того, что сами писатели (представители низших военных чинов – сержанты и лейтенанты) на протяжении войны находились в пределах своего взвода, роты, батальона. Они столкнулись с глубокими душевными потрясениями, личными трагедиями, поэтому и показали обнаженную правду войны, лишенную романтического образа.

О личной трагедии пяти девушек-зенитчиц и старшины Васкова рассказывается в лаконичной повести «А зори здесь тихие…». В произведении описывается жизнь деревни, отданной под «курорт» – место для отдыха солдат с передовой. В этом первая отличительная черта произведения – повествуется не о напряженной обороне или ожесточенном наступлении, что обычно представляет себе читатель, держа в руках книгу о войне.

Повествование ведётся от лица старшины Васкова, его воспоминания составляют основной сюжет. В рассказе Федота Васкова встречаются лирические отступления, отрывки из детских воспоминаний, истории различных лет, которые всплывают в памяти старшины. Нежные образы девушек-зенитчиц подаются посредством мужского восприятия, автор раскрывает мотивы, по которым они оказываются на фронте. Для знакомства читателя

с очередной героиней автор рассказывает о её прошлом, выбирая самые яркие моменты из жизни девушки. Картины мирной жизни находятся в диссонансе с ужасами войны, поэтому, читая о событиях на разъезде, читатель невольно желает вернуться в мирное время.

Комендант разъезда, «хмурый старшина Васков», уставший наблюдать взводы, «опухшие от веселья», упорно пишет рапорты на очередных любителей самогона, «молодух и вдовушек». Всё меняется, когда на разъезд прибывают первое и второе отделения третьего взвода пятой роты отдельного пулеметно-зенитного полка» – «две шеренги сонных девчат». В этом второе отличие, ведь герои не мужчины, а молоденькие девушки. Это событие, приезд «непьющих бойцов», которого так ждал Федот Евграфыч, переворачивает жизнь старшины с ног на голову: девушки уходили из деревни собирать щавель, «разводили бесконечные постирушки» и даже «загорали на казенном брезенте в чем мать родила». В повести показаны причины для личной мести девушек захватчикам: мужа Риты Осяниной, пограничника лейтенанта Осянина, убили в утренней контратаке; расстреляли маму, сестру и брата Жени Комельковой, дочери красного командира; лишили Лизу Бричкину, дочь лесника, возможности поступить в техникум; оставили Соню Гурвич, еврейскую девушку из Минска, без семьи; сломали психику не готовой к трудностям сироты Гали Четвёртак.

В произведении прослеживается яркий контраст мирной природы Карелии, в спокойное время успокаивающей своим тайным очарованием рыбаков и охотников, и ужасов войны. Именно в этой болотистой стороне, где зори очень тихие, пятерых юных девушек, чьему предназначению – нести жизнь – противоречит убийство, настигает смерть: кто погибнет в губительной трясине, кто падет в неравном бою…

Борис Васильев по собственному фронтовому опыту сумел показать интерес к личности, попавшей на войну, личностный конфликт, предельную правдивость событий. В «лейтенантской прозе» война находится на самом близком расстоянии к читателю. Огромную роль в повествовании играет описание подробностей и деталей. Женщины и на войне оставались женщинами. Обратите внимание на то, как радуются они банному дню, как тщательно прихорашиваются и одеваются. Они полны энергии, женской силы, которая призвана созидать. Девушки-зенитчицы говорят о любви, мечтают. И даже те короткие реплики девушек, которые «позволил» себе Борис Васильев, показывают нам, что и любить, и воевать они будут с чисто женской самоотдачей.

Подвиг на войне – обычное дело для мужчин, а женщина-боец – явление трогательное, наивное и беспомощное. Не все героини понимают, что такое война, не все видели смерть: они юны, старательны и полны ненависти к врагу. Однако встреча с настоящей войной для девушки стано-

вится страшной и беспощадной реальностью. Слова Васкова, произнесенные над телом Сони, выражают суть трагических последствий войны для всего народа: «…Главное, что могла нарожать Соня детишек, а те бы – внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом…»

Преследуя фашистов, Васков после гибели девушек был грани безумия: он понял, что не жить ему, если он позволит врагу выполнить задуманное. Автор показал, что нет предела человеческим возможностям. Васков доводит начатое до конца: он не столько мстит врагам за убитых девчат, сколько выполняет свой воинский долг. Он выстоял, прошел войну и остался в живых, чтобы вырастить сына Риты Осяниной, чтобы своей жизнью искупить вину за погибших девушек.

Смысл названия повести становится понятным в конце повести, когда постаревший Васков с сыном Риты Осяниной после войны возвращается на место гибели девушек, чтобы установить памятник. Фраза, ставшая названием повести – мысль о том, что жизнь не останавливается. Спокойствие, заключенное в этих словах, противопоставлено ужасной трагедии, что случилась здесь.

Главная идея повести Б. Васильева, это ужасающая война, на которой наравне с мужчинами воюют женщины. Они не обеспечивают поддержку солдат в тылу, не лечат, не готовят пищу, а с винтовкой в руках идут в атаку. У каждой из женщин есть своя семья, свои мечты и цели на жизнь, но у многих из них будущее оборвется на поле битвы. Еще вчера эти женщины были школьницами, которые спешили на занятия, а сегодня они молодые и храбрые бойцы, которые воюют в одной колонне с мужчинами. Но идут они в бой не из-за принуждения государства или близких, а из-за любви к родине. Ни одна из этих женщин не проходила длительного обучения. Они не служили подолгу в армии и не умеют досконально владеть оружием. Они все не профессиональные бойцы, а обычные советские женщины, которые могли стать женами и матерями.

Устранение немецких диверсантов-десантников на подходе к Кировской железной дороге – лишь единичное сражение, о котором не напишут в учебнике истории. Но великое множество подобных разрозненных вспышек сопротивления регулярно подрывало вражескую диверсию, необратимо рушило планы немецкого руководства.

Эпилог к произведению написан в виде письма жителя бывшего 171 разъезда своему отцу. Из письма мы узнаем, что Федот Евграфыч вырастил сына Риты как своего собственного и вернулся с ним на место гибели Риты с мраморной плитой.

А зори для жителей мирной деревни все такие же тихие-тихие...

А. В. Гурьянова *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ БРЕСТЧИНЫ: МНОГОСЛОВНЫЕ ЭРГОНИМЫ

В современном мире с его активно развивающейся экономикой, с усилением конкуренции все большую коммерческую, маркетинговую роль играют номинации предлагаемых на рынке товаров и услуг, а также их производителей/поставщиков (фирм, агентств, корпораций и т. д. Название – первый шаг в борьбе за потребителя. Выполняя, с одной стороны, чисто коммерческую задачу, рекламное имя при этом способно многое сказать о самом номинаторе: его вкусе, языковых, культурных предпочтениях, о понимании психологии потенциального клиента и др. [2, с. 14].

Интересную в этом отношении группу представляют собой имена собственные (ИС) туристических предприятий (ТП) Брестской области (более 130 единиц). Данные номинации, как и другие названия деловых объединений людей, в ономастике обозначают термином «эргоним» [3, с. 151]. По структуре (по количеству знаменательных единиц в их составе) исследуемые ИС распадаются на одно- и многословные. Первые доминируют, но и составные номинации (их 51, т.е. 38 % от общего числа зафиксированных языковых единиц) в нашей выборке достаточно репрезентативны.

Среди многословных номинаций ТП отмечены: ИС – устойчивые единицы, ИС – свободные словосочетания и ИС-предложения.

Использование в качестве коммерческих номинаций **устойчивых единиц** (6%) – яркий, эффективный прием. Подобные ИС мгновенно узнаются, легко запоминаются: *туристическая фирма* ***«Роза ветров»*** *– роза ветров* вначале была символом навигационной звезды у мореходов, а потом вокруг термина сформировалось облако романтических образов [4], что часто встречается в т.ч. в художественной литературе; *туристическая компания* ***«21 век»*** **–** обращение к устойчивой единице *XXI век* ‘время информационных технологий’, ‘век прогресса во всех сферах’ подчеркивает современность именуемого ТП, его включенность в мировое туристическое, информационное и т. д. пространство; и др. При онимизации устойчивая единица может подвергаться структурной и/или семантической трансформации: *туристическая фирма* ***«6 Звезд»*** **–** ***в*** мотивирующей базе *5 звезд* ‘класс люкс, отличающийся обширным набором услуг’ заменили числительное, тем самым «повысив» оценку именуемого объекта.

Способ образования ИС в форме словосочетаний и предложений в ономастике определяют как лексико-синтаксический.

Эргонимы – **свободные словосочетания** (80%) имеют большие возможности для рациональной и эмоциональной характеристики объекта номинации, хотя уступают однословным ИС в компактности формы [5, с. 209]. В качестве исходных для названий ТП Брестчины используются двух-, трех-, даже четырехсловные словосочетания. Наиболее продуктивны первые (47%).

В структуре подобных ИС – два компонента, между которыми устанавливается подчинительная связь: а) согласование (главное слово – существительное, зависимое – прилагательное): *туристическая компания* ***«Каляровая вандроўка»*** (бел. ‘цветное путешествие’) – ИС подчеркивает, что адресата номинации ждет яркое, красочное путешествие; *туристический оператор* ***«Культурные приключения»***; *туристическая фирма* ***«Туристический Дом»***; и др.; б) управление (главное слово – существительное / числительное, зависимое – существительное: *туристическая фирма* ***«Сезон отдыха»***, ***«4 стихии»*** (‘Вода, Земля, Огонь и Воздух’: соответствуют четырем сторонам света, сезонам природы, периодам жизни) – имядатель намекает, что с его ТП есть возможность познать мир во всем его многообразии; *туристическое агентство* ***«Агентство Путешествий»***, ***«География путешествий»***, ***«Спутник Полесья»***; и др.; в) примыкание (зависимый компонент характеризуется неизменяемостью; к слову, все зафиксированные ИС построены по грамматическим моделям английского языка): *туристические услуги* ***«Санни Трэвел»*** (англ. *sunny* ‘солнечный’; *трэвел* ‘путешествие’); ***«Брест Экскурс»***; *туристическая компания* ***«Апостроф Групп»***, ***«Бамбус Травэл»*** (*бамбус* ‘музыкальный инструмент бродячих музыкантов’); и др.

Сложные словосочетания менее употребительны, поскольку требуют большей затраты речевых усилий, труднее запоминаются. В трех- и четырехсловном словосочетаниях (они нередко представляют собой распространение двухсловных единиц) возможна подчинительная связь и гомогенная, и гетерогенная: *туристическое агентство* ***«Страна Туризма и Гостеприимства»*** (зависимый компонент представлен однородным рядом), ***«Магазин горящих путевок»*** (‘*горящая путевка* ‘путевка, которая по каким-либо причинам не была продана в определенные сроки’ [6]) – управление и согласование; *ОАО* ***«Пинский автобусный парк»***, *туристическая фирма* ***«Столинский районный физкультурно-спортивный клуб»*** – согласование; и нек. др.

ИС-предложения немногочисленны (14%). Они представлены преимущественно небольшими по объему **простыми предложениями**. Среди них отмечены предложения: а) односоставное определенно-личное: *туристическая компания* ***«Путешествуем вместе»*** – ИС представляет

собой побуждение к действию, демонстрирует мы-концепцию общения с потенциальным клиентом; б) двусоставное: *туристическое агентство* ***«Ваш отдых – отдых на море»*** **–** оним выглядит, с одной стороны, как слоган, с другой – как идентификационная формула, побуждающая клиента отождествлять себя с именуемым ТП, с его коллективом [6, с. 51]; в) неполные, в которых опущено сказуемое, но актуализируется самое важное – сам ТП (подлежащие) и его (особенно, если дело касается филиалов) местонахождение (обстоятельство места): *туристическое бюро* ***«Гагарин на Гаврилова»*** (*Гагарин* ‘первый космический путешественник’, именно его цитируют номинаторы в своем рекламном тексте: «Путешествие – это хорошо!.. Нужно только сказать себе “Поехали!” и прийти в турбюро “Гагарин”» [1]; *Гаврилова* – улица, где находится ТП); *туристический оператор* ***«Меридиан в Бресте»***; *туристическая компания* ***«Спутник в Бресте»***; и нек. др. Как **сложное** предложение, включающее три односоставные номинативные единицы, условно рассматриваем ИС *туристическая фирма* ***«Пальмы Солнце Море»*** (подается в орфографии и пунктуации имядателя: нет ни точек, ни запятых) – все мотивирующие лексемы рекламной номинации ассоциируются с отдыхом, путешествиями.

Таким образом, многословные названия ТП Брестчины демонстрируют обращение к разным способам номинации, языковым средствам (устойчивые единицы, свободные словосочетания, предложения). Но в целом подобные эргонимы отличает стремление к информативной емкости и одновременно – к лаконичности, узнаваемости.

Список использованной литературы

1. Гагарин на Варшавском [Электронный ресурс] // Там.by : каталог компаний. – Режим доступа: https://gagarin-na-varshavskom.tam.by/. – Дата доступа: 10.05.2020.

2. Генкин, В. М. Названия туристических фирм Республики Беларусь и Российской Федерации / В. М. Генкин // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. VIII Междунар. науч. конф., Брест, 23–24 нояб. 2017 г. : в 2. ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол. : Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 14–18 с.

3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 196 с.

4. КакПросто [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kakprosto.ru/. – Дата доступа: 10.05.2020.

5. Романова, Т. П. Проблема информативности и рекламности коммерческих эргонимов / Т. П. Романова // Ономастика Поволжья : тез. докл. VIII междунар. конф. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 200–212.

6. Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org. – Дата доступа: 18.05.2020.

7. Крюкова, И. В. Рекламное имя : рождение, узуализация, восприятие : учеб. пособие по спецкурсу / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 100 с.

Е. В. Данейко *(г. Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)*
Научный руководитель – Н. В. Литвин, ст. преподаватель

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЭПОНИМОВ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Впервые эпоним как лингвистический термин стал известен в 70-е годы XX века и обозначал объект или предмет, получивший свое название от имени собственного. В современной лингвистике представлен ряд формулировок и значений этого термина. Наиболее удачной, на наш взгляд, является формулировка, предложенная Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии», – «лицо, чем-то знаменитое, имя которого послужило для образования любого другого онима» [1, с. 150]. Переходя в разряд имён нарицательных, эпонимы зачастую теряют первоначальную связь с производным именем, но в то же время выполняют мемориальную функцию, увековечивая в памяти языка имена выдающихся людей.

Говоря о сфере употребления эпонимов, следует отметить, что они используются как в общеупотребительном языке, так и в сфере научной терминологии.

Возникнув в одном языке, эпонимы могут активно заимствоваться другими языками. Как свидетельствует анализ «Толкового словаря иноязычных слов» Л. П. Крысина [2], русский язык не является исключением и выступает в качестве языка-реципиента для данных лексических единиц.

Метод сплошной выборки позволил нам извлечь 127 единиц иноязычного происхождения, которые являются эпонимами в языке-источнике.

Исходя из анализа полученных результатов, было выявлено, что среди данного рода единиц наиболее многочисленные группы составляют заимствования из таких языков, как **английский** (*бобби* – англ. *bobby* – по имени Роберта (Бобби) Пила, создателя лондонской полиции; *дерби* – англ. *derby* – по имени англ. лорда А. Дерби, впервые организовавшего этот вид скачек; *кольт* – англ. *colt* – по имени амер. оружейного конструктора С. Кольта (Colt) и др.), **немецкий** (*лямблия* – нем. *Lamblie* – по имени чеш. врача В. Ламбла; *ом* – нем. *ohm* – по имени нем. физика Г. Ома (Ohm); *цеппелин* – нем. *Zeppelin* – по имени нем. конструктора Ф. Цеппелина (Zeppelin) и др.), **французский** (*гильотина* – фр. *guillotine* – по имени изобретателя Ж. Гильотена (Guillotin); *мансарда* – фр. *mansarde* – по имени архитектора Ф. Мансара (Mansart); *силуэ́т* – фр. *silhouette* – по имени фр.

министра Э. де Силуэта, на которого была сделана карикатура в виде теневого профиля и др.).

Немногочисленными являются эпонимы, заимствованные в русский язык из **итальянского** (*бодо́ни* – ит. *bodoni* – по фамилии итальянского резчика пуансонов Бодони (Bodoni); *карда́н* – ит. *cardano* – по имени ит. математика Дж. Кардано (Cardano) и др.), **испанского** (*боливáр* – исп. *bolivar* – по имени С. Боливара (S. Bolivar), борца за независимость испанских колоний в Америке; *сукре* – исп. *sucre* – от имени одного из борцов за независимость колоний в Юж. Америке А. Х. Сукре (Sucre) и др.), **португальского** (*андрадúт* – порт. *andradit* – по фамилии порт. минералога д'Андрада; *но́ниус* – порт. *nonius* – по имени португальского ученого П. Нуньеса (Nonius) и др.), **шведского** (*зúверт* – шв. *siewert* – по имени шв. ученого Г. Р. Зиверта (Siewert) и др.) и других языков.

Отдельную группу составляют лексические единицы, заимствованные из классических языков. Так, в русский язык были заимствованы следующие слова, являющиеся эпонимами в **латинском** и **греческом** языках: *июль* – лат. *Jūlius mensis* 'Юлиев месяц' – назван по имени Юлия Цезаря; *панацéя* – лат. *panacea* < греч. *Panakeia* 'всеисцеляющая' – имя древнегреческой богини; *махао́н* – греч. *Machaōn* – имя древнегреческого врача и естествоиспытателя, сына Асклепия; *химéра* – греч. *Chimaira* 'мифологическое существо' и др.

Многочисленные заимствованные эпонимы стали производящими основами для прилагательных, образованных по словообразовательным моделям русского языка: *ватманский – ватман* (англ. *whatman* – по имени Дж. Уотмена (Whatman), владельца бумажной фабрики); *витеритовый – витерит* (англ. *witherit* – по имени ученого У. Витеринга (Withering)); *гильотинный, гильотинировать – гильотина* (см. выше); *майский – май* (лат. *māius* < *Māja* 'Майя, богиня весны') и др.

Результаты анализа выборки заимствованных эпонимов свидетельствуют о численном преобладании общелитературных лексических единиц над научными терминами. Как справедливо замечает Г. В. Овчинникова, в большинстве случаев люди, создавая, открывая или изобретая что-то новое, сами давали имена открытиям или творениям, и это привело к тому, что эпонимы, как правило, представляют собой преимущественно конкретные понятия, используемые в повседневной речи, нежели абстрактные, научные термины [3, с. 293]. Так, в общелитературном языке можно выделить заимствованные эпонимы, образующие следующие тематические группы: **«животный мир»** (*бабезия* – рум. *Babes*, *доберман-пинчер* – нем. *Dobermann* + *Pinscher*), **«названия денежных единиц»** (*боливар* – исп. *bolivar*, *сукре* – исп. *sucre*); **«наименования предметов одежды»** (*галифé* – фр. *gallifet*, *кардига́н* – англ. *cardigan*, *макинто́ш* – фр. *mackintosh* < англ.

mackintosh); **«оружие»** (*бра́унинг* – англ. *browning*, *кольт* – англ. *colt*, *винчестер* – англ. *winchester*) и др.

Выборка заимствованных терминов-эпонимов из словаря осуществлялась с учётом помет, свидетельствующих об отнесенности номинативных единиц к той или иной сфере науки. Так, среди заимствованных эпонимических терминов можно выделить следующие: **физические** (*бозо́н* – англ. *boson* – по фамилии индийского физика Ш. Бозе (Bose), ‘элементарная частица или квазичастица с целочисленным спином’); **биологические** (*ля́мблия* – см. выше, ‘паразитический организм класса жгутиковых’); **ботанические** (*годе́ция* – нов.-лат. *Godetia* – по имени швейцарского ботаника Годе (Godet), ‘растение семейства кипрейных, многие виды которого разводят как декоративные однолетники’); **геодезические** (*но́ниус* – см. выше, ‘вспомогательная шкала измерительного инструмента, служащая для отсчёта дробных долей делений основной шкалы’); **медицинские** (*лейшмании́зы*, ед. *лейшмании́з* – англ. *leishmaniosis*, ед. – по имени шотл. бактериолога Лейшмана (Leishman), ‘группа инфекционных заболеваний, характеризующихся язвенными поражениями кожи и слизистых оболочек либо тяжелым поражением внутренних органов’); **полиграфические** (*бодо́ни* – см. выше, ‘типографский шрифт, отличающийся художественностью и чёткостью рисунка’) и др.

Таким образом, иноязычные эпонимические наименования широко представлены в лексическом составе русского языка. Среди них наибольшее распространение получили заимствования из английского, немецкого и французского языков. Заимствованные эпонимические наименования используются как в общеупотребительном языке, так и в сфере научной терминологии.

Список использованной литературы

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

2. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2005. – 944 с.

3. Овчинникова, Г. В. Эпонимы в вокабуляре моды в современном французском языке / Г. В. Овчинникова // Актуальные проблемы истории и теории романских языков: материалы междунар. конф. (24-25 июня 2008 г.). – М. : МГОУ, 2008. – С. 292–298.

М. Д. Джумаев *(г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, канд. филол. наук, доцент

ЭТИМОЛОГИЯ, ЭПИДИГМАТИКА, ПАРАДИГМАТИКА СЛОВ *МОЛОДОСТЬ – СТАРОСТЬ* И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЙ О МОЛОДОСТИ И СТАРОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЕЙ)

Возрастные изменения свойственны всем людям во все эпохи и осознаются не просто как набор физических характеристик: ассоциации, связанные с тем или иным возрастным периодом или статусом человека, всегда эмоционально «нагружены», отмечает Н. В. Крючкова [1]. Возраст «исследуется в неразрывной связи с человеком, так как именно человек, в первую очередь, ассоциируется с понятием возраста…» [2, с. 13]. Лексемы *молодость* и *старость* относятся к гиперсеме возраст, т. е. молодость и старость выступают неотъемлемой составляющей широкого понятия возраст, который является значимым для представителя любой культуры. Отмечается, что *молодость* и *старость*, «являясь важными психосоциокультурными феноменами в обществе, обладают высокой номинативной плотностью в языке» [1]. **Целью** настоящей статьи является рассмотрение этимологии, эпидигматики, парадигматики слов *молодость* и *старость*, а также лексико-грамматических особенностей выражений о *молодости* и о *старости* в русском языке.

Данными этимологических словарей (см. в списке сокращений) отражены следующие концептуальные признаки рассматриваемых лексем, выраженные разными частями речи: ***молодость***: *отрок*, *жеребенок*, *растворение*, *младенец*, *дитя* (существительные), *мягкий*, *нежный, изнеженный*, *кроткий*, *ласковый*, *вялый*, *слабый*, *новорожденный* (прилагательные), *плавить*, *растоплять*, *спадать*, *ослаблять* (глаголы) (Преобр., т. 1, с. 549–550; Фасм., т. 2, с. 643–644); ***старость***: *бык* (существительное), *толстый*, *объемистый*, *жестокий*, *твердый*, *крепкий*, *грубый*, *упорный*, *большой*, *почтенный*, *гордый*, *неподвижный*, *окоченелый, сильный*, *плотный*, *слишком большой*, *спокойный*, *тяжелый* (прилагательные), *быть упорным*, *столбенеть*, *утверждать*, *опирать*, *подпирать*, *стоять*, *глядеть неподвижным взглядом* (глаголы), *чрезвычайно*, *очень* (наречия) (Преобр., т. 2, с. 373–374; Фасм., т. 2, с. 747).

Для выявления когнитивных признаков интересующих нас слов мы обратились к толковым словарям (см. в списке сокращений). Семантическая структура многозначных лексем ***молодость*** и ***старость*** состоит из следующих сем: ***молодость***: *юность*, *юный возраст*, *возраст от отрочества*

до зрелых лет, *возраст между отрочеством и зрелостью*, *период жизни в таком возрасте* (МАС, т. 2, с. 419; НБТСРЯ, с. 552); ***старость***: *сменивший зрелость период жизни*, *когда происходит постепенное ослабление деятельности организма*, *долговременное существование чего-либо*, *ветхость*, *изношенность*, *старые люди*, *старики* (МАС, т. 4, с. 252; НБТСРЯ, с. 1261).

По словарям синонимов и антонимов (см. в списке сокращений) рассмотрены парадигматические отношения лексем ***молодость*** и ***старость***. Синонимические ряды: ***молодость*** – *юность*, *весна*; *юношество*, *младость*, *весна жизни* (ССРЯ, с. 229); ***старость*** – *преклонные годы (или лета)*, *преклонный возраст*, *дряхлость*, *осень жизни* (ССРЯ, с. 482). Антонимические пары: 1) *молодость – старость*; 2) *юность – старость*; 3) *детство – старость* (САРЯ, с. 152–153).

Лексемы ***молодость*** и ***старость*** репрезентируют ФЕ (15 о молодости и 24 о старости), которые были отобраны из фразеологического словаря (см. в списке сокращений). Рассмотрим грамматические особенности ФЕ о ***молодости*** и ***старости***. Выделены группы ФЕ: 1) субстантивные: *по молодости лет* (ФСРЛЯ, с. 377), *на закате дней* (ФСРЛЯ, с. 240); 2) адъективные: *из молодых да ранний* (ФСРЛЯ, с. 377), *молодо-зелено* (ФСРЛЯ, с. 377), *не первой молодости* (ФСРЛЯ, с. 378), *на свалку пора* (ФСРЛЯ, с. 596); 3) адвербиальные: *молодец к молодцу* (ФСРЛЯ, с. 153), *еще не вечер* (ФСРЛЯ, с. 69). 4) глагольно-именные предикативные: *Аредовы веки жить* (ФСРЛЯ, с. 133), в *чужой век жить* (ФСРЛЯ, с. 61), *до седин дожить* (ФСРЛЯ, с. 89). ФЕ актуализируют следующие значения лексем: ***молодость*** – *весна*, *неопытность*, *красота*, *здоровье*; ***старость*** – *вечер*, *закат*, *осень*, *седина*, *детство*.

Для выяснения того, как *молодость* и *старость* представлены в русском народном сознании, мы обратились паремиям, отобранным из книги (см. в списке сокращений). Паремии разделены на 3 группы: о ***молодости*** (90), о ***старости*** (63). о ***молодости*** и ***старости*** (83). Выделены группы паремий по компонентам соотносимым с частями речи: 1) существительными: *Молодец красив, да на душу крив* (РПП, с. 183). *Молодость глупа, а любовь слепа* (РПП, с. 184). *Старость опытом богата* (РПП, с. 294). *Старость с добром не приходит* (РПП, с. 294). *Молодость не без глупости, старость не без дурости* (РПП, с. 184). *Молодость ушла – не простилась, а старость пришла – не поздоровалась* (РПП, с. 184); 2) прилагательными: *Молод князь – молода и дума* (РПП, с. 183). *Старая любовь не забывается* (РПП, с. 293). *Старого не учат, мертвого не лечат* (РПП, с. 293). В *чем молод похвалится, в том стар покается* (ПРН, с. 217). *Стар – на совет, молод – на брань* (РПП, с. 293). *Старый будешь – молодой никогда* (РПП, с. 294); 3) наречиями: *Молодо – зелено, да молодо – честно*

(РПП, с. 183). *Моложе – так рублем дороже* (РПП, с. 184); 4) глаголами: *Только бы помолодеть, а уж знал бы, как состариться* (РПП, с. 183).

Таким образом, анализ этимологии, эпидигматики, парадигматики слов молодость и старость, а также лексико-грамматических особенностей выражений о *молодости* и *старости* в русском языке позволяет сделать следующие выводы: 1) формирование данных лексем отражается в концептуальных признаках, фиксируемых этимологическими словарями; 2) многозначные лексемы *молодость* и *старость* включены в имплицитную гиперсему абстрактные понятия; 3) рассматриваемые лексемы вступают в отношения синонимии и антонимии; 4) ФЕ о *молодости* и *старости* структурно соотносятся с частями речи, а паремии с компонентами *молодость* и *старость* также образуют группы по частеречной принадлежности относительно рассматриваемых лексем.

Список сокращений

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 2 : К – О. – 1986. – 736 с. ; Т. 4 : С–Я. – 1988. – 800 с.; **НБТСРЯ** – Новейший большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – М. ; СПб. : Рипол-Норинт, 2008. – 1534 с.; **РПП** – Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.; **САРЯ** – Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – М. : Рус. яз. – 1984. – 384 с.; **ССРЯ** – Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.; **ФСРЛЯ** – Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.; **Фасм.** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева : в 4 т. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 2 : Е – Муж. – 1986. – 671 с. ; Т. 3 : Муза – Сят. – 1987. – 832 с.; **Преобр.** – Этимологический словарь русского языка : в 3 т. / сост. А. Преображенский. – М. : Типогр. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. – Т. 1 : А – О. – 1912. – 675 с. – Т. 2 : П – С. – 1914. – 419 с.

Список использованной литературы

1. Крючкова, Н. В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 [Электронный ресурс] / Н. В. Крючкова ; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2003. – 23 с. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/kontsepty-vozrasta-na-materiale-russkogo-i-frantsuzskogo-yazykov/read. – 28.04.2020.

2. Авдеева, О. А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / О. А. Авдеева ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – 21 с. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/sredstva-vyrazheniya-kontsepta-vozrast-v-angliiskom-yazyke/read. – Дата доступа: 28.04.2020.

Н. А. Дзенісюк *(г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ СА ЗНАЧЭННЕМ УЗАЕМАДЗЕЯННЯ І РУХУ Ў ТВОРАХ У. ДАМАШЭВІЧА

Група фразеалагізмаў са значэннем узаемадзеяння і руху з'яўляецца адной з самых шматколькасных у фразеалогіі У. Дамашэвіча і займае асаблівае месца ў яго прозе. Найбольш шырока ў тэкстах пісьменніка прадстаўлены выразы са значэннем руху. Рух увогуле з'яўляецца адной з найважнейшых жыццёвых чалавечых функцый. Пра гэта сведчыць і значная колькасць фразеалагізмаў са значэннем руху ў мове. У самым агульным выглядзе рух – гэта змена наогул, усякае ўзаемадзеянне матэрыяльных аб'ектаў [1, с. 224]. Фразеалагізмы руху адлюстроўваюць перамяшчэнне каго-, чаго-небудзь у пэўным напрамку, унутранае стымуляванне змены псіхічнага ці фізічнага стану чалавека. Іх можна падзяліць на дзве групы: фразеалагізмы, якія абазначаюць фізічны (механічны) рух, і фразеалагізмы, якія абазначаюць унутраны рух аб'ектаў.

Фразеалагізмы фізічнага руху, выяўленыя ў творах У. Дамашэвіча, па структурна-граматычнай будове адносяцца да наступных мадэлей: а) «дзеяслоў + назоўнік у родным склоне»: *Старшына гаспадарчага ўзвода Ліневіч* ***збіўся з ног****, пакуль размясціў сваіх людзей, пакуль сабраў іх у купку і даў строгі загад: не адрывацца ад галоўнай калоны, якая пойдзе на прарыў першая* /'моцна стаміцца, выматацца (ад беганіны, клопатаў)'/ («Кожны чацвёрты»); б) «дзеяслоў + назоўнік у вінавальным склоне»: *А тут, як на бяду, у яго [Ваўчэцкага] скончыліся патроны, і аўтамат – хоць выкідай. А немцы ўжо* ***наступаюць на пяты*** /'даганяць каго-небудзь'/ («Кожны чацвёрты»); *Яму [Міхасю] здавалася, што цяпер ён змог бы* ***перавярнуць горы****, каб яны раптоўна выраслі перад ім* /'выконваць празмерна вялікую работу, справу'/ («Горад прыйдзе»).

Фразеалагізмы катэгорыі руху ўнутранага падзяляюцца на наступныя падгрупы: а) псіхічныя змены; б) фізіялагічныя змены. У падгрупу псіхічных змен уваходзяць выразы, якія абазначаюць з'явы суб'ектыўнага свету чалавека (рух пачуццяў, думак, успрымання і г. д.). Па структурна-граматычных асаблівасцях у іх складзе вылучаюцца наступныя мадэлі:

а) «назоўнік у назоўным склоне + дзеяслоў»: *У мяне аж* ***кружыцца галава*** *– ад радасці і ад таго, што сёння адзначалі сустрэчу – гэтулькі часу не бачыліся!* /'хто-небудзь траціць здольнасць цвяроза разважаць (ад перажыванняў і пад.)'/ («Студэнты апошняга курса»); *У Веранікі нядобра* ***заныла сэрца*** *– трэба ж было ёй ляпнуць абы-што!* /'хто-небудзь пачаў

моцна хвалявацца, адчуваць трывогу, перажываць з-за чаго небудзь’/ («Німфа»);

б) «дзеяслоў + назоўнік у вінавальным склоне»: *Хлопцы* ***натапырылі вушы****, кожны адарваўся ад свайго занятку, нават Рак падняў галаву ад падушкі* /’пачаць уважліва прыслухоўвацца, насцеражыцца’/ («Студэнты апошняга курса»); *Аднойчы ён [Янка] паяў чаўнок зінгераўскай машыны, паяў срэбрам, і тут яму* ***стукнула ў галаву****: чаму не зрабіць звычайныя два злоты з любога мяккага сплаву, а пасля палудзіць іх срэбрам?* /’раптоўна, выпадкова з’явіцца ў свядомасці (пра думку, ідэю і пад.)’/ («Ключ да шчасця»). Фразеалагізмы названай мадэлі нярэдка мнагазначныя: *Валя баялася, каб ён [Лукашык] па вачах не зразумеў яе патаемных думак і страхаў, каб не падумаў, што яна* ***страціла*** *ад яго* ***галаву*** /’безразважна, моцна ўлюбляцца ў каго-небудзь’/ («Між двух агнёў»); *Зусім* ***страціў галаву*** *чалавек [брыгадзір]. Калі і далей так будзе, то прыйдзецца ўправіць яму мазгі, бо куды гэта ўжо варта?* /’бянтэжыцца, пазбаўляцца развагі, не ведаць ад хвалявання, як паступіць’/ («Каля старых курганоў»);

в) «дзеяслоў + назоўнік у творным склоне»: *– [Вера]: Завялі сем’і – хай* ***варушаць мазгамі,*** *хай даглядаюць дзяцей* /’сур’ёзна думаць, меркаваць, разважаць’/ («Камень з гары»).

Другую падгрупу фразеалагізмаў катэгорыі ўнутранага руху складаюць выразы, якія абазначаюць паняцці фізіялагічных змен, што адбываюцца з чалавекам. У тэкстах У. Дамашэвіча такія фразеалагізмы выразна перадаюць пэўныя пачуцці, адчуванні персанажа часцей у няпростых, нечаканых жыццёвых сітуацыях: *– Цябе гэта цікавіць? – Голас жанчыны стаў ледзяны, і ў Рыты* ***пабеглі па скуры мурашкі*** («У лабірынце»); *У Рыты на галаве* ***заварушыліся валасы****, а* ***скура*** *пад імі нібы* ***амярцвела*** («У лабірынце»); *У мяне* ***заварушыліся валасы*** *на галаве, і ўвесь я пакрыўся ледзяным потам* («Студэнты апошняга курса»); *У Любашы* ***пахаладзела сэрца*** *ад гэтых слоў …* («Ключ да шчасця»). Варта адзначыць, што ўсе названыя фраземы з’яўляюцца сінанімічнымі.

Сярод фразеалагізмаў названай падгрупы найбольш частотнымі з’яўляюцца выразы, пабудаваныя па мадэлі «назоўнік у назоўным склоне + дзеяслоў»: *– Ждан глянуў ёй [Шуры] у цёмныя вочы, такія блізкія ад яго, такія свае, родныя, што ў яго аж* ***зайшлося сэрца*** /’перажываць радасць ці моцную трывогу, хваляванне’/ («Паездка ў мінулае»); *Якая жудасная музыка! Ад яе проста* ***стыне кроў!*** /’хто-небудзь адчувае моцны страх, жах’/ («Студэнты апошняга курса»).

У большасці фразеалагізмаў са значэннем руху ў якасці апорнага кампанента выступае непасрэдна дзеяслоў руху. З’яўляючыся асноўным кампанентам фразеалагізма, ён часткова або поўнасцю пераасэнсоўваецца, але захоўвае цэнтральную сему «рух унутраны або фізічны зместам».

Семантычная структура фразеалагізмаў з кампанентам-дзеясловам руху мае шмат агульнага з семантычнай структурай дзеяслова і ўяўляе сабой іерархію сем.

Паводле ТСБМ узаемадзеянне – гэта: 1) узаемная сувязь дзвюх з'яў; 2) узгодненасць дзеянняў, узаемная падтрымка [2, с. 681]. Фразеалагізмы ўзаемадзеяння абазначаюць узаемадзеянне прадметаў з навакольным светам, якое прыводзіць да іх змен, адлюстроўваюць розныя сувязі і адносіны паміж матэрыяльнымі аб'ектамі і з'явамі. Такія фразеалагізмы, выяўленыя ў тэкстах У. Дамашэвіча, часцей пабудаваны па мадэлі «дзеяслоў + назоўнік адзіночнага або множнага ліку ў вінавальным склоне з прыназоўнікам або без прыназоўніка»: *гуляць у хованкі*, *папсаваць кроў*, *глядзець (пазіраць) праз пальцы*, *клюнуць на вудачку*, *перамываць косці*, *заварыць кашу*, *ламаць камедыю* і інш. ФА прадметна-тэматычнай групы ўзаемадзеяння падзяляюцца на дзве вялікія групы: фразеалагізмы, якія абазначаюць узаемадзеянне псіхічнае і фразеалагізмы, якія абазначаюць узаемадзеянне фізічнае. У творах пісьменніка названая група фразеалагізмаў найперш дапамагае перадаць узаемаадносіны паміж персанажамі, іх стан пры такім узаемадзеянні.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Выш. школа, 1978. – 224 с.

2. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. М. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.

М. И. Ермолова *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

НЕОТОБЪЕКТНО МОТИВИРОВАННЫЕ ПРАГМАТОНИМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НОМИНАЦИЙ ТЕКСТИЛЯ)

Реклама прочно вошла в нашу жизнь, а вместе с ней – рекламное имя (РИ), роль которого в репрезентации, продвижения продукта на рынке достаточно высока. РИ «апеллирует к сознанию человека, привлекая его внимание и возбуждая интерес к рекламируемому товару» [1, с. 15].

Один их продуктивных разрядов РИ – имена собственные товаров. Основанием для связи именуемого объекта и прагматонима выступает принцип номинации, т.е. «своеобразные ономасиологические модели, обобщающие наиболее характерные аспекты и признаки, по которым происходит называние однородных предметов» [2, с. 12].

Данное исследование посвящено одному сегменту региональной прагматонимии – неотобъектным номинациям текстиля [3; 4]. Основным

мотивом появления подобных РИ выступает ориентация на участников номинативного акта, адресанта и адресата прагматонима, на их индивидуальные особенности, т.е., как отмечает С. О. Горяев, основное классификационное противопоставление образовано векторами «имя → человек» и «имя → предмет» [5, с. 113]. Зафиксированные прагматонимы (61 ед.) объективируют тематические мотивы (ТМ) «целевая аудитория» и «выгода для потребителя».

Номинации с ТМ **«целевая аудитория»** характеризуются востребованностью (69%) и отсылают: 1) к детской и/или подростковой, 2) мужской/женской аудитории, 3) к ее психографическим признакам.

1) Прагматонимы, ориентированные на детей/подростков, отличаются неоднородностью, исходными для них выступают: а) «детские» междометия»: *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Ми-ми», «Ути-пути», «Баюшки»***; б) существительные в дательном падеже со значением объекта: *ткань х/б для столового белья, ситец* ***«Детям»***; в) названия сказок, мультфильмов и – чаще – имена их персонажей: *детский спальный комплект* ***«Ариэль», «Винни и друзья», «Рапунцель», «Незнайка», «Маленький принц», «Китти», «Кот в сапогах», «Золушка»*** и др.; г) номинации игрушек, нередко уменьшительно-ласкательные: *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Куколка», «Мишки»***; *ситец* ***«Мишутки»*** и др.; д) наименования реалий из мира детства: *детский спальный комплект* ***«Считалочка»***; *ткань для столового белья, ситец* ***«Алфавит», «Ясли»*** и др.; е) названия популярных фильмов: *детский спальный комплект* ***«Война бесконечности», «Мстители», «Тор», «Чёрная пантера» и др.*** (РИ явно «нацелены» на подростков мужского пола); ж) номинации реалий, связанных со спортом, активным отдыхом: *спальный комплект, бязь* ***«Авторалли»***; *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Гонка», «Крутой вираж»***; *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Поло»*** (на текстиле надпись «*Polo* Sports»); *детский спальный комплект* ***«На старт!*** *и др.*

2) Прагматонимы второй группы восходят к антропонимам, дифференцируя адресата РИ по гендерному, реже – и возрастному признаку: а) к женским именам, преимущественно иностранным (некоторые из которых закрепились также в русском/белорусском именнике): *ситец* ***«Алёнка», «Эмма»***; *спальный комплект, сатин* ***«Василиса»***; *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Адель», «Анжелика», «Кэтрин», «Мона», «Паола», «Стефани»***; *поплин* ***«Шантель», «Эшли»***; *спальный комплект, сатин* ***«Барбара», «Мишель», «Николетта», «Шарлотта», «Элеонора»***; *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Инга», «Рената»*** и др.; б) к мужским иностранным именам: *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Анри», «Лео», «Леон»***; *сатиновый спальный комплект* ***«Лучиано»***.

В целом активность «иноязычия» свидетельствует о стремлении номинаторов повысить статус именуемого текстильного изделия и, соот-

ветственно, его потребителя. Аналогичная задача и у прагматонимов, отсылающих к античной теологии, мифологии: *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Калипсо»*** (‘нимфа в древнегреческой мифологии, она была поразительно красива’), ***«Юнона»*** (‘древнеримская богиня семьи’); *спальный комплект, поплин* ***«Лилея»*** (‘нимфа водной стихи’) и др.

3) Имена собственные текстиля вербализует различные психографические признаки адресата рекламной номинации (его ценности, мнения, взгляды, интересы, образ жизни) и восходят: а) к личным наименованиям (отмечены только феминативы): *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Провинциалка», «Хозяюшка», «Чистюля», «Сластена»*** и др.; б) к названиям стилей, течений в искусстве (его видах); терминам, связанные с искусством, прежде всего с музыкой, танцами (к слову, многие из них уже стали символами), что позволяет установить контакт с потенциальным покупателем, учесть его предпочтения: *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Прованс»*** (‘французский провинциальный стиль’), ***«Пастораль»*** (‘жанр в искусстве, поэтизирующий простую сельскую жизнь’); *спальный комплект, сатин* ***«Адажио»*** (‘музыкальное произведение в медленном темпе’), ***«Виола»*** (‘музыкальный инструмент в виде большой скрипки’), ***«Латина»*** (‘латиноамериканское направление танцев, музыки’); *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Мажор», «Соул»*** (‘направление американской поп-музыки’), ***«Танго», «Кантри»*** (‘музыкальный стиль, основанный на народных мелодиях США’) и др.; в) к белорусскоязычным языковым единицам (по оценке специалистов, маркетинговые кампании на родном языке стали «маркером открытости, душевности, элитарности, искренности» [6, с. 239]): *кухонное полотенце* ***«Добрыя традыцыі»***; *спальный комплект, поплин* ***«Белорусочка», «Малая Радзіма», «Спадчына»***; *скатерть* ***«Натхненне»*** и др.

Следует отметить, что целый ряд прагматонимов, репрезентирующих ТМ «целевая аудитория» отличается синкретизмом: подобные номинации можно отнести и к ТМ «выгода для потребителя».

ТМ **«выгода для потребителя»** вербализуется в исследуемых прагматонимах (31%) по-разному: а) как информация об эффекте, исключительно положительном, от использования текстиля: *ткань х/б для столового белья, бязь* ***«Нега», «Нежность»***; *детский спальный комплект* ***«Счастливый день» и др.***; б) как возможность прикоснуться к «красивой жизни»: *скатерть* ***«Англия»***; *сатиновый спальный комплект* ***«Манхэттен***; *ткань х/б для столового белья, поплин* ***«Хоккайдо»*** (‘остров в Японии’); *бязь* ***«Мавритания»*** и др. Подобных РИ мотивируются топонимами, в т.ч. прецедентными; часто это названия городов Италии (ее текстиль отличается качеством, изысканностью; а многие города вызывают желание отправиться в путешествие): *ткань х/б для столового*

белья, бязь ***«Верона»***; *спальный комплект, страйп-сатин* ***«Павия», «Парма», «Кальяри», «Римини», «Сиена»***.

Таким образом, номинаторы текстиля при создании неотобъектно мотивированных прагматонимов в первую ориентируются на психофизические особенности, вкусы, ценности своего покупателя. А в целом подобные РИ антропоцентричны, отражают личные черты, предпочтения всех участников рекламной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Исакова, А. А. Эволюция прагмонимического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Исакова. – Краснодар, 2008. – 48 с.

2. Голев, Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны / Д. Н. Голев // Русские говоры Сибири. – Томск, 1981. – С. 12–20.

3. ОАО «Брестгекстильторг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://brest-tt.by/. – Дата доступа: 20.02.2019.

4. «Блакіт» – домашний текстиль : интернет-магазин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.blakit.by/. – Дата доступа: 17.02.2019.

5. Горяев, С. О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагматонимов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. О. Горяев. – Екатеринбург, 1999. – 165 с.

6. Фукова, И. А. Использование белорусского языка в маркетинге / И. А. Фукова, Л. Л. Соловьева // Стратегия и практика производственных хозяйственных систем : материалы X междунар. науч.-практич. конф., к 20-летию гуманитарно-экономич. фак-та. – Гомель, ГГТУ им. П. О. Сухого. – С. 236–239.

Ю. Г. Жилина *(г. Смоленск, СмолГУ)*
Научный руководитель – Н. А. Максимчук, доктор филол. наук, проф.

АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОН СЛОВА *ВОЙНА* В КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Решение проблемы соотношения и взаимосвязи языка, культуры и этноса возможно только усилиями нескольких наук. Одной из них является *лингвокультурология*, возникшая в 90-е годы XX века как самостоятельная дисциплина [Маслова 2001, с. 9]. Объектами изучения лингвокультурологи и являются человек, язык и культура в их взаимосвязи, а основными понятиями – *языковая личность* и *картина мира*.

Предметом данной исследовательской работы является фрагмент картины мира современных школьников.

Две тысячи двадцатый год знаменателен тем, что прошло ровно семьдесят пять лет с победы в Великой Отечественной войне. Это время

стало испытанием для всего мира. Русский народ вместе с другими народами Советского Союза сыграли главную роль в победе над фашистскими захватчиками. Современные школьники – это будущее, которое стало возможным только благодаря победе в далеком тысяча девятьсот сорок пятом году. Сегодня важно оценить их отношение к войне, к важному этапу истории нашей страны и всего мира. С этой целью нами было проведено онлайн-анкетировании. Участникам было предложено 1) назвать ассоциации со словом *война*, 2) указать (из предложенных) источники знаний о войне (книги, фильмы, школьные предметы, ресурсы интернета, истории семьи или близких, другие источники).

В анкетировании приняли участие сто три школьника от девяти до восемнадцати лет из более чем двадцати населенных пунктов по всей России. При анализе результатов учитывались такие характеристики: гендер, возраст, место проживания.

Всего было выявлено 180 ассоциатов: *страх* (37); *смерть* (35); *боль* (28); *кровь*, *победа* (25); *голод* (23); *потеря*, *ужас* (21); *горе* (12); *слезы* (11); *оружие* (9); *солдат* (8); *враг*, *танк* (7); *жестокость*, *фашизм* (6); *бомба*, *разруха*, *сражение*, *убийство* (5); *битва*, *бой*, *ветеран*, *героизм*, *грязь*, *огонь*, *ружье*, *салют*, *самолет*, *тоска*, *унижение*, *фашисты*, *холод* (4); *автомат*, *блокада*, *власть*, *выстрел*, *защита*, *конфликт*, *мужество*, *память*, *ранение*, *Родина*, *серый*, *страдания*, *утрата* (3); *сирота*, *взрыв*, *взрывы*, *герой*, *дедушка*, *дым*, *жизнь*, *земля*, *красный*, *крик*, *кровопролитие*, *мать*, *мина*, *мир*, *надежда*, *ненависть*, *окопы*, *отвага*, *отчаяние*, *патриотизм*, *печаль*, *разрушение*, *расстрелы*, *сила*, *скорбь*, *снайпер*, *сталь*, *стрельба*, *стремление к победе*, *танки*, *трагедия*, *тревога*, *холокост*, *гнет* (2); *ад*, *азарт*, *армия*, *бабушка*, *беда*, *бедность*, *безысходность*, *беспощадность*, *Бессмертный полк*, *бессмысленность*, *бог*, *болезнь*, *вдова*, *вера*, *воин*, *воля*, *вонь*, *геноцид*, *гибель*, *госпиталь*, *гранаты*, *грех*, *десант*, *дети*, *забытье*, *запах*, *зеленый*, *зло*, *злость*, *избавление*, *история*, *истребление*, *каска*, *катастрофа*, *концлагерь*, *коричневый*, *Ленинград*, *лес*, *люди*, *медсестра*, *мечта*, *напряжение*, *народ*, *насилие*, *недоверие*, *немцы*, *непонимание*, *несчастье*, *одиночество*, *осквернение*, *переправа*, *письмо*, *план Ост*, *плач*, *плен*, *повестка*, *погибшие*, *подвиг*, *поле*, *политика*, *порох*, *предатель*, *пули*, *пуля*, *пушка*, *разведка*, *рана*, *река*, *рок*, *руины*, *Севастополь*, *семья*, *серость*, *сиротство*, *слабость*, *слава*, *смелость*, *снег*, *собака*, *союз*, *спекуляция*, *спор*, *СССР*, *Сталинград*, *стекло*, *страна*, *судьба*, *тишина*, *толпа*, *траур*, *труд*, *труп*, *туман*, *тьма*, *убытки*, *угнетение*, *флаг*, *фронт*, *хаос*, *шум* (1).

Как мы видим, самыми частотными ассоциатами являются *страх* (37), *смерть* (35), *боль* (28). Уже из этих трех слов можно сделать небольшой вывод: отношение народа к войне отрицательное. Появление тревоги

и страха за свою жизнь – ответная реакция на слово-стимул. По прошествии времени люди боятся повторения, как известно, весь мир цикличен, поэтому данные анкет подводят нас к личностной оценке не просто Великой Отечественной войны, а более глубокого понятия войны.

Если посмотреть на остальной список ассоциатов, то можно заметить, что сравнительно мало упоминаются такие слова как *родина*, *мир*, *надежда*. Ассоциат *победа* является частотным только для мужского пола, девушки чаще выбирали слово *боль*, что, несомненно, связано с психологическим состоянием и особенностями мироощущения.

Местожительство не оказывает заметного влияния на состав реакций: практически каждый респондент указывал ассоциаты *смерть*, *ужас*, *страх*.

Возрастная характеристика позволяет утверждать, что основной массив ассоциаций появляется в раннем школьном возрасте, затем расширяется или, наоборот, сужается, закрепляя в ассоциативном фоне новые, важные непосредственно для каждого из респондентов ассоциаты.

Анализ факторов формирования данного фрагмента картины мира современных школьников показал, что источники их знаний о войне в большинстве случаев совпадают.

Основным в этой работе для нас стал вопрос: менялось ли отношение школьников к войне? Для этого была проведена сравнительная характеристика полученных результатов с данными «Словаря ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева [1], отражающего результаты ассоциативных экспериментов 1967 – 1973 годов, и «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю.Н. Караулова [2] с данными за 1986–1997 годы.

Можно утверждать на примере первых десяти ассоциатов, что данные ассоциативных словарей схожи.

В словаре под редакцией А. А. Леонтьева наблюдаем: *мир* (56); *ужас* (11); *Отечественная* (9); *не нужна*, *ужасная* (6); *жестокая*, *народная*, *разруха*, *разрушительная*, *смерть* (4).

Данные ассоциативного словаря под редакцией Ю.Н. Караулова говорят о продолжении роли войны в жизни людей: *мир* (92); *миров* (51); *и мир* (41); *смерть* (28); *Отечественная* (18); *страшная* (17); *ужас* (14); *мировая* (13); *жестокая* (12); *горе* (9).

Данные анкетирования современных школьников показывают другую картину: *страх* (37); *смерть* (35); *боль* (28); *кровь*, *победа* (25); *голод* (23); *потеря*, *ужас* (21); *горе* (12); *слезы* (11).

В число десяти частотных ассоциатов, исходя из данных анкет, уже не входит реакция *мир*, которая является самой упоминаемой по данным двух ассоциативных словарей. Ассоциаты, сохраняющиеся в каждом из трех указанных источниках, – это *смерть* и *ужас*.

Исходя из полученных данных, мы можем говорить о том, что взгляд людей на войну изменяется. На первое место в ассоциативном ряду слова *война* стали выходить такие слова: *страх*, *смерть*, *боль*. Эти слова несут отрицательную оценку. Ассоциаты с положительной оценкой, наиболее частотные в ассоциативных словарях А. А. Леонтьева и Ю. Н. Караулова, такие как *мир*, *народная*, находятся на шестидесятом месте или вовсе не упоминаются, соответственно. Это говорит о том, что современные школьники войны боятся; они не готовы к радикальному изменению жизни. Факторы формирования картины мира современных школьников показывают весь ужас войны, который откладывается в их сознании. При этом для современных молодых людей остается значимой победа в Великой Отечественной войне, они помнят подвиг своих героев и не хотят, чтобы события прошлого века повторились.

Список использованной литературы

1. Словарь ассоциативных норм русского языка. Прямой / под ред. А. А. Леонтьева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 192 с.

2. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : АСТ–Астрель, 2002. – 784 с.

3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

Г. Д. Жук *(г.Минск, БГУ)*
Научный руководитель – Л. Г. Шестернева, канд. филол. наук, доцент

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ ИЗДАНИЙ СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА

В советской информационной среде традиция формирования негативного отношения к религии через печатные СМИ распространилась в 1920-х и 1930-х годах. Установка этих периодических изданий сводилась к разрушению религиозного мировоззрения, что требовало резкой полемической ориентации материалов.

Актуальность темы обусловлена недостаточностью разработанной темы в лингвистике. Кроме того, многие высказывания, афоризмы и фразеологизмы религиозного содержания были сохранены. Это говорит о том, что, несмотря на пропаганду атеистических идей, у населения сохранились духовные традиции.

Язык конфликта [1, с.2] предполагает использование негативной лексики, которая выражает агрессию и манипулирует общественным мне-

нием. Материалами для анализа стали номера газеты «Безбожник» с разрывом в 4 года: 1930–1934, 1937–1941.

Например, номер газеты «Безбожник» № 4/1934 отражает политические реалии современности, что означает усиление фашизма в Европе. Соответственно, антирелигиозная пропаганда в первую очередь связана с этим. Об этом свидетельствуют статьи «Фашизация церкви в Германии» (М. Галактионов) и «Католицизм и германский фашизм» (Г. Янсен): *«Фашистская политика состояла в крепчайшем союзе с поповщиной, которая благословляет топор фашизма с таким же рвением, с каким когда-то освящала вильгельмовский кулак».*

В семантике сталинского периода структура фразеологических поворотов обновляется. Например: *«Религия – опиум народа»*, но в первоначальном варианте фразеологизм звучала так*: «Религия – опиум для народа»*. Не в смысле наркотического средства, а в качестве успокоительного. Также используется ряд отрицательных лексем и фраз: *впадина*, *свастика*, *фашизм*, *угнетение*, *репрессии*, *топор фашизм*, *ревностное служение*.

Тема негативного восприятия церкви как помощника фашизма оказалась достаточно длинной. Об этом свидетельствуют не только заголовки, но и используемая лексика: *«Фашизм – худший враг человечества, это война вторжения. Фашизм – худший враг дружбы народов»*; *«Подлая роль князей церкви как союзников фашизма».*

Все конфликтующие фразы и лексемы похожи на лозунги и вписаны в контекст эпохи. Они призваны сформировать негативное отношение к церкви, основываясь на том факте, что советская пропаганда уже показала отрицательный образ фашизма как идеологии. Прежде всего, в заголовках появились слоганы («Безбожник», 1937, № 1–12): *«Фашизм под маской религии», «Мы будем противостоять притязаниям пап и сектантов!», «Мастер большевизма, ликвидировать безопасность», «Без посторонней помощи», «Пасхальная чепуха».* Часто используются утвердительные выражения, где используются исключительно подлежащее и сказуемое: *«Папаша оскорблен», «Церковь – союзник врагов», «Маска сорвана».* Существует сочетание стандарта, экспрессии и лозунговости. Наличие существительных лишает заголовок изображения и дает четкое понимание дальнейшей сущности текста. В заголовках нет отглагольных существительных, что указывает на отсутствие канцелярского языка. Заголовки советского периода, благодаря широкому использованию глаголов, показывают жизнь в динамике, в действии.

Прямая оценка церкви и духовенству проявляется в семантике слов и фраз, к которым могут относиться существительные, прилагательные, наречия, глаголы. В проанализированных изданиях оценка церкви, религии и

священников проводится на лексическом уровне. В процессе использования противоречивой лексики выделяется фразеология – ссылка на религиозные образы. Неоднократно в текстах повторяется *враг человечества*, *враг народа*.

В качестве выразительных средств выступают простые слова, термины («Антирелигиозный», 1934, №1–6: *секуляризация*, *клерикализм*, *«Полемическая литература неприверженцев»*), варваризмы («Безбожник», 1937, № 1–12: *карнавал*, *дипломатия*), историзмы («Безбожник», 1937, № 1–12: *царь*, *князь*, *холоп*, *барин*), а также местоимения различных разрядов.

Особенно ярко в журнале «Безбожник» использовались поговорки. Например: *«Попу да вору всё в пору»*, *«Через 70 могил отхватил поп блин»*, *«Попово брюхо из 7 овчин сшито»*, *«Это попова дочка. Где кормят, туда и ходит»*, *«Дома сатана, на дворе священник»*, *«Чётки на руке, а девки на уме»*, *«У честных отцов не найдешь концов»*, *«И чорт под старость в монахи пошёл».*

Таким образом, в ходе анализа можно сделать вывод и разделить конфликтную лексику антирелигиозных изданий сталинского периода на следующие категории: «жесткий» язык конфликта (прямое выражение агрессии, а также попытки скрытой пропаганды); «средний» язык конфликта (обвинение в негативном влиянии этой группы на других лиц); «мягкий» язык враждебности (периодическое упоминание представителей этой группы в криминальном контексте). Такой язык проявляется через «игру слов» или лексическое «жонглирование»: использование лексических единиц в контексте, который не соответствует принципу сходства или рифмовки.

Выразительные единицы конфликтной лексики могут иметь специальные обозначения в словарях: *презр.* (презрительное), *неодобр.* (неодобрительное), *пренебр.* (пренебрежительное), *груб.* (грубое), *неприл.* (неприличное) [2, с.113]. Анализ языка конфликта показывает, что он реализован в шести речевых жанрах [3, с.275], которые активно используются в материалах антирелигиозных изданий сталинской эпохи: агитация, порицание, сравнение, оскорбление, сарказм, ирония.

Список использованной литературы

1. Даниленко, О. А. Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей / О. А. Даниленко. – Вильнюс : Европ. гуманитар. ун-т, 2007. – 404 с.

2. Евстафьева, А. В Эвфемизмы в «языке вражды» в СМИ: прагматический аспект / А. В. Евстафьева // Прагмалингвистика и практика речевого общения : сб. науч. тр. междунар. науч. конф., Ростов-на-Дону, 24 нояб. 2007 г. / Юж. Федер. ун-т, Пед. ин-т ; отв. ред. Г. Г. Матвеева. – Ростов н/Д, 2007. – С. 112–116.

3. Евстафьева, А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Евстафьева. – Тамбов, 2009. – 298 с.

Е. А. Зуева *(г. Минск, отдел белорусско-русских языковых связей ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»)*
Научный руководитель – А. А. Лукашанец, академик НАН Беларуси, доктор филологических наук, профессор

СУФФИКСАЛЬНЫЕ УНИВЕРБЫ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НАЗВАНИЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ)

В русском языке, как отмечала О. С. Ахманова, распространены семантически «емкие» слова женского рода, как <…> *венгерка* (*женщина*, *куртка*, *танец*), *испанка* (*женщина* и *болезнь*), *шотландка* (*женщина* и *ткань*) и др. [1, с. 130], которые «с одной стороны имеют значение ‘лицо’, а с другой – выступают как продуктивные <…> образования от терминологических словосочетаний типа: *венгерская куртка*, *венгерский танец*, *испанская болезнь* <…>, никакого отношения к значению лица не имеющих» [1, с. 130]. **Цель** статьи заключается в рассмотрении суффиксальных универбов (далее N-suf), производных от названий административно-территориальных единиц и национальностей в русском и белорусском языках.

Анализ языкового материала показал, что N-suf, производные от названий административно-территориальных единиц и национальностей в русском и белорусском языках, имеют ряд особенностей.

Инвариантная структурная модель N-suf, производных от названий административно-территориальных единиц и национальностей в русском и белорусском языках, следующая: $\mathbf{N_{f,\,pl} \leftarrow A + [N_{(f,\,m,\,pl]} + суф.}$, где в состав универбанта **A + N** включается прилагательное, производное от названия административно-территориальной единицы или национальности, и существительное мужского / женского рода или в форме множественного числа: рус. *киргизка*$_{f}^{1}$ *разг.* – *киргизская лошадь*$_{f}$ (НСРЯ, т. 1, с. 667) ≠ бел. Ø; рус. *лезгинка*$_{f}^{2}$ **– *лезгинский*** *народный* ***танец***$_{m}$ (МАС, т. 2, с. 172) = бел. *лезгінка*$_{f}^{2}$ **–** *народны* ***танец***$_{m}$ ***лезгінаў*** (ТСБМ, т. 3, с. 32). Ряд подобных N-suf подаются в толковых словарях в «заромбовой» части словарной статьи (за знаками рус. ◊ – бел. ○): рус. *голландка*$_{f}^{2}$ 1 ← ◊ *голландская печь*$_{f}$ –

комнатная (обычно кафельная) печь (МАС, т. 1, с. 325) = бел. *галанка*$_{f}$ ← ○ *галандская печ*$_{f}$ – пакаёвая печ для абагрэву, звычайна кафляная (ТСБМ, т. 4, с. 251); рус. *финки*$_{pl}$ ← *финские санки*$_{pl}$ (НБТСРЯ, т. 1425) – ◊ *финские сани (санки)*$_{pl}$ – сани, представляющие собой стул, укрепленный на длинных металлических полозьях (МАС, т. 4, с. 567) ≠ бел. ○ *фінскія сані*$_{pl}$ – сані ў выглядзе крэсла, прымацаванага на доўгіх металічных палазах (ТСБМ, т. 5(1), с. 53). N-suf представлены в словарях не как однословные эквиваленты, синонимичные универбанту **A + N**, а описательно: название административно-территориальной единицы или национальности, как замечает З. Ю. Петрова, «может вообще отсутствовать в толковании» [2, с. 333], в подобных случаях можно говорить о потенциальных универбантах: рус. *Вятка*^{1} – *лошадь* ***вятской*** *породы, выведенной в городе* ***Вятке*** (~ *вятская лошадь*). *Вятка*^{2} – *сорт озимой* ***ржи*** ← (~ *вятская рожь*) (НСРЯ, т. 1, с. 289) ≠ бел. Ø; рус. *шотландка*^{2} – ***ткань*** *с рисунком в клетку из цветных нитей основы и утка* (МАС, т. 4, с. 726) ← (~ *шотландская ткань*) = бел. *шатландка*^{2} – ***тканіна*** *ў каляровыя клеткі* (ТСБМ, т. 5 (2), с. 358) ← (~ *шатландская тканіна*).

Исследование деривации N-suf, производных от названий административно-территориальных единиц и национальностей показывает, что однословные номинации представляют собой существительные женского рода, образованные с помощью универбатора (суффикса) ***-к(а)*** / ***-к(и)***: 1) от прилагательных: рус. *итальян-**к**-а* II *Гармошка* ← итальян-**ск**(ий) 1 ≠ бел. Ø; 3) существительных: рус. *монгол-**к**-а* II *Лошадь* ← монгол I *Лошадь* (ССРЯ, т. 1, с. 625) ≠ бел. Ø; 3) на базе словосочетаний: рус. *вят-**к**-а* ← вят(-**ск**-ая лошадь) (ССРЯ, т. 1, с. 207) ≠ бел. Ø; рус. *казан-**к**-и* ← [казан(ские сани)-**к**-и] (ССРЯ, т. 1, с. 404) ≠ бел. Ø. Встречаются непроизводные слова: рус. 837. *Полька* II *Мужская стрижка* (ССРЯ, т. 1, с. 794) ← (~ *польская стрижка*) – бел. Ø.

При наблюдении за стилистическими особенностями рассматриваемых N-suf отмечено, что данные слова: 1) могут являться стилистически нейтральными (**нейтр.**): рус. *шведка*$^{1}{}_{нейтр.}$ ← (~ *шведская лошадь*) (НСРЯ, т. 2, с. 1005) = бел. *шведка*$^{2}{}_{нейтр.}$ ← (~ *шведскі конь*) (ТСБМ, т. 5 (2), с. 363); 2) выступать с пометами: рус. **разг.** – бел. **разм.**: рус. *кубанка* $1_{разг.}$ ← (~ *кубанская пшеница*) (МАС, т. 2, с. 144) = бел. *кубанка* $1_{разм.}$ ← (~ *кубанская пшаніца*) (ТСБМ, т. 2, с. 748); единичны случаи с маркерами **местн.** (местное): *литовка*$^{1}{}_{местн.}$ ← (~ *литовская коса*) (НСРЯ, т. 1, с. 794–795) ≠ бел. Ø; **мор.** (морской термин): рус. *голландка*^{2} $З_{мор.}$ ← (~ *голландская рубашка*) (СРЯ, т. 1, с. 325) ≠ бел. Ø.

N-suf, производные от названий административно-территориальных единиц и национальностей объединяются в лексико-семантические группы: 1. **Музыкальное искусство (танцы, музыкальные инструменты)**: рус.

кабардинка[2] 2 ← (~ *кабардинский танец*) (НСРЯ, т. 1, с. 626) = бел. *кабардзінка*[2] ← (~ *кабардзінскі танец*) (ТСБМ, т. 2, с. 568); рус. *итальянка*[1] ← (~ *итальянская гармоника*) (НСРЯ, т. 1, с. 621) ≠ бел. Ø. 2. **Предметы гардероба**: рус. *кабардинка*[2] 1 ← (~ *кабардинский кафтан*) (НСРЯ, т. 1, с. 626) ≠ бел. Ø; рус. *кубанка* 2 ← (~ *кубанская шапка*) (ТСБМ, т. 2, с. 144) = бел. *кубанка* 2 ← (~ *кубанская шапка*) (ТСБМ, т. 2, с. 748); рус. *румынки* ← *(~ румынские ботинки)* (НСРЯ, т. 1, с. 524) ≠ бел. Ø. 3. **Породы животных**: рус. *кабардинка*[1] ← *(~ кабаринская лошадь)* (НСРЯ, т. 1, с. 626) ≠ бел. Ø; рус. *голландка*[2] 2 ← (~ *голландская корова / курица* (СРЯ, т. 1, с. 325) = бел. *галанка* 1 ← (~ *галандская карова / курыца*) (ТСБМ, т. 2, с. 17). 4. **Сорта растений**: рус. *венгерка*[4]2 ← (~ *венгерская слива*) (НСРЯ, т. 1, с. 157) = бел. *венгерка* 4 ← (~ *венгерская сліва*) (ТСБМ, т. 1, с. 476); рус. *американка* ← (~ *американская пшеница*) (ССРЯ, т. 1, с. 67) ≠ бел. Ø. 5. **Средства передвижения**: рус. *казанки* ← *казанские сани* (НСРЯ, т. 1, с. 630) – бел. Ø; рус. *американка*[1] ← (~ *американский (гоночный) экипаж*) (НСРЯ, т. 1, с. 26) ≠ бел. Ø. 6. **Предметы различного предназначения**: рус. *американка* ← (~ *американская (печатная) машина*) (ССРЯ), т. 1, с. 67) ≠ бел. Ø. 7. **Болезни**: рус. *испанка*[2] ← (~ *испанский грипп*) (МАС, т. 1, с. 681) = бел. *іспанка*[2] ← (~ *іспанскі грып*) (ТСБМ, т. 2, с. 561). 8. **Стрижки**: рус. *канадка*[2] ← (~ *канадская стрижка*) (НСРЯ, т. 1, с. 640) = бел. *канадка* ← (~ *канадская стрыжка*) (БНК). 9. **Сооружения**: рус. *голландка*[2] 1 ← *голландская печь* (СРЯ, т. 1, с. 325) = бел. *галанка* 2 ← *галандская печ* (ТСБМ, т. 2, с. 17). 10. **Игры**: рус. *американка*[4] ← (~ *американский бильярд*) (НСРЯ, т. 1, с. 26) = бел. *амерыканка* ← (~ *амерыканскі більярд*) (БНК).

Большинство N-suf, производных от названий административно-территориальных единиц и национальностей, различающиеся по значениям ‘лицо’ / ‘не лицо’, дают «закономерные ряды омонимов» [1, с. 131], что отражается словарями: (модель: **homon-N-suf**[**1etc.**]**):** рус. *Испанка*[**1**] – см. испанцы. *Испанка*[**2**] *– особая тяжелая форма гриппа* (МАС, т. 1, с. 681) ← (~ *испанский грипп*) = бел. *Іпанка*[**1**] гл. іспанцы. *Іспанка*[**2**] *– адна з цяжкіх форм грыпу* (ТСБМ, т. 2, с. 561) ← (~ *іспанскі грып*); рус. *испан-**к**-а* **I** ← испан(-ец), *испан-**к**-а* **II** *Грипп* ← испан-**ск**(ий) (ССРЯ, т. 1, с. 399) – бел. Ø. Встречаются случаи полисемичной подачи в толковых словарях (модель: **polis-N-suf 1 etc.**): рус. *Кубанка – Разг.* **1.** *Сорт пшеницы* (~ *кубанская пшеница*). **2.** *Невысокая мерлушковая шапка с плоским кожаным или матерчатым верхом* (~ *кубанская шапка*) (МАС, т. 2, с. 144) = бел. *Кубанка – Разм*. **1.** *Сорт пшаніцы* (~ *кубанская пшаніца*). **2.** *Шапка са смушкавым акалышкам і плоскім верхам* (~ *кубанская шапка*) (ТСБМ, т. 2, с. 748). Но в словообразовательном словаре аналогичные слова даны

как омонимы: рус. кубан-**к**-а **I** *Пшеница*, кубан-**к**-а **II** *Шапка* ← Кубань (ССРЯ, т. 1, с. 507).

Внутри омонимии может развиваться полисемия (модель: **homon-N-suf$^{1etc.}$ polis 1etc.**): рус. Финка^{1} – см. финны. Финка^{2} – **1.** *Разг.* То же, что *финский нож*. **2.** *Круглая плоская шапка с меховым опускающимся околышем* ← (*~ финская шапка*). **3.** *Небольшая лошадь северной породы* ← (*~ финская лошадь*). **4.** *Легкая килевая шлюпка с острым носом и кормой, применяемая при ловле рыбы в Финском заливе* ← (*~ финская лодка*). Финка^{3} – то же, что финна (МАС, т. 4, с. 567) = бел. Фінка^{1} – гл. фіны. Фінка^{2} – **1.** *Разм.* Тое, што і *фінскі нож*. **2.** *Круглая шапка з футравым адкладным акольшкам* ← (*~ фінская шапка*). **3.** *Паўночная парода коней, пашыраная ў Фінляндыі* ← (*~ фінскі конь*). **4.** *Легкая шлюпка з вострай формай носа і кармы* ← (*~ фінская шлюпка*). Фінка^{3} – тое, што і фіна (ТСБМ, т. 5(2), с. 136).

Анализ N-suf, производных от названий административно-территориальных единиц и национальностей в русском и белорусском языках позволяет сделать следующие выводы: 1) данные номинации соотносятся с общей структурной моделью универбизованных конструкций; 2) рассматриваемые N-suf являются существительными женского рода или множественного числа и образованы при помощи универбатора *-к(а)/-к(и)*; 3) в стилистическом плане подобные N-suf могут быть нейтральными и иметь пометы; 4) N-suf подобного типа объединяются в лексико-семантические группы; 5) существительные, названия административно-территориальных единиц и национальностей, способствуют развитию омонимии и полисемии в двух языках.

Список сокращений и условных обозначений

БNК – Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bnkorpus.info/index.html. – Дата доступа: 20.04.2020.; **НБТСРЯ** – Новейший большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – М. ; СПб. : Рипол-Норинт, 2008. – 1534 с.; **НСРЯ** – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – 2 т.; **СРЯ –** Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988; **ССРЯ** – Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз. – 1990. – 2 т.; **ТСБМ –** Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т. **A + N –** универбант; **f** – женский род; **homon** – омонимия, **N 1 etc.** – индекс полисемии; **N1 etc. / I etc.** – индексы омонимии; **N-suf** – суффиксальный универб; **polis –** полисемия; **Ø –** отсутствие коррелята; **pl –** форма множественного числа; **~** потенциальный универбант; ≠ – отличие; = – совпадение;

Список использованной литературы

1. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1957. – 295 с.

2. Петрова, З. Ю. Словообразовательная омонимия универбатов – производных от названий стран: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс] / З. Ю. Петрова // Zb. radova. Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima : матэрыялы XVIII Međunar. nauč. konf. Komisije za tvorbu riječi Međunar. komiteta slavista., Sarajevo, 4–7 aprila 2017 ; ured. A. Šehović.– Sarajevo : Slavistički komitet, 2018. – S. 324–336. – Режим доступа: http://iml.basnet.by/files/files/KSS/Sarajevo%202018.pdf. – Дата доступа: 20.04.2020.

П. Какабаев *(г. Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина)*
Научный руководитель – Т. М. Лянцевич, канд. филол. наук, доцент

ТИПОЛОГИЯ ЭПИТЕТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Одним из главных средств художественной выразительности как в фольклорных, так и авторских произведениях по праву считается эпитет, поскольку «удачный, свежий эпитет усиливает выразительность и образность речи, обогащает содержание высказывания, подчёркивает индивидуальный признак определяемого предмета или явления» [1, с. 3]. Эпитет (от гр. epitheton ‘приложение’) – это «стилистически значимое (содержащее троп) слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства» [2, с. 640], «слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство, также наиболее употребительно в художественной речи, где оно выполняет эстетическую функцию» [3, с. 460].

Первые исследования природы эпитета относятся ещё к эпохе эллинизма и встречаются в сочинениях таких античных мыслителей, как Аристотель, Квинтилиан, Деметрий. В современной филологии данный троп и его роль в идиостиле различных писателей изучают как лингвисты, так и литературоведы: В. М. Жирмунский, И. Б. Голуб, К. С. Горбачевич, Л. И. Донецких, М. Н. Кожина, В. П. Москвин, Ю. М. Скребнев, Г. Г. Байбулатова, С. А. Берлова, С. А. Губанов, Н. В. Жданович, В. С. Норлусенян, А. В. Павшук, И. Б. Померанец, Л. А. Турсунова и др.

Учёные предлагают различные классификации эпитетов. Так, К. С. Горбачевич выделяет **общеязыковые**; **народно-поэтические**; **редкие**, или **индивидуально-авторские** эпитеты [1, с. 3]. А. Н. Веселовский рассматривает следующие виды эпитетов: 1) **тавтологические** (эпитеты-повторы, возвращающие слову утраченную им экспрессивную образность): *крутой берег*; 2) **пояснительные**, в основе которых «лежит какой-нибудь один признак: либо сочетающийся с существительным в предмете, либо характеризующий его по отношению к практической цели и идеальному совершенству» [4, с. 265–266]: а) **эпитет-метафора** (предполагает параллелизм впечатлений, их сравнение и логический вывод

уравнения): *мёртвая тишина*; б) **синкретический эпитет** отличается физиологическим синкретизмом и ассоциацией наших чувственных восприятий, в которых человек не отдаёт себе отчёта: *глухая* ночь; 3) **сложные эпитеты**, сокращённые из определений и сравнений [4]. Б. В. Томашевский делит эпитеты на 1) **усилительные** (*ужасная буря*); 2) **украшающие** (*дева юная, нежная* или *милая)*, 3) **народно-поэтические** (*белые руки, синее море)*; 4) **составные** (*белорумяны, сладкострунны)*; 5) **метафорические** (*жемчужные зубы)*; 6) **гомеровские эпитеты** из античной поэзии (*быстроногий Ахиллес, светлоокая богиня*) [5, с. 205].

В данной публикации рассмотрим виды эпитетов, отобранные из лирических произведений Ф. И. Тютчева, в соответствии с классификацией В. П. Москвина [6], предполагающей деление эпитетов 1) **по характеру номинации**: с переносным значением а) метафорические: *И пыль* ***росистая*** *фонтана / Главы его не освежит* («Пошли, Господь, свою отраду…»); б) метонимические, или смещённые: ***Чуткие*** *звезды глядят с высоты…* («Как хорошо ты, о море ночное…»); 2) ***по семантическому параметру***: а) цветовые: *«Вечер* ***пасмурно-багровый*** */ Светит* ***радужным*** *лучом* («Под дыханьем непогоды»); б) оценочные: *Стихов моих вот список* ***безобразный*** *– / Не заглянув в него, дарю им вас…* («Михаилу Петровичу Погодину»), ***Благоуханна*** *и* ***светла*** */ уж с февраля весна в сады вошла…* («Итальянская весна»); 3) **эпитеты, дающие психологическую, поведенческую, портретную характеристику, характеризующие объект по форме, размеру** и др.: *И цепь порвав с* ***юродствующим*** *Римом, /* ***Гнетущую*** *тебя уж так давно…* («Гус на костре»), *От их* ***волшебной, страстной*** *ночи / Я душу оторвать не мог* («Я очи знал, – о, эти очи!..»); 4) в **соответствии со структурной классификацией** выделяются а) простые эпитеты: ***Цветущее*** *блаженство мая, /* ***Румяный*** *свет,* ***златые*** *сны?* («Нет, моего к тебе пристрастья…»); б) сложные эпитеты: *Туманная и тихая лазурь / Над* ***грустно-сиротеющей*** *землею* («Осенний вечер»), *Их мрак* ***торжественно-угрюмый****…* («Как он любил родные ели…»), *Ты, разлитая, как море, /* ***Пышноструйная*** *волна…* («На Неве»), *Она равно приветствует своей /* ***Всепоглощающей*** *и* ***миротворной*** *бездной* («От жизни той, что бушевала здесь…»); 5) **по степени освоенности языком**: а) общеизвестные: *О, сколько* ***горестных*** *минут, / Любви и радости убитой!..* («Она сидела на полу…»), *Я вспомнил время* ***золотое – / И сердцу стало так тепло…*** («К. Б.*»), *И не Руси одной по нём сгрустнётся – / Он дорог был и там, в земле* ***чужой****…* («Памяти Е. П. Ковалевского»), *«Меня унёс скорей, скорее / Туда, на* ***теплый*** *Юг…»* («Глядел я, стоя над Невой…»); б) индивидуальные: *Есть в осени* ***первоначальной****…*(«Есть в осени первоначальной…»), ***Благоухающие*** *слезы / Не о былом Аврора льет…* («Весна»); 6) **по степени устойчивости связи с определённым**

словом: а) свободные: *Эти **бедные** селенья, / Эта **скудная** природа…* («Эти бедные селенья»), *Ветра **теплого** порывы, / **Дальний** гром и дождь порой…* («Неохотно и несмело…»), *Бледнее небо, пасмурнее долы, / Вдруг ветр подует, **теплый** и **сырой**…* («Когда в кругу убийственных забот…»); б) постоянные: *Душою **чистой** иль **греховной** / Ты вдруг почувствуешь живей…* («Кто б ни был ты, но встретясь с ней…»), *И с **диких** яблонь цвет за цветом / На плечи юные свевал* («Я помню время золотое…»); 7) **при стилистическом подразделении**: а) книжные: *Блестит на **праздной** борозде* («Есть в осени первоначальной»), *И он струну твою ласкал / Своими **чудными** очами?* («Неман»), *Когда на то нет **божьего** согласья, / Как ни страдай она, любя…* («Когда на то нет божьего согласья…»), ***Баснословной** былью веет / Из-под мраморных аркад…* («Вновь твои я вижу очи…»), *Как ни дышит полдень **знойный** / В растворенное окно…* («Как ни дышит полдень знойный…») и др.; б) фольклорные: *Как бы горячих ног ея / Коснулись **ключевые** воды* («Летний вечер»), *Все **красное** лето / Мы были в красе* («Листья»), *О, не кладите меня / В **сырую** землю – / Скройте, заройте меня / В траву **густую!*** («Весеннее успокоенье») и др.

Кроме перечисленных видов эпитетов, в поэтических текстах Ф. И. Тютчева присутствуют двух- и трёхкомпонентные цепочки данного тропа: *«Есть в светлости осенних вечеров / **Умильная**, **таинственная** прелесть…»* («Осенний вечер»), *«И, как предчувствие сходящих бурь, / **Порывистый**, **холодный** ветр порою…»* («Осенний вечер»), *«И **тихих теплых майских** дней…»* («Весенние воды»), *«**Гибкий**, **резвый**, **звучно-ясный**, / В этот **мертвый**, **поздний** час…»* («Вечер мглистый и ненастный»), *«Твой милый образ, **незабвенный**, / Он предо мной везде, всегда, / **Недостижимый**, **неизменный**…»* (Еще томлюсь тоской желаний…») и др.

Таким образом, в стихотворениях Ф. И. Тютчева широко использованы различные виды эпитетов (метафорические и метонимические, цветовые и оценочные, простые и сложные, общеязыковые и индивидуально-авторские, свободные и постоянные, книжные и фольклорные), способствующие созданию ярких, неповторимых художественных образов.

Список использованной литературы

1. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – СПб. : Норинт, 2002. – 224 с.

2. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.

3. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение. – 1974. – 509 с.

4. Веселовский, А. Н. Из истории эпитета / А. Н. Веселовский // Введение в литературоведение. Хрестоматия / сост. П. А. Николаев [и др.] ; под ред. П. А. Николаева, А. Я. Эсалнек. – М. : Высш. шк., 1997. – С. 265–266.

5. Томашевский, Б. В. Стих и язык. Филологические очерки / Б. В. Томашевский. – М. : ГИХЛ, 1959. – 470 с.

6. Москвин, В. П. Эпитет в художественной речи / В. П. Москвин // Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 28–32.

П. І. Канановіч *(г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

АПАВЯДАННІ ВАСІЛЯ БЫКАВА ВАЕННАЙ ТЭМАТЫКІ АПОШНЯГА ПЕРЫЯДУ ТВОРЧАСЦІ

У апошні перыяд творчасці В. Быкаў пісаў не толькі аповесці, але і апавяданні. У 1994 годзе ў друку з'яўляюцца «Зенітчыца», «Палкаводзец», «Палітрук Каламіец» і інш. Апісаныя ў іх падзеі адбываюцца падчас Вялікай Айчыннай вайны. Такім чынам і ў апошні перыяд сваёй творчасці пісьменнік звярнуўся да сваёй галоўнай тэмы, якую распрацоўваў на працягу чатырох дзесяцігоддзяў. Сюжэт названых апавяданняў даволі просты і ў той жа час вельмі ёмісты ў сэнсавым плане.

«Нерасквітнелае» каханне камбата Калашнікава і яго падначаленай зенітчыцы Ніны Башмаковай паказана у апавяданні «Зенітчыца». Увесь вайсковы састаў батарэі, у якую яны ўваходзілі, быў знішчаны немцамі. Па сутнасці, засталіся жывымі толькі яны ўдвух. Іхняю мэтай было выйсці з нямецкага акружэння да сваіх. Аб тым, які ўнутраны стан перажывалі героі, гаворыцца ў самым пачатку твора: «*Начны шлях па палёх і пералесках выматаў іх як мае быць, пад ранак яны абое ледзьве не падалі ад знямогі, асабліва Ніна. Дзяўчына ўжо не разбірала, дзе ішла, – абы не згубіцца, не адстаць ад свайго спадарожніка*» [1, с. 13]. Свае ўзаемаадносіны Ніна і Калашнік трымалі ўпотай ад усіх: некалькі разоў жанчына прыходзіла начаваць у намёт камандзіра. Службовыя абавязкі яна выконвала спраўна: «*Дзяжурыла, сядзела ў баявым разліку, даглядала матчастку*» і ўвесь час думала пра каханага Калашніка. Выходзіўшы з акружэння, ім ужо не да кахання. Дзяўчына адчувала страх, знаходзілася ў істэрыцы, адзінае пачуццё, якое панавала ёю, – жаданне жыць. Жахлівыя рэчы расказвалі ў войску пра жорсткасць захопнікаў, таму болей за ўсё зенітчыца баіцца трапіць у палон: «*яна ўжо чула, што робяць немцы з палоннымі, асабліва дзяўчатамі – тое было горш за пагібель*» [1, с. 19].

У фінале твора камбат просіць дзяўчыну прастрэліць яму руку. І яго просьба небеспадстаўная: ён «*выходзіў ужо з трэцяга акружэння і што-колечы разумеў у тым. З першага [акружэння] выбіраліся вялікаю групай*

пад мінамётным ды кулямётным агнём, лезлі напралом, абы-як, спадзеючыся на авось, на тое, што пашанцуе» [1, с. 16]. Многія байцы тады загінулі, а іх камандзір Калашнік «*месяц праседзеў на фільтрацыі – пісаў тлумачэнні, адказваў на пытанні ў асобым аддзеле, запаўняў анкеты. Неяк, праўда, абышлося, хоць падазравалі нямала, асабліва наконт батарэі. Быццам ён яе кінуў*» [1, с. 16]. Тады камбата вызвалілі, бо з'явіўся сведка, які пацвердзіў яго паказанні. Калашніка ізноў паслалі на батарэю, дзе праваяваў ён усяго месяц. У чарговы раз атрымалася выйсці з акружэння, але «*ў той раз Калашнік шчыра пашкадаваў, што не загінуў у баі, што выйшаў, бо справу на яго афармілі ў трыбунал, і ён тыдзень праседзеў без дзягі пад арыштам*» [1, с. 16]. І на гэты раз «*тэрмінова накіравалі прымаць батарэю на пераправе, што засталася без камандзіра*» [1, с. 16]. Разумеючы, што праблемаў з асобым аддзелам не пазбегнуць і на гэты раз, ён просіць сваю каханую пристрэліць яму руку. Ніна замест гэтага забівае Калашніка. Даследчык Дз. Бугаёў наступным чынам ацэньвае ўчынак дзяўчыны: «*яна вельмі сумленная, шчырая і па-жаноцку даверлівая, аднак жа глядзіць на свет і людзей не звычайным чалавечым поглядам, а праз ідэалагізаваныя да абсурднасці шоры, якія вымушалі бачыць здрадніка ў кожным, хто так ці іначай парушаў няхай і бязглуздыя казённыя цыркуляры*» [2, с. 87]. На прыкладзе Ніны відаць, да якой ступені былі ідэалагізаваныя савецкія вайскоўцы. Камбат жа, які меў большы жыццёвы і вайсковы вопыт, ведаў, што, «*непараненым тады ўжо забаранялася выходзіць і з акружэння*» [2, с. 86].

Адносіны ваеннага кіраўніцтва да падначаленых, крайняя жорсткасць як сродак запалохвання паказаны ў апавяданні «Палкаводзец». Аўтар знарок не ўказвае ні імя, ні прозвішча галоўнага героя – Палкаводца, паказваючы гэтым на тое, што вобраз яго тыповы. Ён заўсёды знаходзіўся ў суправаджэнні афіцэраў, пры якіх быў бронетранспарцёр з аховай і машына з трыбуналам. Прадстаўнікі трыбунала па камандзе Палкаводца выносілі прысуд дзе заўгодна, хоць на полі бою, не звяртаючы ўвагі на тое, заслугоўвае вайсковец такога пакарання ці не. Палкаводзец лічыць, што «*на ашаломленых, апанаваных страхам людзей можна было ўздзейнічаць толькі яшчэ большым страхам з усіх страхаў, якія меліся ў распараджэнні начальніка*» [3, с. 593].

У апавяданні паказаны эпізод, калі камандзір батарэі Бязуглаў, «*старэйшы лейтэнант з ордэнам Айчыннай вайны на грудзях*» [3, с. 595], страціўшы сваіх падначаленых-батарэеўцаў падчас нямецкага абстрэлу, паспрабаваў далажыць аб гэтым Палкаводцу. Камандзір без усялякага разбору аблаяў лейтэнанта, злосна і здзекліва спытаў, чаму не загінуў разам з батарэяй і сам старлей, а пасля вымусіў Бязуглава здаць дакументы і адправіў пад трыбунал. І неўзабаве яго расстралялі непадалёк.

Пра жорсткасць і бесчалавечнасць ваеннага начальства і ўсёй рэпрэсіўнай сістэмы распавёў В. Быкаў і ў апавяданні «Палітрук Каламіец». Паводле сюжэта, станцыю, дзе размяшчалася батарэя, якой кіруе Каламіец, разбамбілі нямецкія гарматы. Чалавечых ахвяраў амаль не было, але не ставала вады, бо студню, адкуль яе раней набіралі вайскоўцы, засыпала. І коней, што вазілі палявую кухню, забіла. Пасыльны са штаба перадае загад Сталіна аб тым, што любое адступленне без указання вышэйшага начальства будзе жорстка караца, і дадае, што за невыкананне загаду «*у суседнім палку аддалі пад трыбунал аднаго камбата і расстралялі на месцы ПНШ па разведцы*» [3, с. 580]. Палітруку перададзены загад ноччу прыняць папаўненне і правесці з ім палітработу. Байцы прыбылі «*з запаснога палка, які фармаваўся на Саратаўшчыне, усе [яны] нядаўнія запаснікі. Моладзі [было] мала, болей людзей сталага веку*» [3, с. 582].

Задачай Каламійца было так зматываць байцоў, каб яны ваявалі, выкладаючыся на ўсю моц. Данесці інфармацыю правільна для палітрука было няцяжка, бо па прафесіі ён настаўнік, перад вайной працаваў дырэктарам вясковай школы на Смаленшчыне. Каламінец добра ведаў чым можна зацікавіць байцоў, разумеў, чаго ім трэба. І хоць да настаўніцкай дзейнасці ён аддана служыў партыі, «*актыўна заганяў сялян у калгасы, раскулачваў, ссылаў, падпісваў на пазыкі, спаганяў падаткі, рабіў усё, што рабілася ва ўсёй краіне*» [3, с. 581], палітрук слепа не давяраў ідэям партыі, мог паспачуваць простаму народу, бо чуў калісьці ад аднаго камандзіра «*як у трыццатыя на Саратаўшчыне вымiралі калгасныя вёскі. Бывала, елі чалавечыну, такі лютаваў голад*» [3, с. 584]. Ведаючы чаго чакаюць байцы-сяляне, Каламінец дадае абяццанне нібыта ад імя Сталіна пасля перамогі «*распусціць калгасы, каб жылі, як раней. Як пры Леніне*» [3, с. 584]. Хітрыкі палітрука спрацавалі, бой прайшоў паспяхова. Са штаба перадалі загад адступіць са станцыі, і ўсё было, здаецца, цудоўна. Старэйшыя афіцэры нават выказвалі падзяку за паспяховае выкананне задання, але фінал аказаўся даволі сумным для палітрука, якога выклікаў начальнік асобага аддзела. Заканчваецца твор словамі: «*Болей палітрука Каламійца ў палку не бачылі*» [3, с. 586]. Відавочна, яго прыгаварылі да пакарання. А гэта і ёсць сведчанне таго, што ў армейскіх шэрагах працвітала даносчыцтва, бо агітацыю сваіх навабранцаў Каламіец праводзіў без прысутнасці асабістаў, а ім стала вядома ўсё, пра што ён гаварыў.

Такім чынам, у апавяданнях апошняга перыяду творчасці, як і раней, В. Быкаў звярнуўся да ваеннай тэматыкі, праблемы драматызму ваеннага часу. У апавяданні «Зенітчыца» празаік паказаў, як адносілася ваеннае кіраўніцтва да акружэнцаў, вышукваючы ворагаў сярод сваіх. З другога боку, твор сведчыць пра страшную заідэалагізаванасць савецкіх людзей, у якіх асабістае гублялася перад грамадскім. Адносіны ваеннага кіраўніцтва да

падначаленых, крайняя жорсткасць як сродак запалохвання паказаны ў быкаўскіх апавяданнях «Палкаводзец» і «Палітрук Каламіец».

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Быкаў, В. Зенітчыца / В. Быкаў // Полымя. – 1994. – № 5. – С. 13–21.

2. Сямнаццатай вясной : зборнік сучаснай беларускай прозы і крытыкі / Уклад. : Л. В. Алейнік, М. Н. Мінзер. – Мінск : Літ. і маст., 2010. – 192 с.

3. Быкаў, В. Поўны збор твораў : у 14 т. Т. 2. Аповесці / В. Быкаў. – Мінск, Саюз беларускіх пісьменнікаў ; Масква, ТАА “Выдавецтва “Время”, 2005. – 624 с.

Н. Д. Кандрацюк *(г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

МАТЫВАЦЫЙНА-СТРУКТУРНЫЯ ГРУПЫ АЙКОНІМАЎ БЯРОЗАЎШЧЫНЫ

Айканімія, з’яўляючыся натуральным прадуктам моўнай дзейнасці чалавечага грамадства, знаходзіцца ў непарыўнай сувязі з фактамі геаграфіі і гісторыі. Айконімы ўтвараюцца на кожным этапе жыцця мовы. Таму сучасная айканімія ўзыходзіць да розных перыядаў гісторыі народа-стваральніка. У ёй адлюстроўваюцца моўныя асаблівасці не адной якой-небудзь эпохі, а многіх. Значыць, айканімія непасрэдна звязана з фактамі гісторыі мовы.

Паводле матывацыйнай прыкметы вылучаюцца разнастайныя групы айконімаў Бярозаўшчыны.

1. Назвы на аснове земляробчай тэматыкі. Беларусы жылі асела сярод лясоў і балот і займаліся земляробствам. Таму большая група айконімаў утваралася на аснове земляробчай лексікі. Да вылучанай групы адносяцца такія назвы населеных пунктаў Бярозаўскага раёна, як *Агароднікі* (найменне пайшло ад занятку агародніцтвам), *Ніўкі, Ніва, Нівішча* (былі так названы па той прычыне, што размешчаны на месцы палёў, якія прыносілі добры ўраджай). У Бярозаўскім раёне ёсць вёскі, назвы якіх матываваны назвамі лясоў: *Бяроза* (на гэтым месцы рослі вялікія бярозы), *Альшэва* (на месцы гэтага населенага пункта сярод дрэў пераважалі вольхі), *Баркі* (назва пайшла ад слова *бор* ‘сасновы лес, які расце на ўзвышаным месцы’), *Лазоўка* (у гэтай мясцовасці расла вялікая колькасць лазы, з якой плялі лапці і іншыя прадметы), *Ялова, Яленава* (месца з вялікай колькасцю елак), *Хойнікі* (у гэтым месцы многа хвойных дрэў), *Сасноўка* (паселішча было ўтворала на месцы сасновага лесу).

2. Назвы на аснове птушынай і жывёльнай тэматыкі. Ад назваў жывёл і птушак утварыліся назвы вёсак *Лісічыцы* (магчыма, у гэтай мясцовасці вадзілася многа ліс), *Сабалі* (ад назвы жывёлы *собаль), Сакалова*

(ад назвы птушкі *сокал).* Так, у аснове ўтварэння айконіма *Сабалі ляжыць* назва жывёлы. Аднак, як зазначае В. П. Лемцюгова, найменне ўтварылася ад ад старажытнага славянскага імя-мянушкі *Собаль* або ад вытворнага ад яго прозвішча. Множналікавая форма назвы – паказчык таго, што паселішча заснавана групай родзічаў. Дастасоўна да чалавека мянушка *Собаль* азначае ‘вёрткі, выкрутлівы; спрытны’ [1, с. 332–333]. Думаецца, такія асаблівасці ўтварэння ўласцівы і назве *Сакалова* – ад імя-мянушкі стваральніка паселішча.

3. Назвы, якія звязаны з месцазнаходжаннем і знешнім выглядам паселішча. Лясы, балоты, азёры, рэкі і элементы рэльефу часта служылі арыенцірам на мясцовасці. Гэта дало аснову назвам вялікай групы населеных пунктаў: *Зарэчча* (знаходзілася за рачулкай, якая высахла), *Залужжа* (за лугам), *Бронная Гара, Рэчыца, Міжлессе* (знаходзіцца паміж лясоў), *Пяшчанка* (знаходзіцца на пясчанай неўрадлівай глебе), *Пескі* (пясчаная мясцовасць), *Горск* (на ўзгорку). З памерам прадмета, месцам яго знаходжання звязаны назвы і такіх населеных пунктаў, як *Круглае, Вялікія Лескавічы, Малыя Лескавічы, Малеч, Высокае*. Да назваў, якія абумоўлены тыпамі пасяленняў, можна аднесці айконімы *Навасёлкі, Селаўшчына, Новае, Сялец*.

4. Назвы, якія інфармуюць пра заняткі насельніцтва. **У** залежнасці ад віду заняткаў узніклі назвы наступных населеных пунктаў: *Кошалева* (жыхары пераважна займаліся вырабам кашоў, якія потым ішлі на продаж), *Агароднікі* (насельніцтва гэтай мясцовасці займалася агародніцтвам).

5. Айконімы, якія ўзніклі ад назваў водных аб’ектаў. Найменні населеных пунктаў, якія былі ўтвораны ад назваў рэк, – найбольш ўстойлівы і самы старажытны пласт у тапаніміі любога рэгіёна. Узаемасувязь і ўзаемаўплыў гідронімаў і айконімаў – адзін з важных аспектаў праблемы ўзаемадзеяння розных тапанімічных класаў, што адзначаецца ў многіх работах па тапаніміцы. Зазначым, што гідронімы – уласныя імёны любога воднага аб’екта, у тым ліку ракі, возера, ручая, студні. Яны выступаюць носьбітамі вельмі важнай інфармацыі пра мову, гісторыю нашых продкаў, а таксама тых народаў, якія папярэднічалі ім.

Зручныя для прыпынку месцы каля водных аб’ектаў далі назвы населеным пунктам *Белаазёрск* (гліна ў возеры белая), *Зарэчча* (за ракой), *Рэчыца* (уздоўж ракі).

6. Айконімы, утвораныя ад імён (айконімы-антрапонімы). Антрапонімы і тапонімы з’яўляюцца асноўнымі разрадамі ўласных імёнаў, якія цесна ўзаемазвязаны. Антрапонімы і ў мінулым, і ў цяперашні час служылі і служаць базай для ўтварэння геаграфічных імёнаў. У многіх назвах населеных пунктаў Бярозаўскага раёна ўтваральнай базай з’яўляюцца

асабістыя некананічныя і кананічныя імёны, мянушкі і прозвішчы першапасяленцаў, заснавальнікаў або ўладальнікаў паселішчаў. Гэтыя назвы некалі служылі асноўным сродкам выказвання прыналежнасці, ад іх утварыліся прыналежныя прыметнікі. Такая гістарычная функцыя зрабіла іх важнымі ў айканіміі, калі распаўсюджванне феадальнай уласнасці на зямлю стала галоўнай прыкметай назвы месцаў.

Вялікая група айконімаў узнікла ад імён заснавальнікаў і ўладароў пасяленняў. Да іх адносяцца *Давыдавічы, Аляхновічы, Паўлавічы, Мар'янава, Міхалкі, Касцюкі, Мацвеевічы, Міхалінак, Панасавічы, Савіна* (назва ўтворана ад імені *Сава), Сігневічы* (магчыма, найменне ўтворана ад *Сігневічы* 'нашчадкі ўладальніка па мянушцы ці прозвішчы *Сігень*'), *Карпешы* (утворана ад *Карпеш,* якое з'яўляецца размоўнай формай імені *Карп* ці прозвішчам) [2, с. 110] і інш.

Айконімы Бярозаўскага раёна паводле структуры падзяляюцца на дзве групы – простыя і састаўныя. Пераважаюць простыя найменні (у форме назоўніка ці субстантываванага прыметніка): *Бяроза, Лісічыцы, Ніўкі, Альшэва, Хрыса, Зарэчча, Круглае, Баркі* і інш.

Састаўныя назвы з'яўляюцца лексікалізаванымі словазлучэннямі: *Вялікія Лескавічы, Малыя Лескавічы, Бронная Гара*.

Айконімам уласціва форма адзіночнага і множнага ліку. Гэты крытэрый улічваецца пры класіфікацыі назваў паселішчаў, таму флексія ў складзе тапанімічных фармантаў не з'яўляецца граматычным паказчыкам адзінкавасці ці множнасці і не вычляняецца так выразна, як у апелятывах. У айканіміі яна ў шэрагу выпадкаў выступае носьбітам чыста тапанімічнай або айканімічнай функцыі. Акрамя таго, айконімы ў форме адзіночнага ліку адрозніваюцца ад айконімаў у форме множнага ліку і па прынцыпах утварэння.

Пры словаўтварэнні айканіміі Бярозаўскага раёна даволі актыўна і паслядоўна выкарыстоўваецца мадэль Pluralia tantum. Можна вылучыць дзве структурныя разнавіднасці: айконімы флексійнага ўтварэння і айконімы суфіксальна-флексійнага ўтварэння.

Да айконімаў флексійнага ўтварэння належаць айконімы, у якіх флексія множнага ліку з'яўляецца сродкам айканімізацыі апелятываў і онімаў: *Ніўкі, Нівы, Лявошкі, Навасёлкі, Баркі, Міхалкі, Пешкі, Пузі, Бармуты, Голіцы, Мінкі, Сабалі, Агароднікі, Рыгалі, Хойнікі, Касцюкі, Стаўкі, Варажбіты, Крываблоты, Осаўцы, Кабакі, Карпешы, Ціхны, Пескі, Зубачы, Рагачы, Міхновічы* (утворана ад *Міхновічы 'сыны, нашчадкі чалавека па імені Міхно, гутарковага варыянта імені Міхаіл'*), *Панасавічы* (ад *Панасавічы 'сыны, нашчадкі чалавека па імені Панас'*), *Ясевічы* (ад *Ясевічы 'нашчадкі чалавека па імені Ясь'*), *Грыцэвічы* (ад *Грыцэвічы 'сыны, нашчадкі чалавека па імені Грыц, гутарковага варыянта імені Рыгор'*),

Равяцічы (ад *Равяцічы ‘сыны ці нашчадкі чалавека па імені-мянушцы Равяка’*) [1, с. 307], *Нарутавічы* (ад *Нарутавічы ‘сыны, нашчадкі чалавека па імені Нарут’*) [3, с. 43].

Да суфіксальна-флексійных утварэнняў адносяцца айконімы, у якіх суфікс і флексія ў выніку працяглага ўжывання ў айканіміі зрасліся і ўтварылі непадзельны айканімічны фармант. У Бярозаўскім раёне вылучаецца мадэль такіх найменняў з фармантам *-авічы: Судзілавічы* (магчыма, утворана ад дзеяслова *судзіцца (тыя, якія судзіліся*), *Перасудавічы* (хутчэй за ўсё ўтворана ад назоўніка *перасуды (тыя, хто займаўся перасудамі)’*.

Як бачым, назвы населеных пунктаў Бярозаўшчыны разнастайныя паводле матывацыйнай прыкметы і ўтварэння. Яны валодаюць багатай інфармацыяй пра жыццё насельнікаў рэгіёна, вылучаюцца сваёй арыгінальнасцю на карце Брэстчыны, асаблівасцямі іменавання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распавядаюць : навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лепцюгова. – Мінск : Литература и Искусство, 2008. – 416 с.

2. Усціновіч, А. К. Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

3. Гурская, Ю. А. Имена собственные Минщины с древними антропоосновами (ареальный аспект) / Ю. А. Гурская // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2004. – №. 3. – С. 40–46.

Я. В. Капуза *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЗАГОЛОВКА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МАРКЕРА СОВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Эмпирической базой работы послужили заголовки публикаций областной газеты «Заря» за 2000-е, 2015−2019-е годы (всего 1726 заголовков). По заголовкам «Зари» можно определить, к какому году относится выпуск газеты, а также восстановить хронологию значимых для Беларуси событий, поскольку в своем содержании названия отражают масштабные политические и исторические явления, что говорит о выражении социально-культурных процессов этого времени. В качестве маркеров эпохи в первую очередь выступают лексические единицы языка, которые являются признаками конкретного исторического периода и в своей семантической структуре содержат темпоральный компонент, позволяющий им ассоциироваться с определенным временным отрезком. Между

тем в заглавиях «Зари» мы отметили наличие и средств других уровней языка, характеризующих обозначенный исторический период.

В областной газете в качестве маркеров социально-культурных процессов нашли применение фразеологизмы, пословицы и поговорки, позволяющие к тому же избежать сухости и шаблонности изложения информации: *Одними кредитами сыт не будешь* (14.12.2000, с. 1); *Когда легпром легок на подъем* (23.04.2015, с. 5); *Все дороги ведут в «Нью-тон»?* (07.10.2016, с. 1); *«На Запад надейся, но и сам не плошай»* (28.12.2018, с. 1). Обозначенные в интертекстуальных заголовках вопросы экономического и социально-бытового характера, проблемы отцов и детей, названия ведущих компаний, организаций и многое другое указывает на социально-культурную маркированность использованных заглавий.

Заголовок с применением названия известного произведения или цитаты из него является идеологически маркированными, поскольку используемые названия фильмов, музыкальных композиций, поэтических и прозаических произведений или цитат из них относятся к конкретному периоду и понятны будут только человеку этой эпохи: *«Двое из ларца одинаковы с лица», или Зачем ищут двойников?* (17.02.2015, с. 7); *Художник, который построил дом* (27.01.2015, с. 4); *«Властелин колец» на стекле* (06.10.2017, с. 13); *Моя прекрасная Аня* (01.12.2019, с. 11). Источниками данных заголовков являются знаменитая фраза из детской сказки, измененное название психологического триллера режиссера Ларса фон Триера «Дом, который построил Джек», романа-эпопеи английского писателя Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», российского комедийного телесериала «Моя прекрасная няня».

В областной газете в качестве маркеров социально-культурных процессов используются слова, создающие градацию: *Гуд бай, Америка. Виват, Беларусь! Браво, Юлия Нестеренко!* (24.08.2004, с. 1); *Психолог, педагог, новатор…* (15.09.2005, с. 7); *Звездный генерал, олимпийская чемпионка, первая красавица и шансонье* (13.02.2016, с. 5); *Офицер, гражданин, патриот* (29.09.2019, с. 16). С помощью градации заголовки акцентируют внимание на отдельных качествах личности, подчеркивают очередные достижения белорусской олимпийской чемпионки, рассказывают о других известных личностях без имени, однако с указанием их узнаваемых характеристик.

В заголовках «Зари» встречается и олицетворение: *Поможет всем Брестгипрозем!* (15.02.2016, с. 13); *Город Вараш – партнер наш* (27.01.2018, с. 7); *«Лес-Сад» каждому клиенту рад!* (26.04.2018, с. 6). В таких заглавиях появляются названия современных коммерческих организаций, известных торговых сетей и кампаний, что без труда дает понять, о каком временном периоде идет разговор.

В газетной практике также могут использоваться различные виды каламбура, построенного на комическом использовании сходства звучания маркированных слов, указывающих на определенный период развития общества: *Бульба бульбе тоже рознь* (20.07.2000, с. 1); *Диалоги в «Диалоге»* (11.10.2015, с. 1); *«Споры» в Скоках* (23.02.2018, с. 4). Белорусское название картофеля, наименование клуба «Диалог», организатором которого выступает Совет ветеранов Ленинского района Бреста, другие названия явлений современности являются показателем эпохи.

С помощью употребления имен собственных заголовки газеты «Заря» отражают события, происходившие как в Брестской области, так и в республике: *Петр Тишук – главный редактор «Зари»* (26.01.2003, с. 1); *Законодательный тупик, или Как брестчанка 5,5 миллиона долларов пообещал президент Академии наук Беларуси М. В. Мясникович для развития Полесской опытной станции* (10.04.2004, с. 1). При назывании материала активно используется имя Президента Республики Беларусь: *Александр Лукашенко: «С уборкой справимся в срок»* (24.07.2018, с. 2); *Александр Лукашенко: «План должен быть выполнен»* (24.07.2018, с. 2). Детализированная информация о каждом моменте жизни главы государства всегда подается на первых полосах «Зари». В современных заголовках «Зари» встречаются имена лиц, занимающих высшие руководящие должности в исполнительных комитетах и других органах власти Брестчины: *Диалог о том, что волнует. Председатель облисполкома Анатолий Лис провел пресс-конференцию* (24.09.2019, с. 2–3). Информация о том, что сказали лидеры, какие идеи провозглашали и к чему побуждали, является ярким примером отражения важных социальных процессов в заголовках. В заголовках встречаются имена известных в республике лиц – спортсменов, государственных деятелей, которые принимают непосредственное участие в социально значимых для страны и области процессах: *В облисполкоме чествовали юбиляров Георгия Томашевича и Владимира Гетманчука* (21.08.2019, с. 3). Это позволяет отнести заголовки к маркерам современной эпохи и даже установить хронологию событий.

В газетных заголовках исследуемого периодического издания также активно используются и названия стран, где произошли события, всколыхнувшие общественность, а также имена известных людей или зарубежных руководителей: *Таких дождей в Шри-Ланке не было 50 лет* (20.05.2003, с. 3); *Ким Чен Ин переизбран* (04.09.2003, с. 3); *Джордж Буш останется президентом США?* (04.11.2004, с. 7).

Еще одной отличительной чертой газетного современного заголовка «Зари» является использование чисел, носящих количественно- информативный характер: *О социально-экономическом положении Брестской области в январе-июне 2004 года* (31.07.2004, с. 5); *Сообщение о созыве шестой*

сессии областного Совета депутатов 23-го созыва (25.01.2000, с. 1). Заголовки с числами употребляются, когда речь идет о различных сессиях, положениях, докладах, решениях, постановлениях. Использование чисел как маркера социально-культурных процессов проявляется особенно ярко, когда в заголовках отражаются даты, характеризующие конкретный исторический период: *«Берестье-2000» – это и ваш шанс* (19.08.2000, с. 1); *К 75-летию Победы* (27.02.2018, с. 3).

На страницах «Зари» встречаются и заголовки с опорным компонентом глаголом, однако по количеству они явно уступают заглавиям с превалирующими существительными: *Заселяемся в «Hampton»* (19.12.2018, с. 2); *Затариваться – в «Евроопт»!* (27.02.2018, с. 4); *Замахнемся на «WorldSkills»!* (19.05.2018, с. 11). За счет использования названий современного отеля, международной некоммерческой ассоциации, известной по всей Беларуси сети магазинов указанные заглавия отражают значимые для Брестской области события.

Таким образом, в современных заголовках региональной общественно-политической газеты «Заря» детально отражаются социально-культурные, экономические, политические и другие общественно значимые события, происходящие в области и республике. На современном этапе развития общества заголовки становятся более «продающими», но вместе с тем остаются верными с точки зрения читабельности и не противоречат идеологии, отражают ее, совмещая и продающую составляющую, и идеологическую.

Ш. Т. Кемалов *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

ОБУЧАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕКСТОВ В УЧЕБНИКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ 8 КЛАССА БАЗОВОЙ ШКОЛЫ

В последние годы ведущим в определении теоретической и методической базы обучения языку и речи стал текстоцентрический подход, согласно которому текст рассматривается как основное средство обучения, позволяющее эффективно осуществлять образовательную деятельность [2, с. 121].

Текстоцентрический подход позволяет реализовать языковую, речевую, коммуникативную, лингвокультурологическую компетенции, выдвинутые в концепции учебного предмета «Русский язык». В рамках текстоцентрического подхода к обучению школьников русскому языку основной единицей является текст. Он же является и результатом продуктивного вида речевой деятельности, показателем готовности

обучаемого к коммуникации. Как подчеркивает Г. А. Золотова [1], текст является высшей реалией языка. Язык существует в форме текстов, принадлежащим разным жанрам и сферам общественной речевой практики. Все языковые средства в конечном счете служат для построения текста, и грамматические единицы следует рассматривать через их функцию в тексте, в речи. Таким образом, на материале текста обучающиеся должны убедиться во взаимосвязи и взаимодействии различных лингвистических явлений.

Целью данного доклада является рассмотрение дидактического потенциала текстов в учебнике по русскому языку для 8 класса (2018). Всего в учебнике для 8 классе 409 упражнений. На текстовом материале построено 129 упражнений (из них 1 драматический текст, 12 поэтических текстов и 116 прозаических текстов). Текстовый материал составляет 24 % упражнений в учебнике по русскому языку для 8 класса.

Опора на текст позволяет слить воедино процессы формирования необходимых компетенций, обеспечивает единство познания системы, структуры языка и развития личности.

В процессе обучения текст выступает в качестве дидактического материала. В этом случае он должен отвечать следующим критериям: текст должен воспитывать, то есть отвечать требованиям морально-этического и эстетического характера; сообщать новую информацию, то есть выполнять информативную функцию; воздействовать на ум и сердце учащегося, то есть нести прагматический заряд; пробуждать интерес к предмету и обогащать учащегося специальными знаниями, т. е. отвечать общедидактическим требованиям доступности, преемственности, последовательности.

В новом издании учебника представлены тексты различных авторов:

- русских и белорусских поэтов: ***Ю. Боровицкого*** (упр. 1), ***М. Ю. Лермонтова*** (упр. 224, 323), ***С. Маршака*** (упр. 95), ***С. Острового*** (упр. 117), ***Н. Заболоцкого*** (упр. 144), ***Б. Окуджавы*** (упр. 187), ***И. Бунина*** (упр. 288), ***С. Михалкова*** (упр. 313), ***Ф. Тютчева*** (упр. 154), ***Б. Пастернака*** (упр. 210), ***А. Кузнецова*** (упр. 384), ***Д. Самойлова*** (упр. 401), ***Н. Добронравова*** (упр. 57), ***М. Цветаевой*** (упр. 390), ***А. Пушкина***, ***Н. Языкова***, ***В. Федорова*** (упр. 265) и др.;
- писателей: ***И. Тургенева*** (упр. 9), ***В. Солоухина*** (упр. 23, 207), ***С. Ларина***, ***В. Гаршина*** (упр. 28), ***К. Усовой*** (упр. 78), ***Ю. Бондарева*** (упр. 89), ***А. Баркова*** (упр. 101), ***В. Короленко*** (упр. 110), ***Д. Гранина*** (упр. 111), ***А. Чехова*** (упр. 113, 176), ***А. Миллера*** (упр. 168), ***А. Пушкина*** (упр. 171), ***А. Куприна*** (упр. 173, 243), ***К. Паустовского*** (упр. 177, 231, 346, 347, 391), ***И. Соколова-Микитова*** (упр. 180), ***В. Астафьева*** (упр. 197, 221), ***В. Закрут-***

кина (упр. 212), ***Б. Васильева*** (упр. 218), ***А. Н. Толстого*** (упр. 223), ***И. Бунина*** (упр. 225, 241, 288), ***А. Грина*** (упр. 228), ***М. Пришвина*** (упр. 229, 230), ***В. Конецкого*** (упр. 263), ***М. Горького*** (упр. 279, 280), ***Ф. Кривина*** (упр. 368), ***А. Кузнецова*** (упр. 384), ***Н. Гоголя*** (упр. 396), ***В. Шукшина*** (упр. 399) и др.;

Кроме текстов на основе произведений писателей и поэтов, в учебнике содержатся тексты ученых из разных областей наук:

- языковедов: ***С. Друговейко-Должанской*** (упр. 12), ***Л. Новикова*** (упр. 17), ***Е. Сергеевой*** (упр. 29), ***Г. Гецова*** (упр. 36), ***М. Панова*** (упр. 47), ***Л. Я. Ковадло*** (упр. 55), ***Л. Введенской*** (упр. 91, 92, 97), ***Е. Ляшкевич*** (упр. 153), ***Э. Вартаньяна*** (упр. 299, 325, 335, 392), ***В. Пекелиса*** (упр. 400) и др.;
- литературоведов: ***Б. Томашевского*** (упр. 18), ***В. Белинского*** (упр. 19), ***М. Рыбниковой*** (упр. 32), ***Е. Перевозной*** (упр. 38), ***Н. Гордеева***, ***В. Пешкова*** (упр. 46), ***Д. Лихачева*** (упр. 99) и др.;
- историков: ***И. Томашевой*** (упр. 61), ***П. Федоренко***, ***Л. Хайлова*** (упр. 72), ***А. Стрижева*** (упр. 85), ***А. Михальской*** (упр. 140), ***В. Поротникова*** (упр. 236), ***В. Сергеева*** (упр. 378) и др.;
- искусствоведов: ***Д. Лебедева*** (упр. 75), ***И. Баклановой*** (упр. 98, 106), ***Е. Рачеевой*** (упр. 271), ***Г. Глебовой*** (упр. 255), ***Е. Изофатова*** (упр. 408) и др.;
- этнографов и путешественников: ***В. Арсеньева*** (упр. 25), ***С. Красикова*** (упр. 316), ***М. Забылина*** (упр. 328) и др.;
- ученых из областей естественных наук (биологов, экологов, биохимиков, медиков и др.): ***В. Бочарникова*** (упр. 20), ***И. Ведина*** (упр. 27), ***П. Сабине*** (упр. 59), ***Г. Косицкого***, ***Н. Дьяконовой*** (упр. 124), ***И. Акимушкина*** (упр. 151), ***Н. Каморина*** (упр. 382) и др.;
- педагогов-мотиваторов: ***Д. Карнеги*** (упр. 77).

В учебнике представлены тексты из разнообразных источников: ***«Календаря школьника»*** (упр. 108), ***интернет-сайта www.holiday.by*** (упр. 116), ***книги «Белорусская кухня»*** (упр. 125), текст ***«Курский соловей»*** (упр. 258) без указания источника, текст из ***учебного пособия*** без указания пособия (упр. 350).

Из текстов, представленных в учебнике, дети узнают много интересного в следующих областях:

- об известных людях: художниках: ***И. Репине*** (упр. 61), ***И. Хруцком*** (упр. 75, 78, 273), ***В. Серове*** (упр. 271), ***В. Сурикове*** (упр. 330); актерах: ***С. Станюте*** (упр. 133); писателях: ***М. Пришвине*** (упр. 231);

- достопримечательностях: ***«Национальном художественном музее Республики Беларусь»*** (упр. 79), ***памятниках К. Туровскому в г. Турове, г. Минске и г. Гомеле*** (упр. 350) и др.;
- праздниках: об ***Афанасии*** (упр. 226), ***Масленице*** (упр. 328).
- рецептах: ***приготовление оладий*** (упр. 12).

Представленный анализ текстовых источников позволяет сделать вывод, что тексты в учебнике по русскому языку для 8 класса разнообразны в жанровом, тематическом, содержательном планах.

Упражнения предлагают следующие виды работ:

- прочитайте текст (96 упражнений);
- выпишите из текста (определенные слова, предложения): 39 упражнений;
- спишите текст: 19 упражнений.

Практически все упражнения, построенные на основе текстового материала, предлагают комплексные задания (предлагается несколько заданий по работе с текстом).

Работа с текстом предполагает знакомство с основами стилистики, соответственно в учебнике в 36 упражнениях предлагается определить тип и стиль речи.

В рамках текстоцентрического подхода к обучению школьников русскому языку основной единицей является текст. Он же является и результатом продуктивного вида речевой деятельности, показателем готовности обучаемого к коммуникации. Как подчеркивает Г. А. Золотова [1], текст является высшей реалией языка. Язык существует в форме текстов, принадлежащим разным жанрам и сферам общественной речевой практики. Все языковые средства в конечном счете служат для построения текста, и грамматические единицы следует рассматривать через их функцию в тексте, в речи. Таким образом, на материале языка обучающиеся должны убедиться во взаимосвязи и взаимодействии различных лингвистических явлений. Авторы усилили культурологическую направленность учебника 2018 года, включив туда тексты о Мирском замке, Национальном художественном музее, о натюрмортах И. Хруцкого. Подобным образом прослеживается преемственность тем в учебниках разных лет, и в этом смысле школьный учебник демонстрирует стабильность.

Список использованной литературы

1. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка/ Г. А. Золотова. – СПб : URSS, 2009. – 351 с.

2. Ипполитова, Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе / Н. А. Ипполитова. – М. : Флинта: Наука, 1998. – 176 с.

3. Русский язык : учеб. пособие для 8-го класса учреждений общего среднего образования с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : Нац. ин-т образования, 2018. – 248 с.

О. В. Кизун *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ЛИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ САШИ СОКОЛОВА)

В кругу номинативных единиц современного русского языка массовостью, продуктивностью отличаются разнообразные (по семантике, структуре, путям, способам образования, по стилистической принадлежности и т. д.) названия лица (НЛ). Они занимают важное место в текстах разных стилей, жанров; выступают средством выражения одной из базовых текстовый категорий – категории «персонажа», «героя», репрезентирующей «антропоцентрическую “координату” художественного мира текста, основным предметом изображения которого выступает человек, явления и предметы, с ним связанные» [1, с. 3].

НЛ достаточно разнородны (первичные и вторичные, одно- и многословные и т. д.), но ядро этой системы формируют имена собственные и нарицательные. Последним и посвящено наше исследование. Материалом послужили языковые единицы (167), зафиксированные в романах «Палисандрия» [2] и «Школа для дураков» [3] русскоязычного писателя-постмодерниста Саши Соколова.

В основе НЛ лежат разные **тематические мотивы** (ТМ), которые можно определить (терминология О. Н. Гуцалюк [4, с. 15]) как функциональные, демографические, релятивные и оценочные.

Наиболее многочисленны (38,32 %) **функциональные НЛ**, отражающие значимые для восприятия черты героя: а) род занятий: *«Павел Петрович, **учитель** географии, крупнейший **вращатель** картонного шара…»*; *«Но ему, **академику** Акатову, мало кто верил…»*; *«Славную, славную задали вы нам профилактику, милый **доктор**…»*; *«…Эти, а также Остальные **Железнодорожники** сидят за общим столом и пьют чай с баранками»*; *«С. Николаев: я прочту еще… это дзенский **поэт** Доген»* и др.; б) профессию реальную или ложную (данный ТМ тесно связан с предыдущим): *«Наоборот, выйдя после на галерею в одном из довольно безвкусных хозяйских халатов, я сталкиваюсь прямо в дверях с **курьером** нашего **консула**…», «…прошел по-наполеоновски славный путь от простого кремлевского сироты и **ключника** в Доме Массажа Правительства до главы государства и командора главенствующего ордена»* – последний пример не

просто называет должность вымышленную, он подчеркивает нелепость, псевдозначимость подобной карьеры; в) по внутренним качествам: *«Порадуй своего старого педагога – **весельчака, балагура** и **ветрогона…**»*; *«…или ты просто **трус**, ты боишься думать о том, что случится с твоей Ветой…»* и др. Отмечены НЛ, указывающие на контекстуальное «раздвоение» сознания героев: *«Я* [Витя] *превратился тогда в **нимфею**, в белую речную лилию с длинным золотисто-коричневым стеблем, а точнее сказать так: я частично исчез в белую речную лилию…»*, – в «Школе для дураков» *Нимфея* выполняет функцию и нарратора (повествует), так и актора (выполняет события); «*Словом, внемлите и возражайте: мол, да, я – Палисандр Александрович **Дальберг**, уважительно прозванный своим благодарным народом Палисандром **Прелестным**. И это именно я. **Прелестный**, стою на бульваре, взволнованно опершись на чугунный с брильянтовым набалдашником зонт…»*, – в романе «Палисандрия» интенция уже иная, сатирическая.

Демографические НЛ также достаточно продуктивны (33 %) и называют лицо: а) по полу, по возрасту: *«Тридцатилетняя серьезная **женщина**, вы должны забыть, оставить его на заснеженном перроне ночью и отдать предпочтение мне …взрослому **мужчине**…»* и др. Рассматриваемые ТМ пересекаются, дополняют друг друга; более того, некоторые номинации выражают одновременно и отношение говорящего к именуемому лицу, содержат его оценку *«…станут читать и заучивать столь же прилежно, взахлеб, сколь **мамули, бабули** и **прабабули** оных зазубривали кумиров своих эпох…»*; *«Эх, Берды Кербабаич, голубчик, – проникновенно открылся я сторожу.– Знал бы ты, брат, как ценю я твою **мамашу**»* и др.; б) по происхождению, национальности: *«…**немец** грузинского происхождения (полная фамилия – Дальбергия), он связал себя первым браком с прародительницей Уинстона Черчилля…»*; *«…но сердце мое уж пленилось **турчанкою** Ш …так что с **бельгийкой** сразу все кончилось, не успев и начаться»* и др.

Релятивные НЛ (11,98 %) представлены наименованиями лиц: а) по кровному родству, по семейным отношениям: *«Рассказывали, что мать и **отец**-часовщик мои жили счастливо и умерли в одночасье, приняв какие-то подслащенные порошки»*; *«…пусть конечно шьет **дочка** на зингеровской а мы себе другую купили»* (пунктуация Саши Соколова); «***Бабушка**, ты слышишь меня? Я сыграю тебе пьесу Брамса*», «*По обычаю **прадедов**, хозяева паривали там гостей в компании с белобрысыми дамами из числа своих секретарш»*; *«…вы зря с **супругой** спорите я эту пижаму знаю очень стоящая покупка будет я на прошлой неделе всей семье такие купила…»* (пунктуация Саши Соколова) и др.; б) по точке зрения на них других людей: *«Мой молодой **друг, ученик** и **товарищ** …во всем этом и в прочем следует хорошенько разобраться, в этом что-то есть, может*

быть, немного, но есть» и др.; в) по ложности или реальности родственных связей: *«…внучатый* ***племянник*** *сталинского соратника Лаврентия Берии и* ***внук*** *виднейшего сибирского прелюбодея Григория Распутина…»* – автор характеризует героя «Палисандрии» (это пародия на мемуары, на роман исторический, эротический, детективный [5, с. 14]), узнаваемо (через прецедентные имена), емко рисует его негативные «достоинства».

Оценочные НЛ (16,77 %) характеризуют персонажей с разных точек зрения: а) с эстетической, вербализующей мнение, суждение о внешних качествах, признаках персонажа, в т.ч. о его телосложении, физическом здоровье: «*Валентина Дмитриевна Калн – человек-****аркебуза****…»*; *«…еще –* ***инвалид*** *в телогрейке, продающий сушеные грибы на нитке*» и др.; б) с этической, отсылающей к внутренним, моральным, нравственным качествам (данный ТМ тесно связан с функциональными мотивами номинации), которые оцениваются положительно или отрицательно: *«…Рассматривал его научный пыльник – широкий, свободный, из которого, как язык из колокола, висели худые и венозные ноги Акатова, ноги мыслителя и* ***честолюбца***»; *«…Попрыгал бы он у меня, поизучал бы он у меня ветер коегде,* ***балбес*** *малохольный, босяк,* ***флюгер*** *несчастный»*; *«****Бездельник*** *он, твой Павел, – сказал нам отец, – потому и* ***босяк****»*; «*… Я вам не какая-нибудь канцелярская* ***крыса****, я никогда… не носил никаких галстуков*» и др.

Таким образом, многосторонность тематических мотивов обозначения лиц, разнородность лексического состава данной группы номинативных единиц отражает ментальность представителей русской (русскоязычной) лингвокультуры и вербализует обобщенные представления о концепте «человек» в русском языковом пространстве. Личные наименования создают целую плеяду героев художественного произведения, подчеркивают некоторые фундаментальные особенности структуры образной системы романов Саши Соколова.

Список использованной литературы

1. Катермина, В. В. Номинация человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языка) : монография / В. В. Катермина. – М. : Флинта, 2018 – 220 с.

2. Соколов, Саша. Палисандрия / Саша Соколов. – М.. : Азбука Premium, 2017. – 296 с.

3. Соколов, Саша. Школа для дураков / Саша Соколов. – М.. : Азбука Premium, 2017. – 169 с.

4. Гуцалюк, О. Н. Типы и функции номинаций персонажа : на материале романов М. А. Булгакова Мастер и Маргарита и В. В. Набокова Лолита / О. Н. Гуцалюк : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Гуцалюк. – М., 2013. – 221 л.

5. Шувалова, О. С. Индивидуально-авторские конструкции в современной русской прозе : на примере романа Саши Соколова Палисандрия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. С. Шувалова. – Тамбов, 2012. – 25 с.

Н. Ковалевич *(г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

НАЗВАНИЯ СВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Праздники считаются «важнейшими социально-культурными ценностями <…> По создаваемым народом праздникам можно судить о политической, исторической и духовной жизни общественно-экономической формации, определить идеи, интересы и стремления самых различных ее социальных слоев» [1]. Названия праздников «составляют особый пласт в лексической системе каждой нации. Являясь частью картины мира, они способствуют раскрытию языковой и культурной индивидуальности разных лингвокультур» [2].

Отмечается интерес лингвистов к изучению названий праздников. Сопоставительному исследованию названий праздников в русском и болгарском языках посвящена работа Е. Ю. Терентьевой [3], русском и чешском – П. Чесноковой [4], русском и польском – И. А. Ивановой [5].

Имя собственное, называющее рус. *светский праздник* / польск. *święto państwowe*, «в лингвистической научной литературе обозначается как *фестоним*» [5, с. 84]. Названия светских праздников в русском и польском языках не были предметом специального детального изучения, что позволяет говорить об актуальности исследования.

Целью статьи является рассмотрение названий фестонимов в русском и польском языках в структурном аспекте. **Материал** исследования составили рус. 21 фестоним / польск. 12 фестонимов, встречающихся в Интернет-источниках.

Стоит обратить внимание на то, что названия фестонимов в русском и польском языках отличаются, что связано с историей, значимыми событиями для русского и польского народов. Например, в России отмечаются светские праздники: *День защитника Отечества*, *День единения народов*, *День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах*, *День Государственного флага Российской Федерации*, *День памяти жертв политических репрессий*; в Польше: *Święto Chrztu Polski*, *Dzień Solidarności i Wolności*, *Narodowy Dzień Pamięci Powstania Warszawskiego*, *Narodowy Dzień Pamięci "Żołnierzy Wyklętych"*, *Narodowy Dzień Pamięci Duchownych Niezłomnych*, *Dzień Walki i Męczeństwa Wsi Polskiej*, *Narodowy Dzień Pamięci Polaków ratujących Żydów pod okupacją niemiecką*. Выделяется группа фестонимов, празднуемых в и России, и Польше: рус. *День Победы* / польск.

Narodowy Dzień Zwycięstwa, рус. *Праздник Весны и труда* / польск. *Święto Pracy*.

При изучении русских и польских названий светских праздников целесообразно рассмотреть их структурные типы и номинативные модели.

Анализ языкового материала показал, что фестонимы в русском и польском языках являются многословными и состоят из:

1) двух слов: рус. *День матери*, *Татьянин день*, *День смеха*, *День Победы*, *День России*, *День молодежи*, *День знаний*, *День Конституции;* польск. *Święto Pracy.*

2) трех слов: рус. *День Святого Валентина*, *День защитника Отечества*, *Международный женский день*, *День единения народов*, *День пожилых людей*; польск. *Dzień Nauki Polskiej*, *Narodowy Dzień Zwycięstwa*, *Święto Chrztu Polski*, *Narodowe Święto Niepodległości*, рус. *Праздник Весны и труда*, *День памяти и скорби*, *День Согласия и Примирения*; польск. *Dzień Solidarności i Wolności*, *Święto Narodowe Trzeciego Maja.*

3) четырех слов: рус. *День памяти жертв политических репрессий*; польск. *Narodowy Dzień Pamięci Powstania Warszawskiego*, *Narodowy Dzień Pamięci "Żołnierzy Wyklętych"*, *Narodowy Dzień Pamięci Duchownych Niezłomnych*.

4) пяти слов: польск. *Dzień Walki i Męczeństwa Wsi Polskiej*.

5) шести слов: рус. *День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах*.

6) восьми слов: польск. *Narodowy Dzień Pamięci Polaków ratujących Żydów pod okupacją niemiecką*.

Фестонимы в русском и польском языках имеют опорные компоненты рус. ***день*** / польск. ***dzień***, рус. ***праздник*** / польск. ***święto***, которые могут занимать как начальную, так и финальную позиции в номинации: рус. ***День*** *матери*, ***День*** *Победы*, ***День*** *Святого Валентина*, ***День*** *памяти и скорби*, ***День*** *Согласия и Примирения*; польск. ***Dzień*** *Solidarności i Wolności*, ***Dzień*** *Nauki Polskiej*; рус. *Татьянин* ***день***, *Международный женский* ***день***, *Narodowy* ***Dzień*** *Pamięci Powstania Warszawskiego*, *Narodowy* ***Dzień*** *Pamięci "Żołnierzy Wyklętych"*; рус. ***Праздник*** *Весны и труда*, польск. ***Święto*** *Chrztu Polski*, ***Święto*** *Narodowe Trzeciego Maja*, *Narodowe* ***Święto*** *Niepodległości*.

Исследование русских и польских фестонимов показывает, что данные единицы образуются по двум основным номинативным моделям:

1) рус. **[день + родительный падеж]** / польск. **[dzień + dopełniacz]**: рус. *День России*, *День молодежи*, *День знаний День конституции*, *День защитника Отечества*, *День пожилых людей*, *День единения народов*, *День памяти и скорби*, *День Согласия и Примирения*, *День памяти жертв политических репрессий*, *День памяти погибших в радиационных авариях и*

катастрофах; польск. *Dzień Solidarności i Wolności*, *Dzień Walki i Męczeństwa Wsi Polskiej*.

2) рус. **[прилагательное + день]** / польск. **[przymiotnik + dzień + dopełniacz]**: рус. *Татьянин день*, *Дмитриевская родительская суббота*; польск. *Narodowy Dzień Zwycięstwa*, *Narodowy Dzień Pamięci Powstania Warszawskiego*, *Narodowy Dzień Pamięci "Żołnierzy Wyklętych"*, *Narodowy Dzień Pamięci Polaków ratujących Żydów pod okupacją niemiecką*.

Анализ названий светских праздников (фестонимов) в русском и польском языках позволяет сделать следующие выводы: 1) большинство номинаций светских праздников в русском и польском языках различаются, что обусловлено историей двух стран и культурой народов; 2) рассматриваемые названия праздников в обоих языках являются полиструктурными; 3) фестонимы в русском и польском языках имеют опорные компоненты рус. ***день, праздник*** / польск. ***dzień, święto***; 4) в номинативном плане названия светских праздников в русском и польском языках образуются по двум моделям: рус. [день + родительный падеж], [прилагательное + день] / польск. [dzień + dopełniacz], [przymiotnik + dzień + dopełniacz]; 5) исследование фестонимов в русском и польском языках требует дальнейшего рассмотрения и детального анализа.

Список использованной литературы

1. Зелов, Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века : автореф. дис. … канд. историч. наук : 07.00.02 [Электронный ресурс] / Д. Д. Зелов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2002. – 21 с. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/ofitsialnye-svetskie-prazdniki-kak-yavlenie-russkoy-kultury-kontsa-xvii-pervoy-poloviny-xviii-veka. – Дата доступа: 15.06.2020.

2. Иванова, И. А. Именования религиозного праздника Рождество Пресвятой Богородицы в русском и польском языках [Электронный ресурс] / И. А. Иванова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2018. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/imenovaniya-religioznogo-prazdnika-rozhdestvo-presvyatoy-bogoroditsy-v-russkom-i-polskom-yazykah/viewer. – Дата доступа: 09.06.2020.

3. Терентьева, Е. Ю. Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции : автореф. дис … канд. филол. наук : 10.02.03 [Электронный ресурс] / Е. Ю. Терентьева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2012. – 23 с. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/narodnye-nazvaniya-tserkovnykh-prazdnikov-v-russkoi-i-bolgarskoi-pravoslavnoi-traditsii/read. – Дата доступа: 09.06.2020.

4. Чеснокова, П. Лингвокультурологические особенности чешских и русских названий праздников: автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 [Электронный ресурс] / П. Чеснокова ; Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2012. – 18 с. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/lingvokulturologicheskie-osobennosti-cheshskih-i-russkih-nazvaniy-prazdnikov. – Дата доступа: 06.09.2020.

5. Бугаева, И. В. Наименование праздников в православном социолекте [Электронный ресурс] / И. В. Бугаева // Извест. Уральск. гос. ун-а. Сер. 2, Гуманит.

науки. – 2007. – № 53, вып. 14. – С. 84–92. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22904/1/iurg-2007-53-11.pdf. – Дата доступа: 15.06.2020.

М. И. Колядюк *(Омеленецкая СШ Каменецкого р.)*
Научный руководитель – В. Н. Философ, учитель высшей категории

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

Житие – жанр церковной литературы, в котором описывается жизнь и деяния святых. Житие создавалось после смерти святого, но не всегда после формальной канонизации. Изучением житий занимается агиография. Жития делятся на несколько разновидностей: жития мучеников, жития просветителей народов, жития святителей, жития благоверных правителей, жития преподобных, жития Христа ради юродивых, жития праведников.

На наш взгляд, произведение Водолазкина имеет элементы жития мученика. Вначале произведения юноша по имени Арсений потерял любимую девушку и сына, который еще не успел родиться, как умер. Герой романа-жития всю последующую жизнь считал себя виноватым в их смерти. Чувство вины, которое выражалось любовью к единственным родным и любимым людям, перерастает в сопричастность и ответственность за ту боль и несчастья, что происходят в мире. Жизненный путь главного героя превращается в служение и жертву, которая будет причастием и покаянием, которого лишились его Устинья и нерожденный сын.

Историческому контексту в романе «Лавр» особого внимания не было уделено. Действие романа как будто происходит в средневековье, но на самом деле роман вневременной, для чего автор использует в описании природы мнимые анахронизмы (несоответствие лексики времени, которое описывается в произведении): «Из-под снега полезла вся лесная неопрятность – … и потускневшие пластиковые бутылки». Водолазкин сам говорит об этом. «В «Лавре» я пытался разобраться во времени как таковом и пришел к выводу, что его, по сути, нет» – прокомментировал свое произведение Водолазкин. Тем более сам же Евгений Водолазкин определяет свое произведение как неисторический роман, тем самым он подчеркивает, что весь сюжет и персонажи вымышлены.

Начинается произведение с пролегомены (рассуждения, формулирующие исходное понятие и дающие предварительные сведения о предмете обучения, разъясняющее введение), которая выполняет функцию и вступления, и заключения. Тем самым в произведении уже можно найти несоответствия с канонами жития.

О родителях Арсения мало упоминалось в произведении, они умерли от мора, а воспитанием юноши занимался дед Христофор (имя древнегреческого происхождения, означает ‘христоносец, носитель веры Христовой’. Само слово *Христос* по-гречески означает: помазанник, помазанный на царство).

В начале своего большого жизненного пути Арсений очень дорожил писанием деда Христофора о травах и великих событиях прошлого, но они не являлись святыми писаниями.

Присутствовал и отказ от брака, но только потому, что Арсении боялся общественного мнения, что не очень свойственно житию. Маленького Арсения ставил на жизненный путь его дедушка Христофор, далее в произведении Устина поучал немного юродивый Фома, а затем старец Иннокентий.

Однажды Устин ходил по городу и кидал в дома камнями, люди не понимали, что делает Арсений. Но им юродивый Фома сказал, что Устин тем самым прогоняет из домов бесов. Смерть Лавра предположительно была непостыдной, так как он готовил себя верой, добрыми делами (исцелял людей, ничего не требуя взамен), исполнением евангельским заповедям, он встретил смерть «без страха, мирно, непостыдное, не как грозный закон природы, но как отеческий зов бессмертного Отца Небесного, святого, блаженного, в страну вечности» (по словам святого Иоанна Кронштадтского). Это автор подчеркнул еще в пролегомене: «Судя по его немногочисленным высказываниям, он не собирался пребывать в теле вечно – потому хотя бы, что занимался им всю жизнь».

В произведении Водолазкина Лавр не всегда являлся идеально положительным, так как не был обручен с Устиной из-за общественного мнения (Устина была единственной выжившей из больных мором), в связи с чем неудачно сам принял ее роды, потеряв не только сына, но и любимую девушку. Чудеса происходили в протяжении всего романа. Лавр в конце обрел Божий дар исцелять взглядом, а когда главный герой произведения умер, то во время похорон хворые люди прозревали и вразумлялись. Также «тело его после смерти не имело следов тления. Лежа много дней под открытым небом, оно сохраняло свой прежний вид. А потом исчезло, будто его обладатель устал лежать. Встал и ушел»

В романе все главы названы старославянскими буквами, что также подчеркивает черты жития Интересной особенностью романа является то, что здесь прямая речь пунктуационно не оформлена. Этим автор пытается приблизить свой роман к житию.

Таким образом, роман «Лавр» имеет огромное множество элементов жития, но недостаточно, на взгляд Евгения Водолазкина, так как тот отнес свое произведение к неисторическому роману, подчеркнув это в названии.

Роман – большое по объёму повествовательное произведение со сложным и развитым сюжетом; эпический жанр, предметом изображения в котором является определённый период или целая жизнь человека; крупное повествовательное художественное произведение, в событиях которого обычно принимает участие много действующих лиц (судьбы их переплетаются). Уже по определению жанра видно, что «Лавр» соответствует роману как жанру. Широкие возможности произведения в отображении действительности и человеческой природы позволяют ему иметь своего внимательного читателя и доказывает, что данное произведение является романом. Это же доказывает и постановка общественно-значимых проблем, психологизм, раскрытие через конфликты внутреннего мира главного героя неисторического романа. По структурным особенностям «Лавр» можно отнести к роману-житию, так как в нем очень много элементов жития. В произведении поставлены социально-психологические и религиозные проблемы. По времени создания роман конечно можно отнести к современным произведениям.

Имена, как и характер, главного героя изменялись по ходу всего произведения. Вначале главный герой имел имя Арсений, что в переводе означает «мужественного», «зрелого» или «мужского» и соответствовало характеру героя, так как тот не испугался впустить в дом, возможно, смертельно больную девушку, а наоборот помог той в тяжёлое для нее время. После Арсений получил две клички, или прозвища, – Врач и Рукинец, так как умело использовал травы при лечении и все время жил в своей родной Рукиной слободке, планируя никогда не уезжать. Затем Арсений взял себе имя Устин, пытаясь прожить жизнь за умершую любимую Устину, и полностью соответствовал характером своему имени, которое переводится как справедливый, помогая всем, кто нуждался в помощи, оценивая все ситуации, по справедливости. Самым последним именем главного героя было имя Лавр, что опять же полностью соответствовало его характеру, так как имя Лавр происходит от названия дерева «лавр», символизирующего победу, торжество. Ведь действительно, Лавр смог искупить перед Богом все свои грехи, а также грехи своих родных, посвятив этому всю жизнь от Устина до смерти Лавра. В своей речи лирический герой использовал старославянские слова: «измыйся, аще хощеши», «Аз пребуду с тобою до сна твоего», «власи твои, яко стада коз, яже взыдоша от Галаада», «У тебя, жено, опухоль в голове». Старославянские слова лирический герой переплетает с современными: «Тебе неприятно носить мою одежду, спросил Арсений», «ты – жена моя, которую люблю больше жизни», «Этот прием Евгений Водолазкин использовал для того, чтобы читатели понимали произведение и ощущали то время.

Е. А. Красковская *(г. Пинск, СШ № 16)*
Научный руководитель – С. Н. Москалюк, учитель высшей категории

СЕКРЕТЫ СЧАСТЛИВОЙ СЕМЬИ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Начать свою статью хотелось бы словами Л. Н. Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Почему одни семьи счастливы, а другие нет? На чем строятся семейные отношения в счастливой семье? Ответы на эти вопросы люди пытались найти с давних времен, и эти же вопросы волнуют нас и сейчас.

Тема семейных отношений является популярной и в русских пословицах. Материалом для нашего исследования стали паремии из сборников и словарей В. П. Аникина [1, 2], В. И. Даля [3], В. П. Жукова [4], В. Н. Морохина [5], И. М. Снегирева [6]. Пословицы проанализированы в зависимости от того, отношения между какими членами семьи они раскрывают: родителями и детьми, мужем и женой, старшим поколением.

Ребенок, рождаясь, воспитание получал в семье: правила и обычаи предков были основою физического и нравственного воспитания. В основе всех воспитательных ценностей лежала православная христианская мораль. Согласно ей, детей принято было держать в строгости, часто доходящей до суровости, о чем свидетельствует старая пословица: «Кому Бог даст сыновей, не ленясь, учи их и бей». Но средством воспитания была не только суровость, но и ласка, и стыд: «Детей наказывай стыдом, а не грозою и бичом». Привязанность, любовь к детям отражаются в таких пословицах, как «Свое дитя и горбато, да мило», «Свой дурак дороже чужого умного».

Отношения между родителями и детьми были доверительными, открытыми, искренними. «Не прячь свои неудачи от родителей», – наставляет пословица. Во многих пословицах говорится и о своевременном раннем воспитании: «Не учили, когда поперек лавки ложился, а во всю вытянулся, так не научишь».

При воспитании строгость родителей приучала к повиновению и терпеливости, «к полезному употреблению сил душевных и телесных». Считалось, что воспитание, противное этим основаниям, изменяет ребенка, прививая ему легкомыслие, бездумное подражание. Дети, прислушивавшиеся к мнению родителей, были лишены дурных примеров, потому что «детям не порча игрушка, а порча худая прислужка».

Уважение к родителям, почитание их – тема многих пословиц. Это чувство, которое воспитывают и прививают ребёнку с детских лет. От того, как дети относятся к своим матери и отцу, во многом зависит и отношение их будущих детей к ним самим. «Кто родителей почитает, тот навеки не погибает».

Воспитание трудолюбия и доброты у детей также нашли отражение в пословицах: «Счастье родителей – честность и трудолюбие детей». Особую роль играют пословицы, в которых высмеиваются такие отрицательные качества, как злость, лукавство, жадность. «В чужих руках ломоть велик, а нам достанется, так и мал покажется». Народная мудрость отучает от зависти и алчности, она учит умеренности и довольству: «Клюет птичка, да и то сыта живет».

Во многих пословицах говорилось о горьких последствиях неправильного воспитания: «Блудный сын – ранняя могила отцу». Родители плачутся о дурных детях: «Ни себе на радость, ни людям на послугу», а хорошими детьми гордятся: «Дай Бог деток, да дай Бог и путных».

Отдельную группу занимают пословицы о матери: «Без матери родной и цветы не цветут». Если образ женщины в русском фольклоре занижен, то мать всегда в почете. В прошлом ей не приписывали таких черт, как ворчливость, лень, глупость. Мать – это мудрость, забота, верность, самопожертвование и огромная, ни с чем несравнимая любовь к своему ребенку: «Без матери рой не держится», «Материнскими словами Бог правит». Любовь к матери отождествляется с любовью к Родине: «Родина любимая – мать родимая». Мать в некоторых пословицах резко противопоставлена мачехе: «Лучше мать, нежели мачеха!».

В русской семье верховная власть принадлежала одному человеку – мужу и отцу, который занимал господствующее положение. Решающее слово в важных вопросах всегда было за ним: «Хозяин в дому, как Авраам в раю». Но иногда влияние и авторитет женщин могли быть также достаточно высокими: «Хоть муж и голова, но жена его шея. Куда шея повернётся, туда и голова смотрит».

Глава семейства должен быть умелым, умным, умеющим навести в доме порядок, наладить быт: «Горе тому, кто непорядком живет в дому». В обязанности жены входило послушание и верность мужу, рождение и воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, содержание в порядке жилища, приготовление еды для детей и мужа: «От хозяина должно пахнуть ветром, а от хозяйки – дымом». Рачительная хозяйка сможет приумножить нажитое, а неумелая – разорит: «Добрая жена дом сбережет, а плохая своими руками разнесет». Жена в пословице – верная помощница мужу, источник его чести и достоинства: «Женою доброю и муж честен».

Глубокое уважение и неизменная любовь к жене слышатся в пословице: «Мило – что жена, а горько – что беда!».

Брак в старину считался союзом священным, вечным, благословенным Богом: «Дай бог раз жениться, раз креститься и раз умирать». Соблюдение нравов и обычаев предков служило мерою счастья и залогом крепости союзов. В то же время в пословицах наблюдаются и отрицательные стороны семейной жизни: «Женишься раз, а плачешься век». Добиваясь повиновения жены, муж вправе был прибегать и к телесным наказаниям, о чем свидетельствуют пословицы: «Люби жену как душу, а тряси как грушу». Считалось, что свобода портит женщину: «Воля добру жену портит». Как редкое исключение встречается пословица, которая гласит: «Пей пиво, да не лей, люби жену, да не бей!».

Несмотря на суровость, а иногда даже жестокость во взаимоотношениях мужа и жены, очень мало было разводов, которые считались позорными и грешными: «Женитьба есть, а разженитьбы нет». Залогом счастливой семьи были согласие, любовь, уважение: «Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад». О единстве мужа и жены говорит и грубоватая народная пословица «Муж да жена – одна сатана». О несогласии же говорили: «Коли пойдет вкось да врозь, так дело и брось».

Старшее поколение представлено бабушками и дедушками. Они, бесспорно, обладают большим жизненным опытом и житейской мудростью «Для внука дедушка – ум, а бабушка – душа». Много пословиц посвящено бабушке. Именно на ее сгорбленные плечи ложилась забота о подрастающем поколении: «Где баба ни бери, а внука корми!». Пословицы свидетельствуют о том, что внуков бабушка любит даже больше, чем собственных детей: «Люблю своих детей, но внуки милей».

Проанализировав смысл пословиц о семье, приходим к выводу, что многие из пословиц приемлемы и актуальны в настоящее время. Человек счастлив, если его окружают близкие родные люди, которые разделят с ним и горести, и радости. Очень важно ценить и беречь семью, считаться с мнением других членов семьи, любить своих ближних. Так думали наши предки. А как думает современное поколение?

Опрос, проведенный в 10-11 классах, доказал значимость пословиц в современном языке и необходимость обращения к этому глубочайшему пласту народной мудрости в настоящее время. Пословицы о семье не теряют актуальности и в наши дни, а секреты счастливой семьи как в далеком прошлом, так и в настоящем одинаковы. А если ребенок не знает пословиц, то исправить ситуацию, могут родители и педагоги, постоянно напоминая детям о важности данного жанра фольклора. При этом необязательно заставлять заучивать пословицы на память, достаточно будет употреблять их в обыденном разговоре.

Список использованной литературы

1. Аникин, В. П. К мудрости ступенька: О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке : очерки / В. П. Аникин. – М. : Дет. лит., 1988. – 175 с.

2. Аникин, В. П. Художественные средства русского народного поэтического творчества: символ, метафора, параллелизм / В. П. Аникин, Н. И. Кравцов, Ф. М. Селиванов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981.

3. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль – М. : Художественная литература, 1957.

4. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 2002.

5. Морохин, В. Н. Малые жанры русского фольклора: хрестоматия: учебное пособие для филологических специальностей вузов. 2-е изд. / В. Н. Морохин – М. : Высшая школа, 1986.

6. Снегирев, И. М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Н. Новгород : Три богатыря и Братья славяне, 1997.

Ю. А. Кушникова *(г. Брест, БрГУ имни А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

АНАЛИЗ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ УЧАЩИМИСЯ ПУНКТУАЦИЕЙ ТЕКСТА

В современных лингвистических исследованиях пунктуация рассматривается как особая система средств, способов и приёмов, организующих текст путем объединения, членения, выделения и развертывания языковых элементов.

Теория текстовой пунктуации – необходимый инструмент для правильной интерпретации текста, трактуемой как «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении». Это утверждает известный французский философ и филолог Поль Рикёр (1, с. 18). Такая работа предполагает творческое участие читателя над актуальным содержанием знака, языковую рефлексию, развивающую способность познания и осознания множественных смыслов.

Нас заинтересовал текст под названием «Подарок», написанный И. А. Ильиным – русским философом, писателем, публицистом (1883–1954). Текст «Подарок» входит в главу «Об искусстве жизни» его большой книги «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий» [2]. Автор пишет о том, что любовь не выражается словами, она проявляется в том, что и как люди дарят друг другу; а поскольку подарок имеет хрупкую душу, которую легко развеять своим лёгким отношением к нему или к тому, кому дарится подарок, то дарить подарок, утверждает автор, – это искусство.

Нам показалось интересным дать возможность читателям – учащимся 10–11 классов – самостоятельно расставить знаки препинания в избранном нами тексте И. А. Ильина, поскольку в нем, на наш взгляд, есть 21 случай возможной вариативной (альтернативной) расстановки знаков препинания – мест, где может быть тот или иной пунктуационный знак в зависимости от того, какой смысл вкладывает в это предложение или эту часть текста читающий. Учащиеся III ступени обучения уже знают, что особенностью пунктуации русского языка является то, что **одни и те же знаки препинания могут быть использованы для разных целей,** в то же время для одной и той же цели могут использоваться разные знаки препинания. Термин «вариативные знаки препинания» будем использовать как термин, обобщающий знаки препинания факультативные и альтернативные. Под факультативными знаками будем понимать знаки не обязательные, но возможные в данном контексте; под альтернативными – знаки, взаимозаменяющие один другой в зависимости от того, какой смысл они акцентируют в предложении или тексте с точки зрения автора или читателя.

Учащимся СШ №29 и СШ №35 (всего 56 человек, учителя русского языка и литературы И. Г. Пухнаревич и И. Т. Савчук) был дан текст И. Ильина «Подарок» без знаков препинания. Учащиеся должны были расставить знаки препинания так, как, по их мнению, это наиболее глубоко проявляет смысл текста. Цель работы – выяснить, насколько учащиеся владеют понятием «пунктуация текста». В данной статье приведём примеры случаев расстановки учащимися вариативных (альтернативных) знаков препинания в первой подтеме текста (назовём её «Дарящий») и представим сделанные выводы. Случаи возможных вариативных знаков препинания взяты нами пронумерованы и взяты в квадратные скобки – **[ ].**

В случае 1 (*Как легко ее развеять,* **[1–]** *хрупкую душу подарка!*) возможной постановки вариативного (альтернативного) знака можно поставить вместо запятой тире, поскольку в предложении есть приложение, несущее предикативность: *её … – хрупкую душу подарка*, и тире в данном случае эту предикативность акцентирует. Только один учащийся из 56, работавших с текстом, поставил в этом случае тире, 35 учащихся выбрали запятую. Однако, учитывая, что далее в тексте именно эта мысль – хрупкость души подарка – получает развертывание, тире кажется более уместным, нежели запятая, поскольку в этом случае функция тире не замыкается внутри предложения, а распространяется на весь текст.

В случае 2 (*Дарить – это искусство;* **[2,]** *и дар имеет скрытый смысл и говорит на тайном языке*.) на стыке предикативных частей сложносочинённого предложения с соединительным союзом *и* у автора стоит точка с запятой, но формально здесь может быть и запятая, и 12 учащихся эту запятую поставили. Между тем точка с запятой – более

сильный знак препинания, его функция – сделать сказанное в предикативных частях более независимым. *Дарить – это искусство* – эта фраза по смыслу автосемантична, самостоятельна сама по себе, она представляет тезис всего текста, который затем доказывается в четырёх ССЦ, и поэтому точка с запятой (авторский знак) здесь более оправданна, чем альтернативный знак препинания тире. 11 учащихся почувствовали этот независимый смысл и выбрали именно этот знак препинания.

В случае 3 (*Он стучится в дверь,* **[3:]** *можно ли войти*. **[4?]**) у автора стоит запятая на границе главной части и придаточной изъяснительной. Эта запятая формально возможна. Точка оформляет конец предложения (это случай 4), и поэтому предложение является повествовательным, в нём отсутствует всякая эмоциональность. Однако, на наш взгляд, поскольку эта фраза находится в начале ССЦ под условным названием «Дарящий», то значительно усилят текст (не только предложение!) альтернативные в данном случае знаки препинания – двоеточие внутри предложения и вопросительный знак в конце. Так можно выделить вопрос, который задаёт дарящий. Ср.: Чего хочет дарящий? Он стучится в дверь: можно ли войти? Функция двоеточия и вопросительного знака в этом предложении – акцентировать внимание читающего текст, с какой целью стучится дарящий подарок в дверь, за которой – мир другого человека. В работах учащихся равное соотношение запятой и двоеточия, а вариативный знак вопроса преобладает в работах учеников над авторской точкой.

В случае 5 **(***Он стучится в дверь любви.* **[5,]** *Потому что хочет сказать что-то о любви.)* автор использует формальный разрыв сложноподчиненного предложения с придаточной причины. Автор ставит точку, делая главную часть сложноподчинённого предложения самостоятельной, чтобы акцентировать, в какую дверь стучится дарящий: *Он стучится* в *дверь любви*. Постановка запятой переносила бы внимание читающего на придаточную часть – почему стучится дарящий в дверь любви? Ср.: Он стучится в дверь любви, потому что хочет сказать что-то о любви. Между тем автор оформляет причину в качестве самостоятельного предложения: *Потому что хочет сказать что-то о любви.* И это самостоятельное предложение является главным с точки зрения смысла в подтеме текста, которую мы условно назвали «Дарящий». Большинство учащихся предпочли вариативный знак авторской точке.

Случаи 6, 7 и 8: (*Возможно, спросить, можно ли ему любить. Возможно, сообщить, что он уже любит;* **[6_]** *или что он будет любить вечно. Может быть, он хочет просить о любви;* **[7_]** *или ответить любовью на любовь. Если он ничего не знает обо всем этом, он лишь злоупотребляет символом подарка;* **[8_]** *и его поступок покажется неестественным и плоским.)* Рассмотрим случаи 6 и 7. Пять возможных

целей человека, дарящего подарок, то есть стучащегося в дверь любви, оформляются разными типами предложений, что позволяет создать рассуждение, и оформлены эти предложения пунктуационно по-разному.

Рассуждения автора о целях дарящего подарок объединены попарно в сложные предложения с объединяющими их вводными словами, что формально позволяет не ставить знак препинания между предикативными частями, соединёнными одиночным сочинительным разделительным союзом *или*. Отсутствие знака препинания, что соответствует существующему в теории пунктуации правилу – не ставить запятую при однородном подчинении придаточных главному, объединило бы цели и уравняло бы их (Ср.: Возможно, сообщить, что он уже любит или что он будет любить вечно. Может быть, он хочет просить о любви или ответить любовью на любовь.), а рассечение придаточных точкой с запятой делает сказанное более независимым и более конкретно «прорисовывает» частное грамматическое значение взаимоисключения предикативных частей: *Возможно, сообщить, что он уже любит;* **[6_]** *или что он будет любить вечно. Может быть, он хочет просить о любви;* **[7_]** *или ответить любовью на любовь.* *В* абсолютном большинстве работ учащиеся знаки препинания в случаях 6, 7 и 8 не поставили.

Случаи 9–21 рассмотреть в рамках данной статьи нет возможности, поэтому представим здесь общие выводы.

Выводы. Учащиеся проделали большую и трудную работу, поскольку, как правило, школьникам предлагается расставить знаки препинания в предложениях, а для расстановки знаков препинания в тексте необходимо уловить основную мысль автора, чтобы наиболее чётко представить её с помощью знаков препинания. Н. Л. Шубина утверждает, что знаки препинания в русском языке на уровне текста «дополняют информацию, усиливают восприятие, удерживают внимание и познавательный интерес, а также воздействуют на читателя» [3, с. 8].

В тексте только три собственно факультативных случая, когда знак препинания может быть, а может и не быть – в зависимости от цели автора или восприятия читателя. В этих случаях учащиеся, как правило, не использовали знаки препинания. Остальные 18 случаев – это альтернативные знаки препинания, когда знак обязательно ставится, но какой знак ставится, зависит от того, что хочет акцентировать автор или читатель. В 8 случаях из 18, где функция вариативных знаков препинания заключена внутри предложения, не влияя на содержательно-смысловой аспект всего текста, учащиеся ставили знаки препинания по правилам. В остальных 10 случаях функция вариативных знаков препинания выходит за границы предложения и влияет на углубление смысла всего текста – выделяет отдельные смысловые позиции или усиливает их, и здесь учащиеся чаще

использовали вариативные знаки препинания, чем знаки, избранные автором. При этом учащиеся совершенно игнорировали такой знак препинания, как абзацный отступ.

Список использованной литературы

1. Рикёр, Поль. Герменевтика. Этика. Политика. / П. Рикёр.– М. : АО «КАМІ», Изд. центр «Acdemia», 1995. – 160 с.

2. Ильин, И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / И. Ильин [Интернет-источник] : https://azbyka.ru/fiction/ya-vglyadyvayus-v-zhizn-kniga-razdumij-ilin/ – Дата доступа 13. 02.2019.

3. Шубина, Н. Л. Пунктуация современного русского языка: учебник / Н. Л. Шубина. – М. : Академия, 2006. – 256 с.

М. Г. Лабай *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Г. А. Веремеюк, ст. преподаватель

АНТРОПОНИМЫ В «СКАЗКЕ О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ» А. С. ПУШКИНА

«Что за прелесть эти сказки! – восклицал А. С. Пушкин. – Каждая есть поэма». И не только восклицал, а еще и написал целый цикл, который мы сегодня называем «Сказки Пушкина».

Одной из вершин этого цикла является «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди», которая была закончена 29 августа 1831 года. Сюжет для написания был заимствован из фольклора, по одной из версий, Пушкин услышал его из уст своей няни – Арины Родионовны. Сказка написана красивым, певучим русским народным языком, о котором Н. В Гоголь писал: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [1, с. 33].

Одной из характерных особенностей языка сказок Пушкина является употребление необычных ***антропонимов*** – имен вымышленных героев.

В сказке о царе Салтане множество героев, но имен собственных в тексте немного – всего семь. Мы остановимся на основных именах сказки – это ***Салтан***, ***Гвидон*** и сватья баба ***Бабариха***. Остальных персонажей Пушкин называет просто царицей, ткачихой, поварихой, не называя их по имени.

Первым встретившимся на страницах сказки героем, обладающим именем, является князь ***Салтан***: «*Царь* ***Салтан*** *за пир честной сел с царицей молодой*» [2, с. 11]. Обратимся к этимологии этого имени. Имя *Салтан* заимствовано из арабского языка и в переводе на русский язык означает ‘повелитель или император’. Имя ***Салтан*** было хорошо известно русского народу еще со времен войны с турками. В народе существовало много сказок и былин, героем которых являлся царь ***Салтан***, управлявший могучим государством. Имя царя ***Салтана***, или же говоря попросту – Султана, использовалось московскими баснописцами в перевирании французской сказки о Бове Гвидоновиче, к которой был неравнодушен Пушкин [3].

Сын царя именуется в произведении – славный и могучий князь ***Гвидон***: «*В тот же день стал княжить он и нарёкся: князь* ***Гвидон***» [2, с. 33]. Это имя благозвучно, величаво и торжественно, источает сказочную экзотику. Поэт вряд ли вдавался в подробности этимологии данного антропонима (он фиксируется в итальянском именнике, но имеет древнегерманские истоки – ‘лесной’, ‘живущий в лесу’). Однако Пушкину, по всей видимости, было известно западное происхождение имени ***Гвидон*** в противоположность явно восточному царскому имени ***Салтан***. Имена ***Салтан*** и ***Гвидон*** соответствуют плаванию корабельщиков в сказке с запада на восток и в обратном направлении [4, с. 144].

Из персонажей женского пола только один получает имя – сватья баба ***Бабариха***. Исследователь К.М. Азадовский указывает, что это имя Пушкин взял из хорошо известного ему сборника Кирилла Данилова, из шутливой песни о дураке: «добро ты баба, баба-***Бабариха***, мать Лукерья, сестра Чернява!»

Но что же хотел сказать Александр Сергеевич, давая этому персонажу такое имя? На протяжении всей сказки героиня фигурирует в одном контексте: «*А ткачиха с поварихой, с сватьей бабой* ***Бабарихой***…» [2, с. 15]. Чтобы разобраться с происхождением антропонима, необходимо выяснить, почему Пушкин называет ее «сватьей бабой».

В древней Руси было принято называть женщин по мужу или по отцу, поэтому одна из версий происхождения данного антропонима гласит о том, что ***Бабариха*** – жена ***Бабаря***. Существует достаточно распространенная фамилия ***Бабарь***. ***Бабари*** (также ***Бавари***) – древнее колено мавров, обитающее в гористой части страны ***Бабора*** (северная Африка). Но тогда по правилам русского языка она называлась бы не «***Бабарихой***», а ***Бабарькой***

или ***Бабаркой***. Суффикс *-их(а)* означает либо профессию (в данном случае явно не подходит), либо замужество (например, жена купца – купчиха). ***Бабариха*** – жена (или вдова). Изучая историю написания Пушкиным сказки, исследователи обнаружили, что существуют записи семи сказок Арины Родионовны. Одна из этих сказок с небольшими изменениями и превратилась в «Сказку о царе Салтане». В творческой переработке Пушкина мачеха из сказки Арины Родионовны заменена бабой *Бабарихой*. Повариха и ткачиха – дочки ***Бабарихи*** от первого брака. Это их отцом был загадочный ***Бабарь***. А молодая царица досталась ***Бабарихе*** в падчерицы со вторым мужем. И кавычки у «бабушки» объяснились: ведь ***Гвидону Бабариха*** по крови бабушкой не была – только по браку с его дедом. А сватьей ***Бабариха*** приходится как раз ***Салтану*** [5].

Значение и происхождение антропонима ***Бабариха*** имеет множество трактовок и значений, мы лишь можем строить догадки и принимать наиболее близкую позицию.

А. С. Пушкин хорошо знал, что многие сказочные сюжеты или отдельные мотивы существуют в устном творчестве разных народов и переходят, видоизменяясь, от одного к другому. Поэтому он, подобно настоящему народному сказителю, брал, когда это было нужно, то те или иные мотивы, то детали сюжета из иноязычного фольклора, чудесным образом превращая их в подлинно русские. Немало вносил он в сказки и своего собственного: по-своему изменял народный сюжет, упрощал или усложнял его, вводил свои образы. Пушкинские «сказочные» имена удивительным образом соответствуют реальным именам, бытовавшим в средневековой Европе. В сказках поэта нет ни одного случайного имени. Гений Пушкина отбирал только то, что в наибольшей мере характеризует «русский дух» каждого персонажа [6].

Наше исследование показало: имена пушкинских героев наполнены культурно-исторической информацией, которая поможет по-новому прочитать любимые с детства сказки великого поэта.

Список использованной литературы

1. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. / Н. В. Гоголь ; сост. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 6 : Духовная проза. Критика. Публицистика. – 557 с.

2. Пушкин, А. С. Сказки / А. С. Пушкин. – СПб.; М. : Речь, 2018. – 280 с.

3. Чеславский, О. Легенда про «русские» сказки Пушкина [Электронный ресурс] / О. Чеславский // Иносми.ру. – 22.02.2018. – Режим доступа: https://inosmi.ru/social/20180222/241502375.html. – Дата доступа: 25. 05.2020.

4. Рогалев, А. Ф. Имя и образ : Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2007. – 224 с.

5. Загадочная баба Бабариха [Электронный ресурс] // livejournal. – 2011-06-14. – Режим доступа: https://andmendil.livejournal.com/1205.html. – Дата доступа: 22.05.2020.

6. Ильина, О. В. Антропонимика сказок А. С. Пушкина [Электронный ресурс] / О. В. Ильина // ilolga.ru. Портфолио. – Режим доступа: http://ilolga.ru/images/pdf/publik/antroponimika.pdf. – Дата доступа: 12.05.2020.

Я. С. Ладутько *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

МНОГОСЛОВНЫЕ ЭРГОВИКОНИМЫ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ АГРОУСАДЕБ БРЕСТЧИНЫ)

В век стремительной глобализации особую значимость приобретает изучение национального, регионального своеобразия, которое фиксируется языком, языковым знаком. В этом отношении особый интерес представляет имя собственное (ИС), т. к. оно «является границей, разделяющей бытие и инобытие, универсальное и национально специфическое, даже “точкой”, местом, в котором они разделяются и встречаются» [1, с. 171].

Объектом нашего исследования стал молодой, но продуктивный сегмент ономастикона Брестчины – ИС агроусадеб (325 ед.), обозначенные термином **эрговиконим**. Мы обратились к многословным названиям туристско-рекреационных объектов (ТРО), а это: 1) ИС – устойчивые единицы (3,8 % от общего числа зафиксированных онимов), 2) ИС-словосочетания (37,7 %), 3) ИС-предложения (6,6 %). Способ образования составных ИС квалифицируют по-разному: для первой группы – как лексико-семантический, для двух других – как лексико-синтаксический [2, с. 41].

ИС – устойчивые единицы апеллируют к фоновым знаниям, требуют декодирования, обращения к информации из разных областей: *агроусадьба* ***«Уютный уголок»*** (д. Клейники); ***«Домашний очаг»*** (д. Луково); ***«Добра хата»*** (д. Прилепы); ***«Бацькава хата»*** (д. Сутьково) – все онимы отличаются положительной коннотацией, формируют образ уютного, гостеприимного ТРО. Если устойчивая единица удачно вписывается в коммерческое название (что и иллюстрирует наша выборка), то последнее становится эффективным рекламным средством, облеченным в яркую, выразительную форму и легко, прочно запоминающимся: *агроусадьба* ***«Как в сказке»*** (д. Хвояновка); ***«Крайняя хата»*** (д. Гусак) – название перекликается с пословицей *моя хата с краю, ничего не знаю*, негативно окрашенной; но в эрговикониме эта коннотация снимается, поскольку в прилагательном актуализируется его прямое значение: усадьба действительно находится на *краю* деревни; и др. Отмечены номинации, демонстрирующие не только семантическую, но и формальную трансформацию мотивирующей базы: ***«Райский хутор»*** (д. Шебрин) – в РИ ощущается связь с узуальной ФЕ *райский уголок*; и нек. др.

У **ИС-словосочетаний** широкие возможности для рациональной, эмоциональной характеристики объекта номинации, хотя они уступают однословным эрговиконимам в компактности формы [3, с. 209]. В качестве названий ТРО обычно используются двухсловные конструкции: *агроусадьба* ***«Франопольское городище»*** (д. Франополь); ***«Медный двор»*** (д. Медно) и др.; трехсловные ИС единичны и являют собой «усложненные» вариации на базе простых словосочетаний: *агроусадьба* ***«Нетронутый кусочек Полесья»*** (д. Заозерье); ***«Домик рыбака и охотника»*** (д. Гоща) – владелец занимается *рыбалкой* и *охотой* и призывает присоединиться к такому отдыху своих гостей; и нек. др.

Двухсловные ИС вербализуют разные **грамматические модели**, наиболее продуктивны из них следующие: а) адъективная: *агроусадьба* ***«Яблоневый сад»*** (д. Зановины); ***«Медовая поляна»*** (д. Збунин); ***«Сосновый двор»*** (д. Прилуки); ***«Припятский плес»*** (д. Лаховка); ***«Мишкина поляна»*** (д. Ятвезь); ***«Деревенский рай»*** (д. Маковище); ***«Лесная хата»*** (д. Гориденяты); ***«Таежные тропы»*** (д. Селец) – в нашем регионе, разумеется, нет таежных лесов, однако на территории ТРО много *хвойных* деревьев, все постройки из *дерева*, с *хвойными* маслами можно попариться в бане; ***«Клубничный край»*** (д. Вичин); ***«Сосновый берег»*** (д. Городище) – ТРО находится в окружении *соснового леса*, на *берегу* оз. Городищенское; ***«Тихий край»*** (д. Липово) и др.; б) генитивная: *агроусадьба* ***«Сады радости»*** (д. Житин); ***«Фольварэк Мицкевичей»*** (аг. Пелище) – у владельцев ТРО прецедентная фамилия *Мицкевич*, вызывающая удачные, с рекламной точки зрения, ассоциации – с А. Мицкевичем и К. М. Мицкевичем, известным под псевдонимом Якуб Колас; и др.; в) аппозитивная (при аппозитивных отношениях у одного денотата два его обозначения; связь между приложением и определяемым словом – согласование в падеже) [4, с. 25]): *агроусадьба* ***«Заезд Зубачи»*** (д. *Зубачи*); ***«Шале “Василек”»*** (д. Збунин); ***«Фольварк*** “***Гвоздь***”***»*** (д. Гвоздь); ***«Поместье Мономах»*** (д. Дмитровичи); г) нумеративная: *агроусадьба* ***«Три дуба»*** (д. Большая Раковица) – на территории ТРО растут эти деревья, ставшие у славян символом силы, долголетия, благородства; ***«Три колодца»*** (д. Баранки); ***«Три богатыря»*** (д. Пески).

Среди **ИС-предложений** зафиксированы только простые предикативные единицы: *агроусадьба* ***«Дубое над Пиной»*** (д. Дубое); ***«Дом для отдыха с русской баней»*** (д. Клейники) и др. Оговоримся, что однозначная квалификация многословных конструкций возможна не всегда. Так, ИС типа *агроусадьба* ***«Золотой желудь»*** (аг. Пески-2), ***«Березовая роща»*** (д. Черевки), которые мы отнесли к словосочетаниям, можно обозначить и как номинативные предложения, распространенные согласованными определениями.

Итак, в анализируемую группу эрговиконимов включили: а) синкретичные конструкции, которые можно трактовать и как полные номинативные предложения с несогласованными определениями, и как неполные двусоставные с пропущенным сказуемым, из состава которого представлено обычно обстоятельство (причиной подобного синкретизма являются экономия речевых усилий, стремление выразить более сложную семантику): *агроусадьба* ***«Теремок в Беловежской пуще»*** (д. Каменюки); ***«Избушка на берегу Припяти»*** (д. Курадово); ***«Домик в заказнике Средняя Припять»*** (д. Коробье); ***«Домик в саду»*** (д. Тюхиничи); ***«Сядзіба ў соснах»*** (д. Чижевщина); ***«Теремок в Беловежской пуще»*** (д. Каменюки); ***«Хутор в лесу»*** (д. Подбурье) и др. – к подобным названиям агроусадеб как своеобразным их «заголовкам» удачно подходит высказывание В. В. Виноградова: «Развитие подобных структур вызвано потребностью узаконить применительно к специфике заголовка особые модели предложений, которые, несмотря на сокращение языкового материала, дают максимальный эффект в привлечении внимания читателя» [5, с. 205]; б) неполные, «осколочные» предложения, «свободные словоформы»: *агроусадьба* ***«На краю сяла»*** (д. Чемелы); ***«Под липами в Дмитровичах»*** (д. Дмитровичи) и др. Подобная лаконичность РИ вполне закономерна, т.к. назван один из важных признаков ТРО («где?», реже – «у кого?»): *агроусадьба* ***«У реки Льва»*** (д. Кошара); ***«В гостях у пани»*** (д. Огаревичи) и др.

Таким образом, эрговиконимикон Брестчины демонстрирует множественность способов номинации агроусадеб, функционирование в качестве ИС разных языковых единиц. Составные названия ТРО мотивируются устойчивыми единицами (в т. ч. с их семантической и/или формальной трансформацией), словосочетаниями (чаще двухсловными) или простыми предложениями. В целом подобные рекламные имена стремятся к компактности, но при этом и к семантической емкости (отражая важную информацию об усадьбе), выразительности, запоминаемости.

Список использованной литературы

1. Катермина, В. В. Имя собственное как носитель национально-культурной информации [Электронный ресурс] / В. В. Катермина. – Режим доступа: http://www.philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/1041/pdf_52. – Дата доступа: 30.04.2020.

2. Крюкова, И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие : учеб. пособие по спецкурсу / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 100 с.

3. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных имен / Т. П. Романова // Вестник СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.

4. Стародумова, Е. А. Синтаксис современного русского языка : учеб. пособие / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Дальневост. ун-т, 2005. – 142 с.

5. Виноградов, В. В. Вопросы грамматического строя / В. В. Виноградов. – М. : Академия наук СССР, 1955. – 482 с.

Я. С. Ладутько *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ЭРГОВИКОНИМЫ КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

В науке о языке в XXI в. одним из перспективных подходов к анализу имени собственного (ИС) стал лингвокультурологический. «Носители языка обладают рефлексивной способностью к культурной референции, в основе которой лежит соотнесение онимов естественного языка с “языком” культуры, обладают способностью опознавания в языковых сущностях культурно значимых, зачастую – национально специфических установок» [1, с. 9]. Объектом исследования мы избрали сравнительно новый, но продуктивный сегмент ономастикона Брестчины – ИС агроусадеб (325 ед.), или эрговиконимы, и рассмотрели вербализацию в них **культурных кодов** (КК).

В образной дефиниции В. В. Красных код предстает сеткой, которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» [2, с. 232]. КК занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, являются структурообразующими элементами последнего. Сама культура при этом выступает как совокупность различных кодов [3, с. 39].

Названия туристско-рекреационных объектов (ТРО) Брестского региона репрезентируют, по нашим наблюдениям, основные коды белорусской культуры.

Атрибутивный КК связан с семиотизацией «свойств и признаков человека и животных, чисел и порядка, цвета, иных признаков, составляющих бинарные оппозиции: пространственные, временные и другие» [4, с. 101]: *агроусадьба* ***«Зеленая»*** (д. Здитово, ул. *Зеленая*, 3) – данный колер значим для белорусов: это один из цветов нашего флага; цвет урожайных полей, досмотренных трудолюбивыми руками хлеборобов; цвет лугов и лесов, которые издавна занимали основную территорию нашей страны; цвет добра, роста, развития, благополучия и мира [5]; ***«Белый лесок»*** (д. Тельмы-1) – белый цвет также присутствует на государственном флаге, воплощая духовную чистоту белорусов, их стремление к свободе; ***«Старый хутор»*** (д. Малые Радваничи) – ИС на первый взгляд может показаться не совсем удачным, т.к. характеристика *старый* нередко имеет негативную коннотацию; однако для владельцев создание усадьбы в обозначенном стиле позволяет вернуться к белорусским корням, к традиционному деревенскому быту; ***«Три дуба»*** (д. Большая Раковица) – количество этих деревьев на территории ТРО символично, поскольку «сказочное» три означает исполнение желаний, воспринимается как знак удачи, а также олицетворяет

Троицу (Триединый Бог соединяет Отца, Сына и Святого Духа), олицетворяет душу; и др.

Эмоционально-характерологический КК экспонируют ИС, выражающие отношение номинатора к усадьбе или его (и, ожидается, адресата рекламного имени) впечатления от именуемого ТРО: *агроусадьба* ***«Нетронутый кусочек Полесья»*** (д. Заозерье); ***«Славная»*** (г. Брест); ***«Позитив»*** (д. Петровичи); ***«Наслаждение»*** (д. Бабичи); ***«Добра хата»*** (д. Прилепы); ***«Уютный уголок»*** (д. Клейники); ***«Веселый кролик»*** – (д. Подкриница); ***«Щедрый заяц»*** (д. Селовщина) – фамилия хозяйки *Заяц* (два последние ИС репрезентируют и зооморфный КК); и др.

Временной КК фиксирует членение временной оси, отражает движение по ней человека, кодирует его бытие в материальном и нематериальном мире, проявляется в отношении человека ко времени [2, с. 240]: *агроусадьба* ***«Вековая пуща»*** (д. Гвоздь) – оним отсылает к *древнейшему* из реликтовых лесов в Европе; ***«Медовые каникулы»*** (д. Сомино) – ИС предлагает своему адресату устроить *каникулы*; и др.

Космографический КК семиотизирует элементы мироздания, мифических мест: *агроусадьба* ***«Сонейка»*** (д. Бабичи), ***«Солнечный домик»*** (д. Зановины) – *Солнце* является одной из звезд нашей Галактики, центральным светилом нашей планеты (вербализация солярного подкода); с существительными рус. *солнце* / бел. *сонца*, их дериватами связан и целый спектр культурных характеристик: *солнце* соотносят с понятием бога, его называют «матушкой», в христианской символике оно является воплощением бессмертия и возрождения, фигурирует в обрядах, песнях и т. д. [6] (также в эрговикониме, из-за ярко-желтого цвета ТРО, есть отсылка к атрибутивному КК); ***«Радуга»*** (д. Коссово); ***«Роза ветров»*** (д. Недреска); ***«Завышанский рай»*** (д. Завышье) и др.

Ландшафтный и **пространственный КК** опираются на физико-географические особенности рельефа, на размещение именуемого объекта в пространстве: *агроусадьба* ***«Босяч»*** (д. *Босяч*); ***«Осница»*** (д. *Осница*); ***«У Залива»*** (д. Щебрин); ***«Домик в саду»*** (д. Тюхиничи) *и др.*

Персонажный КК семиотизирует богов, святых, легендарные, мифологизированные исторические личности, героев песен и легенд, людей согласно их социальному, биологическому статусу [7]: *агроусадьба* ***«Бацькава хата»*** (г. Каменец); ***«Стасина хата»*** (д. Большие Яковичи) – ТРО назван в честь бабушки хозяйки; ***«Бабулина хатка»*** (аг. Кожан-Городок); ***«Юрьев хутор»*** (аг. Мухавец); ***«Полесский бортник»*** (д. Качановичи) – на территории ТРО, под открытым небом, создан музей пчеловодства, в котором представлены *борти* (‘улеи в естественном или выдолбленном дупле дерева’), иные приспособления *бортника*; ***«Барин»*** (д. Огово); ***«Купалинка»*** (д. Кляшчы); ***«У Лешего»*** (д. Тушмеля) – название

ассоциируется одновременно и со сказочным обитателем леса, и с хозяином ТРО: он для друзей просто *Леший*; и др.

Единение человека с природой вербализуют коды **фитоморфный** и зооморфный. Первый КК связан с представлениями человека о мире растительном: *агроусадьба* ***«Вяз»*** (д. *Вяз*) – славяне считали, что ветви *вяза* приносят удачу, дарят отвагу и силу верному путнику в дальней дороге, а в христианстве это дерево олицетворяет достоинство и считается священным [8]; ***«Березка»*** (д. Островo) – в усадьбе произрастает много этих полезных для человека деревьев (его листья лечат, ветви используются для веников, на его коре писали и др.); своей чистотой, утонченностью красавица-*береза* ассоциируется с юной девой; ***«Каталея»*** (д. Дегли) – ИС восходит к названию сорта орхидей (их так любит хозяйка ТРО); ***«Лесная»*** (д. Яглевичи); ***«Ялинка»*** (д. Еловая), ***«Цветочный рай»*** (г. Пружаны); и др. Огородные культуры, части растений и растительные по происхождению хозяйственные реалии представляют эрговиконимы: ***«Подсолнух»*** (д. Горново); ***«Орешек»*** (д. Горново); ***«Яблоневый сад»*** (д. Зановины); ***«Клубничный край»*** (д. Вичин) и др. Номинации, обозначающие и растение, и его съедобный плод, могут объективировать также **гастрономический КК**: *агроусадьба* ***«Вишня»*** (д. Франополь) и др.

Зооморфный КК связан со зверями, птицами, иными представителями фауны: *агроусадьба* ***«Оленья»*** (д. Пашковичи) – по утверждению хозяев, к ним «с соседнего участка приходят *олени* и даже протоптали тропинку к тыквам»; кроме того, в ИС объективируется КК персонажный (игра слов *оленья* и *Оля*); ***«Рыжая кошка»*** **–** на сайте ТРО читаем: «…многие думают, что *рыжих кошек* не бывает (только коты могут иметь этот редкий цвет). Наша *кошка* Даша… совершенно *рыжая* – это чудо! Чудеса на этом не заканчиваются»; ***«Borzy kon»*** (д. Лесино); ***«Пескари»*** (д. Пескари) – ТРО расположен рядом с р. Лесная; ***«Медвежья завала»*** (д. Ежона); ***«Мишкина поляна»*** (д. Ятвезь); ***«Пчелка»*** (д. Черни); ***«Чижи»*** (д. *Чижи*); ***«Зарянка»*** (д. Язно); ***«Малиновка»*** (д. Летенец) и др.

Вещный КК связан с принадлежащими окружающему миру, заполняющими пространство предметами [2, с. 244]): *агроусадьба* ***«Талисман»*** (д. Бычь); ***«Озерная Жемчужина»*** (д. Заозерье) – в ИС объединяются предметный и эмоционально-характерологический КК (*жемчужина* ‘что-то особенное, сокровище чего-л.’); ***«Домашний очаг»*** (д. Луково) – устройство для разведения и поддержания огня стало символом дома, семейного тепла, уюта; ***«Гасцінец»*** (д. Чернавчицы) и др.

Акциональный КК вербализует обычаи, ценности, нормы поведения нашего этноса, точнее, происходит семиотизация культового, ритуального предмета: *агроусадьба* ***«Богач»*** (д. *Богач*) – эрговиконим напоминает о народном празднике, который заканчивал цикл выращивания урожая:

«*Багач* – лубок з жытам, у сярэдзіну якога ўстаўлялася свечка… Відавочная магічная скіраванасць абраду на захаванне дабрабыту, ураджайнасці, плоднасці жывелы, сямейнага ладу» [9, с. 172]; и нек. др.

Объединяет все КК, накладывается на них, пронизывает материальную и духовную жизнь представителей нашей лингвокультуры **духовный КК**: *агроусадьба **«Млынок»*** (д. Млыны) – бел. ’мельница’; ***«Буслянка»*** (д. Занарочь) – бел. ‘дом аиста’; *аист* для белорусов стал опекуном благополучия в доме, семье; символизирует дом, который притягивает к себе человека; ***«Родны кут»*** (д. Большая Сворotва); и др.

Таким образом, эрговиконимы относятся к «культуроносным» языковым единицам, репрезентируют базовые КК, иногда сразу несколько. Каждый из кодов задает и предопределяет метрически-эталонную сферу, участвующую в структурации и оценке материального мира [2, с. 205]. Между кодами нет и не может быть непроходимых границ. Система КК не гомогенна, они переплетаются, что порождает дополнительные смысловые оттенки, отсылки, ассоциации и делает объективирующие их эрговиконимы более сложными, глубокими, интересными.

Список использованной литературы

1. Ражина, В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. А. Ражина. – Краснодар, 2007. – 19 с.

2. Красных, В В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

3. Гудков, Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Отв. ред. : В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 39–50.

4. Швед, И. А. Классификация кодов культуры: к постановке проблемы / И. А. Швед // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы искусства: история, теория, методика», г. Минск, 10–11 апр. 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т имени М. Танка ; редкол. : М. Р. Баразна [и др.]. – Минск : БДПУ, 2014. – С. 100–104.

5. Бельченко, В. С. Наши символы: цвета, по которым узнают белорусов [Электронный ресурс] / В. С. Бельченко // Брагін info : сайт район. газеты «Маяк Палесся». – Режим доступа: http://www.bragin.by/2019/05/12-maya-den-gosudarstvennogo-gerba-respubliki-belarus-i-gosudarstvennogo-flaga-respubliki-belarus/. – Дата доступа: 26.09.2019.

6. Кононейко, А. А. Солнце [Электронный ресурс] / А. А. Кононейко // Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. – Режим доступа: https://history.wikireading.ru/405601. – Дата доступа: 20.10. 2019.

7. Васильева, Т. Ю. Реализация персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья / Т. Ю. Васильева // Ученые записки Витеб. гос. ун-та им. П. М. Машерова. – Витебск, 2012. – Т. 13. – С. 216–226.

8. Салахов, М. Вяз [Электронный ресурс] / М. Салахов // Лесные. – Режим доступа: http://xn--e1aaqjt5d.xn--p1ai/articles/derevja/elm.html. – Дата доступа: 30.09.2019.

9. Лобач, У. А. Этнаграфія Беларусі : вучэб.-метад. комплекс / У. А. Лобач. – Наваполацк : ПДУ, 2006. – 328 с.

А. А. Лекуновіч *(г. Брэст, БрДТУ)*
Навуковы кіраўнік – Я. Р. Самуйлік, канд. філал. навук, дацэнт

ДА ФАНЕТЫЧНЫХ АДМЕТНАСЦЕЙ ГАВОРКІ ВЁСКІ ПАСЯНІЧЫ ПІНСКАГА РАЁНА

Пасянічы – вёска ў складзе Аснежыцкага сельсавета, што размешчана за 4 км на поўнач ад раённага цэнтра горада Пінска. Паселішча вядома з XV ст. як сяло ў Пінскім княстве. У 1497 г. Пасянічы згадваюцца ў дарчай грамаце пінскай княгіні Мар'і Сямёнавай на наданне Васілю Алехнавічу Пратасовічу. Паводле іншых крыніц, першае ўпамінанне пра паселішча адносіцца да 1515 г. ці 1552 г. У 1503 г. пінскі князь Фёдар Іванавіч Яраслявіч даў у сяле 3 валокі баярыну Севасцьяну Валадзьку з умовай ваеннай службы. Пазней, у 1533 г., яго ўнукі Федка і Дзяніс Іванавічы Валадкевічы перадалі ў залог за даўгі ў 20 коп грошаў частку вотчыны "Марку Ескавичу жыду пинскому". У 1515 г. наданні ў сяле на дворышчы атрымалі ад князя Фёдара Іванавіча Яраславіча баяры Іван Даніловіч, Андрэй Кміта і падчашы, потым харунжы пінскі Венядзікт Фурсовіч. Апошні пазней запісаў Пасянічы ў пасаг сваёй дачцэ Ганне. З 1521 г. паселішча ў Пінскім старостве, у складзе валасцей вялікай княгіні Боны Сфорца. У 1567 г. Пасянічы – гэта дзяржаўнае ўладанне ў складзе маёнтка Пінск Пінскага павета Берасцейскага ваяводства ВКЛ. Паводле інвентару 1671 г., у сяле 31 валока 37 моргаў зямлі. Згадваецца Пасінскі дамініканскі манастыр, якому Жыгімонт пацвердзіў ранейшы фундуш на 3 валокі 12 моргаў зямлі. У 1750 г. фундуш манастыру запісалі Перасветы-Солтаны. У канцы XVIII ст. Пасянічы – гэта дзяржаўнае ўладанне ў складзе аднайменнага маёнтка Пінскага павета Берасцейскага ваяводства ВКЛ.

У выніку другога падзелу Рэчы Паспалітай (1793 г.) сяло ўвайшло ў склад Расійскай імперыі. З 1796 г. паселішча ў Пінскім павеце Мінскай губерні. У другой палове XIX ст. вёскі Пасянічы-1 (уласнасць Пуслоўскага), Пасянічы-2 (уласнасць Орды), Пасянічы-3 (уласнасць Юліі Спірыдонавай) у Аснежыцкай сельскай грамадзе Ставоцкай воласці. На пачатку XX ст. у вёсцы дзейнічала народнае вучылішча, пабудавана каменная капліца. У 1921–1939 гг. Пасянічы ў складзе Польшчы. Спачатку ў Ставоцкай, з 1928 г. у Жабчыцкай гміне Пінскага павета Палескага ваяводства. З 1939 г. Пасянічы ў БССР. З 4 снежня 1939 г. вёска ў складзе Пінскага павета, з 15 студзеня 1940 г. – Пінскага раёна Пінскай вобласці. З 12 кастрычніка 1940 г. Пасянічы – цэнтр аднайменнага сельсавета. У Вялікую Айчынную вайну з канца чэрвеня 1941 г. да ліпеня 1944 г. вёска акупавана нямецка-фашысцкімі захопнікамі. Паблізу паселішча 28 чэрвеня 1941 г. партызаны

атрада В. З. Каржа правялі першы бой, у выніку якога падбілі танк, захапілі некалькіх палонных і трафеі. У жніўні 1941 г. і кастрычніку 1942 г. частка жыхароў Пасянічаў была расстраляна ў Пінскім канцэнтрацыйным лагеры. На фронце загінула 12 аднавяскоўцаў. З 8 студзеня 1954 г. Пасянічы ў Брэсцкай вобласці. Трэцяга чэрвеня 1957 г. Пасяніцкі сельсавет быў скасаваны, а яго тэрыторыя ўвайшла ў склад новаўтворанага Аснежыцкага сельсавета. У вёсцы размешчаны помнікі гісторыі і культуры: капліца канца XIX – пачатку XX ст., магіла ахвяр фашызму, памятны знак у гонар першага партызанскага бою ў гады Вялікай Айчыннай вайны. На 4 сакавіка 2020 г. у Пасянічах налічвалася 406 жыхароў і 184 гаспадаркі (апошнія статыстычныя даныя па гэтым населеным пункце атрыманы ад супрацоўніцы Аснежыцкага сельсавета Белавус Вольгі Міхайлаўны [1, с. 448–449; 2, с. 604; 3; 4; 5, т. 1, с. 95–99, 136, 227, т. 2, с. 39, 67–71, 109, 288, т. 3, с. 18, 80–81, 157–159, 191, 306; 6, с. 347].

Для запісу дыялектнага матэрыялу намі была выкарыстана праграма “Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка” (дапрацаваны варыянт) [7, с. 32–35]. Дыялектны матэрыял у вёсцы Пасянічы (мясц. назва: *Посыны́чы;* жыхары: *посыны́чанцы, посыны́чанец, посыны́чанка*) быў запісаны ў ліпені–жніўні 2018 г. студэнткай першага курса факультэта электронна-інфармацыйных сістэм Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта Лекуновіч Настассяй Аляксандраўнай ад мясцовай жыхаркі Наварыч Алены Фёдараўны, 1954 года нараджэння.

Разгледзім асноўныя фанетычныя асаблівасці гаворкі в. Пасянічы Пінскага раёна.

Для даследаванай гаворкі характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [*і*], [*ы*], [*е*], [*а*], [*о*], [*у*]. У першую чаргу адзначым такую адметную рысу гаворкі, як захаванне этымалагічнага ***о** ў ненаціскных складах пасля цвёрдых зычных, г. зн. **оканне**: *wодá, дорóha, корówa, hолowá, молокó, пóночы* ‘цёмна’, *hóрод, hóлод, с’і́но, л’і́то, жы́то, садóк, трawá* і інш.

Найбольш яркая і паказальная асаблівасць націскнога вакалізму гаворкі – гэта рэалізацыя галосных [*і*], [*ы*] на месцы гістарычнага ***ѣ**: *л’іс, с’і́но, л’і́то, сн’іh, хл’іw, д’ід, w’і́т’ор, з’і́л’л’е, ц’іп* ‘прылада для малацьбы збожжа ручным спосабам, у выглядзе доўгай палкі (цапільна) з прымацаваным да яе гужыкам драўлянага біча’, *ц’і́ўка* ‘прыстасаванне ў выглядзе трубкі, на якое навіваюцца ніткі і якое ўстаўляцца ў чаўнок пры тканні’; *hрых, поры́заў, ры́чка, на мыжы́* і інш.

Наступнай значнай і адрознай адметнасцю гаворкі з’яўляецца вымаўленне гука [*у*] на месцы этымалагічнага ***о** ў новых закрытых складах пад націскам: *бул’ш, wуз, wун, wул, муст, пу́йдеш, коруўка, нус, стул, кун’, кут* і інш.

Істотная і выразная асаблівасць гаворкі – гэта наяўнасць галоснага [*ы*] ў першым пераднаціскным складзе ў наступных пазіцыях: на месцы гістарычных ***е**, ***ѣ** пасля губных: *wысна́, быда́, wыдро́, мышо́к, пысо́к;* на месцы этымалагічных ***е** (***ь**) пасля гістарычных ***з**, ***н**, ***с**, ***т**, ***д**: *зымл'а́, нымá, сыло́, тыпе́р, дын'о́к.*

Паказальнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца таксама рэалізацыя гука [*е*] на месцы этымалагічнага ***ę** ў паслянаціскных складах у словах тыпу *за́йец, па́мет'*. Аднак у пераднаціскных складах у акрэсленай пазіцыі ўжываецца галосны [*а*]: *wз'ала́, hл'ад'і́ў* і інш.

І апошняя значная асаблівасць гаворкі ў галіне вакалізму – гэта вымаўленне галоснага [*о*] на месцы паслянаціскнога гістарычнага ***е** ў лексемах *wе́чор, бе́рoh.* Аднак у націскным становішчы названы этымалагічны галосны захоўваецца ў словах *дал'е́ко, мед,* але *оўйе́*^{i}*с* 'авёс' ([*е*^{i}] – галосны гук, сярэдні паміж [*е*] і [*і*]).

Найбольш яркай і адрознай адметнасцю сістэмы кансанантызму гаворкі з'яўляецца рэалізацыя толькі цвёрдых зычных у наступных пазіцыях: губныя цвёрдыя перад гістарычнымі ***е** (ва ўсіх пазіцыях), ***ѣ** (у ненаціскных складах), ***і**, этымалагічныя ***з**, ***н**, ***с**, ***т**, ***д**, ***л** – перад гістарычнымі ***е** (***ь**), ***і**: *wысна́, бе́рoh, wе́чор, до мыне́, пе́ршый, быда́, wыдро́, мышо́к, пысо́к; забыра́ты, лоwы́ты, мы́ска, пыса́ты, робы́ты; зымл'а́, нымá, сыло́, тыпе́р, дын'о́к; зыма́, ны́ўка, косы́ты, ходы́ты; але́, лед', по́ле; колы́, лы́па, лы́ты, ходы́лы.*

Істотная асаблівасць гаворкі – гэта ацвярдзенне этымалагічных паўмяккіх ***д˙**, ***т˙** перад ***е**, ***і**: *ден', тыпе́р; ты́хо, ходы́ты.* Гістарычныя ж мяккія ***д'**, ***т'** захаваліся перад націскным ***ѣ** і на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *д'і́д, т'ін'; хо́дыт', но́сыт', хо́д'ат', но́с'ат'.*

Выразнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца пераход цвёрдых заднеязычных у этымалагічных спалучэннях ***гы**, ***кы**, ***хы**, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [*е*] ў прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку ў мяккія адпаведныя гукі: *до́ўh'ій, коро́тк'ій, ты́х'ій; до́ўh'е, коро́тк'е, ты́х'е.*

Паказальная асаблівасць гаворкі – гэта наяўнасць толькі цвёрдых гістарычных ***р**, ***ж**, ***ш**, ***ч** у пэўных пазіцыях: *пора́док, hрых, поры́заў, на дwоры́, жар, жы́то, на мыжы́, ша́пка, шыро́к'ій, wо́чы, wолочы́ты* 'баранаваць' і інш. Аднак этымалагічны ***ц** у гаворцы як цвёрды, так і мяккі: *ца́цка, копы́ца, хло́пцы* і *ц'ін, ц'і́wка, на конц'і́* і інш.

Значнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца зычны ***в**, што паходзіць з ***в**, ***л**. У пазіцыі перад галосным ён даў рэфлекс губна-губнога [*w*]: *wа́та, wода́, wо́л'ный, w'і́т'ор, плыwу́* і інш. Аднак у пазіцыі пасля галоснага гука

перад зычным і на канцы слова зычны [*в*] (<***в**, ***л**) рэалізуецца ў паўгалосны [*ў*]: *ла́ўка, пра́ўда, до́ўh'ій, купы́ў, оўйе́ʲс* і інш.

Істотная асаблівасць гаворкі – гэта вымаўленне фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [*h*]: *hусты́й, hо́род, hад'у́ка, з ноhы́* і інш.

Адрознай адметнасцю гаворкі з'яўляецца захаванне звонкіх зычных у канцавым становішчы і ў сярэдзіне слова перад глухімі: *wуз, дуб, нуж, hо́лод* і інш.; *заhа́дка, ка́зка, ну́жка* і інш.

Паказальная асаблівасць гаворкі – гэта рэалізацыя на месцы гістарычнага спалучэння "**мяккі зычны + ьj**" у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *з'і́л'л'е, нас'і́н'н'е.*

І апошняй яркай і выразнай адметнасцю гаворкі ў галіне кансанантызму з'яўляецца наяўнасць пратэтычных [*h*], [*w*] перад галоснымі [*а*], [*о*], [*у*]: *hану́ча, hора́ты, hо́стрый, hо́зыро, ныhо́дноhо, wо́сен', wо́чы, wу́лыца*.

Такім чынам, гаворка в. Пасянічы Пінскага раёна характарызуецца комплексам фанетычных асаблівасцей і адносіцца да паўночназагародскіх гаворак, адной з чатырох асобных разнавіднасцяў заходнепалескіх, або загародскіх, гаворак [8, с. 133–135, 136; 9, с. 24–25, 38–39; 10, с. 150–157, 201–202, 204–206, 208–209].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Т. 4, кн. ІІ. Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – 608 с.: іл.

2. Памяць : Пін. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелТА, 2003. – 621 с.

3. Вікіпедыя [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia.org/wiki/Пасянічы. – Дата доступу: 16.02.2020.

4. Wikiwand [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://www.wikiwand.com/be/Пасяніцкі_сельсавет. – Дата доступу: 16.02.2020.

5. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 3 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009–2016. – 3 т.

6. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / Акад. наук БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фальклора, Белорус. совет. энцикл. ; редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 417 с.

7. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.

8. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф. Д. Клімчук // Gdzie bije źródło... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Żygalova. – Lublin–Wisznice, 2015. – S. 129–143.

9. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; [рэд. М. І. Талстой] ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

10. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.

Е. А. Литвинович *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИИ НОВОЗАВЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

М. А. Кронгауз назвал блогосферу первой из наиболее информативных областей: «Язык интернета в основном изучается по блогам, то есть блог на сегодня – главный жанр интернета» [1, с. 4]. Огромное количество людей получили возможность самовыражения, такого количества пишущих никогда раньше не было. Каждая речевая личность характеризуется собственным набором изобразительных средств, но есть и универсальные, к которым можно отнести фразеологизмы новозаветного происхождения. Настоящая работа посвящена использованию таких фразеологизмов современными блогерами. Поиск по «Живому журналу» (LiveJournal) осуществлялся при помощи русских подкорпусов собрания корпусов Лидского университета [2].

Разумеется, в рамках небольшого исследования невозможно рассмотреть все фразеологизмы библейского происхождения (их можно насчитать более 200). Мы рассмотрим лишь два новозаветных фразеологизма, наиболее частотных в блогосфере и наиболее подверженных трансформациям, – *блудный сын* и *тьма кромешная*.

Фразеологизм *блудный сын* встретился 98 раз, 51 из них в форме родительного-винительного падежа, поскольку фразеологизм часто входит в сочетание *возвращение блудного сына* (в 5 случаях – в названии картины Рембрандта). Кроме того, 10 раз встретились грамматические трансформации данной фразеологической единицы (формы множественного числа): *блудные сыновья* (2), *блудные сыны* (8). Лексические трансформации фразеологизма *блудный сын* многочисленны и разнообразны, особенно за счет замены существительного другими названиями родственников: *блудная дочь* (10), *блудные дети* (3), *блудные родственники*, *блудное чадо*, *блудная сестра*, *блудная дщерь*, *блудные дщери и пасынки*, *блудная биомать*, *блудная богемная мама*, *блудные детки, блудный внук, блудный муж*. Вместо слова *сын* могут оказаться и другие существительные: *блудный друг*, *блудный Свин*, *кроткие блудные овечки, возвращение блудных будулаев* (совмещение сочетаний «Возвращение блудного сына» и «Возвращение Будулая»).

В отдельных случаях такое словосочетание имеет отрицательную коннотацию, выражает осуждение (*блудная богемная мама*), но в основном используется для обозначения лица, какое-то время отсутствующего

в определенном месте или в блоге. Например: *…Даже самые блудные тусовщики возвращаются с зимовок в Мск и Спб на море* (за точку отсчета взято море, поэтому блудными названы люди, находящиеся по месту основного проживания); *Ребята, встречайте блудного мыша* (автор – super_mish – некоторое время не добавлял записи в блоге); *возвращение блудной меня* (2 раза). Потеря фразеологизмом отрицательной коннотации и связи с первоначальной семантикой прилагательного *блудный* ‘грешный’ позволяет заменить слово *сын* названиями неодушевленных предметов и явлений: *возврат блудных девайсов*, *возвращение блудного снега*. То есть блудный означает просто ‘временно отсутствовавший и вернувшийся’. Соответственно блудным сыном в блогах может быть назван даже завод, изменяющий собственника: *МЗКТ (Минский завод колесных тягачей). Этот сын Советского Союза, волею судьбы оторванный от материметрополии, скоро будет с нами: глава Ростеха Сергей Чемезов хочет, чтобы завод встал под бело-сине-красный флаг и работал на оборонку России. … Блудный белорусский сын еще и удешевит производство шасси для ракетных зенитных комплексов и «Искандеров»*.

Фразеологизм *блудный сын* был обыгран в названии мультфильма «Возвращение блудного попугая» (в блогах упоминается 16 раз). Но это название послужило и базой для вторичной трансформации: *возвращение блудного дипломописца попугая* (блогерша, которая была занята защитой дипломной работы и поэтому не писала в блоге).

Фразеологизм *тьма кромешная* встретился 104 раза, но с первоначальным порядком компонентов – только 22, то есть данная фразеологическая единица выходит из группы цитатных. Прилагательное *кромешный* встретилось 342 раза, а поскольку оно фразеологически связанное, то фактически все его употребления можно отнести к фразеологизму *тьма кромешная*, но в 238 случаях наблюдается лексическая трансформация. Особенно часты замены существительного синонимами *темнота* (47), *темень* (10), *мгла* (7), *ночь* (9), *чернота*. Синонимы могут относиться к другому грамматическому роду или иметь форму множественного числа: *мрак* (11), *мрачняк*, *мрак и мгла*, *тучи*, *сумерки*. Сема ‘то, что не позволяет хорошо видеть’ объединяет слово *тьма* с существительными *дым*, *туман*, поэтому по 4 раза встречаются сочетания в *кромешном дыму*, в *кромешном тумане*. Такая же сема присутствует у слов *метель*, *мусорная буря*.

Тьмой кромешной в Евангелии от Матфея названа преисподняя (гл. 8). Прилагательное *кромешный* образовано от старого наречия *кроме* ‘вне, за пределами’ и первоначально означало ‘находящийся вне, за пределами (известного, видимого мира)’. Это значение проявляется в сочетании *кромешный демон*, а вот выражение *кромешный ад* является ярким примером плеоназма, однако оно встретилось в блогах 59 раз, что свиде-

тельствует об утрате прилагательным первоначального значения. Сейчас оно означает ‘абсолютный, сплошной, беспросветный’, что проявляется в словосочетаниях *кромешный ужас* (11), *кромешная тишина* (8), а также *печаль* (3), *жуть* (2), *кошмар*, *бардак* (2), *сумбур*, *усталость*, *нищета*, *бездарность*, *чушь*, *бытовуха*, *импотенция*, *коррупция*, *монотонность*, *тупость*, *холод*, *одиночество*, *разврат, поток, сон, пробки*, *будни*, и даже *бег* (2), *брак*, *атеизм*, *непрофессионализм*. В 13 случаях *кромешный* сочетается с обсценными существительными в значении ‘сложное, безвыходное положение’, такой же смысл выражают окказиональные сочетания *кромешный ахтунг*, *кромешный мордор*. Вероятно, ассоциация с адом придает прилагательному *кромешный* значение ‘глубочайший’: *кромешная бездна*, *кромешный провал*, *фейл был кромешным и беспросветным* (*фейл* – в молодежном сленге то же, что *провал*). А заголовок *Чат кромешный* появился на основе созвучия слов *ад* и *чат*, речь в данном тексте идет о закрытии одного из сайтов.

Далее слово *кромешный* приобретает значения общей отрицательной оценки и значение большой интенсивности. Первое из них, например, обнаруживается в сочетании *кромешные ситуации* или в следующем тексте: *Я, к примеру, знала, что Чарская – это не очень то хорошо. Но во-первых в ней есть обаятельная искренность, которая искупает и* ***кромешную стилистику*** *текстов и сюжетные ходы типа «внезапно в кустах стоял рояль»*. А второе – во фразе *Сам герой был вознесён на щит со славой кромешного правдоруба и заправдустрадальца*. И это не единичное сочетание прилагательного *кромешный* с наименованием лица – встретились еще *кромешный неудачник*, *преступник*, *негодяй*, *кромешные анацефалы, дуры*. *В* таких сочетаниях прилагательное означает постоянство и интенсивность признака, содержащегося в семантике определяемого слова. Некоторые примеры не поддаются однозначной интерпретации (*кромешный миг, под высвисты кромешные неведомых бандур*).

Таким образом, в блогах исследуемые библеизмы подверглись различным трансформациям, прилагательные *блудный* и *кромешный* приобрели новые значения, выходя за рамки фразеологизмов.

Список использованной литературы

1. Кронгауз, М. А. Самоучитель олбанского / М. А. Кронгауз. – М. : Corpus, 2013. – 416 с.

2. Russian corpora [Электронный ресурс] // Centre for Translation Studies. – Режим доступа: http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html. – Дата доступа: 07.05.2018.

М. Д. Лукша *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

РУССКИЙ БЫТ В ИДИОЛЕКТЕ И. А. ГОНЧАРОВА: СФЕРА ПИТАНИЯ

И. А. Гончаров – писатель неповторимый и самобытный, достигший вершин в области русской прозы. О его романе «Обломов», раскрывающем классический тип русского национального характера, много писали и при жизни Гончарова, и позже. А вот о языке «Обломова» почти не пишут. Между тем творчество Гончарова – явление чрезвычайно интересное не только вследствие сложности эстетических установок автора, многообразия тем, разноликости героев. Тексты, созданные этим писателем, являются также ярким феноменом художественной речи, требующим углубленного исследования в свете современной лингвистической науки.

Специфика языка И. А. Гончарова обусловлена особенностями его картины мира, принадлежностью к эстетике критического реализма, особой манерой письма – словом, особенностями его идиостиля. Исследователи характеризуют стиль его прозы как «эпически замедленное, изобилующее тщательно отобранными, глубоко продуманными бытовыми и психологическими подробностями повествование о частной жизни немногочисленных героев, взятой в ее повседневном течении» [1, с. 631].

Важное место в индивидуально-художественной языковой картине мира Гончарова, который является в реализме ярчайшим представителем натуральной школы, занимает концепт «Русский быт». Романы писателя примечательны детализацией вещного мира. Посвятивший серию статей творчеству И. А. Гончарова Д. С. Мережковский в 1890 году отмечал, что «Гончаров, проходя равнодушно мимо ярких эффектов, относится гораздо внимательнее и любовнее к простому и будничному» [2]. Современные исследователи, кроме того, подчеркивают такую особенность личности Гончарова, как высокая требовательность к себе: он считал необходимым глубоко и досконально знать предмет описания: «Литератору, если он претендует не на дилетантизм…, а на серьезное значение, надо положить в это дело чуть не всего себя и всю жизнь» [1, с. 625].

Рассмотрим, как в рамках концепта «Русский быт» И. А. Гончаров представляет в тексте романа «Обломов» лексику, связанную со сферой питания. Лексика этой сферы вмещает значительный объём культурно-исторической информации, являющейся как универсальной, так и национально-специфической. Это отдельная, самостоятельная культурная область бытия, без которой невозможно само существование человека.

В начале XIX в. в сфере питания происходят кардинальные перемены: окончательно разделяется дворянская и крестьянская кухня. После Великой французской революции с конца XVIII века в Россию приходит мода на все западноевропейское, появляются новые продукты и блюда (*омары*, *пармезан*, *беф а ла Строганов*, *омлет о финзерб* и др.). В меню дворянства по-прежнему господствовали свойственные русской кухне блюда из натуральных продуктов, но изменились рецепты их приготовления и названия. Появились бифштексы, лангеты, эскалопы, антрекоты, клопсы, котлеты отбивные и др. В практику вошла подача основного продукта с гарниром и под соусом. В Россию стали импортировать такие продукты, как сыр, сливочное масло, сельдь, рис, сахар, виноградные вина, водку, ром, пиво, портер и другие алкогольные напитки, кофе, чай, фрукты, пряности и т. д. [3, с. 107]. Между тем в старых помещичьих усадьбах, наравне с западноевропейскими блюдами, можно было повстречать исконно русское меню: ботвинью и окрошку, суп, подовые пироги, уху и т. д.

В текстовом пространстве романа «Обломов» мы выделили около 70 единиц субстантивной лексики, тематически связанной с понятием «продукты питания». Это номинации, выраженные именами существительными разного рода, в том числе субстантивированными: *окорок*, *пармезан*, *картофель* (муж. род); *селянка*, *кулебяка*, *лапша* (жен. род.); *печенье*, *варенье*, *жаркое* (ср. род). Некоторые слова отмечены только в форме множественного числа (*блины*, *омары*, *трюфели*, *устрицы*, *щи*). Фиксируются также существительные singularia tantum: *ветчина*, *картофель*, *сметана*, *солонина*.

Кроме однословных номинаций есть и составные наименования в виде словосочетаний, построенных по типу согласования (*английский суп*, *провесная рыба*, *сладкие мяса*, *чухонское масло*) или управления (*цыплята в папильотках*, *суп с потрохами*, *уха с ершами*) и др.

Содержание названных номинаций характеризует гастрономические предпочтения как патриархального, так и нового русского дворянства. В рассматриваемой тематической группе отмечено наибольшее количество блюд из мяса животного происхождения (19): *баранина*, *бифштекс*, *желудок*, *индейка*, *котлеты*, *окорок*, *ростбиф*, *рубцы*, *сладкие мяса* (обозначение приготовленных под соусом желез внутренней секреции домашних животных), *язык* и др. Названные блюда подавались или в виде холодных закусок (*ветчина*, *желудок*, *окорок*, *телятина*, *язык* и др.), или как вторые блюда (*бифштекс*, *жаркое*, *ростбиф*, *рубцы*, *цыплята в папильотках* и др.).

Кроме мясных блюд, в тексте упоминаются закусочные блюда из рыбы (7 слов): *лососина/лосось*, *осетрина/осетр*, *форель*, *селёдка*, *провесная рыба* (вяленая рыба); блюда из экзотических для России морских

животных (*омары*, *устрицы*). Рыбные блюда всегда были частью русского питания, но омары и устрицы пришли из Западной Европы.

Обычным для русской кухни было употребление похлёбки – жидкой пищи. Речь идет о первых блюдах. В тексте «Обломова» это лексемы: *английский суп*, *ботвинья*, *бульон*, *окрошка*, *селянка*, *суп с потрохами*, *щи*, *уха*, *уха с ершами* и др. Первая номинация обозначает густой наваристый крем-суп с говядиной, фаршем, фасолью, овощами, пришедший из Англии и Шотландии. Селянка – блюдо русской кухни, суп на крутом мясном, рыбном или грибном бульоне с острыми приправами, современная *солянка*.

Исконно в русском питании существовали и блюда из теста – пироги, пирожки и др. Слово *пирог* даже этимологически производно от слова *пир*. А. И. Гончаров упоминает в тексте «Обломова» *бисквит*, *блины*, *булку*, *вареники*, *воздушные пирожки* /*пирожки с воздухом* (без начинки), *крендель*, *кулебяку*, *печенье*, *сухарики*, *хлеб*. К десертам и напиткам можно отнести около 15 номинаций: *абрикосы*, *ананас*, *брусничную воду*, *варенье*, *вишневый кисель*, *вишни*, *грушевую воду*, *лимон*, *мед*, *персики*, *чай*, *кофе*, *ягоды*.

В кругу номинаций продуктов отмечаются исконно русские и иноязычные лексемы, так как в культуре питания несложно заметить взаимодействие старого, патриархального уклада и новых, европейских веяний. В этом смысле в тексте «Обломова» показательно описание обеда у Агафьи Матвеевны: *Вместо жирной* ***кулебяки*** *явились* ***начиненные воздухом пирожки****; перед* ***супом*** *подали* ***устриц; цыплята в папильотках, с трюфелями, сладкие мяса****, тончайшая зелень,* ***английский суп****. Посередине стола красовался громадный* ***ананас****, и кругом лежали* ***персики***, ***вишни***, ***абрикосы***.

Детальное описание обедов в Обломовке, у Штольца, у Пшеницыной информативно в разных отношениях. С одной стороны, эта детализация характеризует когнитивный уровень языковой личности Гончарова, его осведомленность в изображаемом предмете. С другой – обилие лексики, связанной со сферой питания, и представление обеденных сцен в подробностях позволяет проследить эволюцию характеров персонажей романа, развитие их отношений. Писатель «показывает нам не только влияние характера на среду, на все мелочи бытовой обстановки, но и обратно – влияние среды на характер» [3]. Внешним поводом смерти Обломова стали лень и чревоугодие. Однако он оказался обреченным и на физическую, и на духовную гибель потому, что не смог оторваться от прошлого и найти свое место в изменившемся мире.

Список использованной литературы

1. Русские писатели. 1800 – 1917: Биографический словарь / Редкол.: П. А. Николаев (гл. ред.) и др. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – Т. 1 : А – Г. – 1989. – 672 с.

2. Мережковский, Д. С. Вечные спутники [Электронный ресурс] / Д. С. Мережковский. – СПБ.: Азбука-классика, 2007. – Режим доступа: https://rozamira.nl/lib/kritika/merezhkovskij/vechnye_sputniki.html. – Дата доступа: 23.05.2020

3. Шипилов, А. В. Русская бытовая культура: пища, одежда, жилище (с древнейших времен до XVIII в.) : монография / А. В. Шипилов. – Воронеж : ВГПУ, 2007. – 567 с.

К. И. Лысенкова *(г. Смоленск, СмолГУ)*
Научный руководитель – Н. А. Максимчук, доктор филол. наук, проф.

ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП *РОЖДЕНИЕ, СМЕРТЬ, СВАДЬБА* В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ШУМЯЧСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ

Вопрос изучения культурного наследия, отраженного в языке, является актуальным. Становление полноценной языковой личности невозможно без восприятия языка как живого организма в рамках материальной и духовной культуры народа. Особенно интересным на наш взгляд является изучение лингвокультурных особенностей пограничных территорий. На таких территориях картина мира народа формируется под влиянием особенностей двух языков и культур, в связи с чем мы можем говорить о едином культурном и языковом пространстве территории приграничья.

В качестве ареала исследования нами было выбрано так называемое Шумячское Порубежье (часть Смоленско-Беларуского приграничья), характеризующееся яркими особенностями исторического, этнографического, лингвокультурологического плана.

В своей статье мы рассматриваем лингвокультурные особенности Шумячского Порубежья на примере лексем тематических групп (далее – ТГ): *Рождение*, *Смерть* и *Свадьба*.

Исследование проводится на материале фольклорных текстов указанной тематики, собранных методом полевых исследований с привлечением краеведческих источников. Для сравнения нами были взяты еще два района: Хиславичский, граничащий с РБ на юге Смоленской области, и Руднянский, граничащий с РБ на западе.

В тематической группе *Рождение* наиболее частотными оказалось слово *родины*. В Словаре смоленских говоров данного слова нет, так как Шумячское порубежье в целом слабо представлено в Словаре по причине своей порубежности и относимости диалектологами, по преимуществу, к белорусским говорам.

В речи жителей Порубежья слово *родины* употреблялось для обозначения празднования по случаю рождения ребенка, которое проходило

в доме семьи в первый послеродовой день. В последнее время, в XX в., когда детей стали рожать не дома, а в больнице, такой обряд проходил уже не в первый послеродовой день, а в первый день после выписки матери и ребенка из больницы. Обычно было много гостей, которые чаще приходили сами, а не по приглашению. В одной из деревень на родины должны были приходить только женщины. Они приносили подарки, хорошие пожелания и поздравления. При этом ребенка им не показывали.

В речи жителей порубежья мы встретили также наименование обряда к*рестьбины*, т. е крещение. Слово *крестьбины* приводится в Словаре смоленских говоров с пометой «только множественное число», а в описании указано, что это наименование крестин. Таким образом, мы видим, что перед нами словообразовательный диалектизм.

Отметим, что ударение в слове *крест**и**ны в* говоре Шумячского Порубежья с суффикса перенесено на корень *кр**е**стьбины*.

В текстах ТГ *Смерть* наиболее встречаемым оказалось слово *вечеря,* отсылающее нас к событиям новозаветной истории [1, с. 22].

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова мы видим, что *вечеря* – церковное, книжное, устаревшее слово, которое обозначает ужин [2, с. 52].

В Словаре смоленских говоров слово *вече*ря имеет два значения: вечерняя еда и кушанье для вечерней еды [3, с. 35].

Укажем, что в говорах Шумячского Порубежья ударение в слове *вечеря* с первого слога (*в**е**черя*) переходит на второй (*вече**е**ря*).

В речи опрашиваемых слово *вече**е**ря* употребляется для описания ужина, который начинался вечером и продолжался всю ту ночь, которую умерший оставался дома. Вечером накрывали стол, зажигали свечи и приглашали к столу всех, кто «сидел» у покойника. Обязательным считалось позвать за стол тех, кто помогал омывать и переодевать умершего, а также тех, кто помогал готовить ужин. На следующий день после вечери были похороны.

Вечеря в рассказах жителей Порубежья часто связывается с образом *плакальщиц*, женщин которые пели обрядовые погребальные песни или с образом певчих, тех, кто всю ночь поёт (читает) над умершим специальную молитву – *акафист*. В говорах Шумячского Порубежья слово *акафист* звучит как *акафис* или *кафис.*

Равным по встречаемости в речи респондентов, наряду с *вечерей,* является слово *помин*. В ССГ указано, что это наименования поминок.

В речи жителей Порубежья слово *помин* означает обед (иногда его называют поминальным обедом), который проводился непосредственно после похорон. Такой обед должен содержать не менее 12 блюд, два из которых были обязательными. Первое блюдо, которое подавалось на

поминальном обеде – *кутья* – блины с мёдом или сладкая рисовая каша, а второе блюдо, подававшееся последним, – гречневая каша, которую местные жители называют «*кашей-разгоняшей*», так как после нее гости должны были разойтись. Приглашали на поминальный обед гостей словами «на хлеб-соль», а после каши просили «по хлебу – по соли». После каши, на выходе из дома, где был поминальный обед, гостям предлагалась просвирка, разрезанная на маленькие кусочки, и компот. Несколько реже для обозначения обеда в день похорон используется выражение «горячий обед».

В ТГ *Смерть* часто встечается также слово *ручник*. Респонденты употребляли это слово для описания тканого полотенца, на котором раньше опускали гроб в могилу.

В Словаре смоленских говоров мы не нашли данного слова, что еще раз подтверждает малую представленность говоров Порубежья в ССГ.

Самым частоупотребляемым словом в ТГ *Свадьба* оказалось слово *повыйти*, в значении ‘выйти замуж’.

Второй по частоте употребления лексемой, входящей в ТГ *Свадьба*, являются лексемы, обозначающие обед/ужин в доме невесты. С пометой *Шумячский район* мы нашли одно такое выражение – *отгостный обед*, то есть обед в доме невесты на второй день после свадьбы. Ударение в данном слове перходит с суффикса в производящем слове *гост**и**ть* на корень в производном слове *отг**о**стный*.

Слово *приданка* в Шумячском районе употребляется для обозначения приданого невесты, а в Руднянском для обозначения подружки невесы [4, с. 126].

Слово *панихидник* обозначает поминальные пирог как для Шумячского, так и для Хиславичского районов.

Все эти действия и реалии отражаются в фольклорных текстах, которые сопровождают определенные этапы жизни человека.

Лексический материал говоров Порубежья разнообразен и ярок. Он получил отражение в наиболее распространённых социальных актах: в проведении народных праздников, в свадебном обряде, а также в обрядах, сопровождающих рождение, похороны и поминки.

Всё это обусловливает необходимость более детального изучения и описания особенностей диалектной картины мира жителей Шумячского Порубежья.

Список использованной литературы

1. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. – М. : Авангард, 1994. – 298 с.

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп.. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

3. Словарь смоленских говоров : вып. 1–11 / под. ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. – Смоленск : СГУ, 1974 – 2005.

І. М. Мазурук *(Амелянецкая СШ Камянецага р.)*
Навуковы кіраўнік – В. М. Філосаф, настаўнік вышэйшай катэгорыі

ЛЕКСІЧНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ў ІНТЭРНЭТ-ПРАСТОРЫ (НА ПРЫКЛАДЗЕ НЕЗАЛЕЖНЫХ ІНТЭРНЭТ-САЙТАЎ)

Мова кожнага народа няспынна папаўняецца новымі словамі, якія называюць новыя паняцці з розных сфер дзейнасці чалавека; такія словы называюцца неалагізмамі (ад грэч. *neos* ‘новы’, *logos* ‘слова’; літаральна ‘новае слова’). Патрэба ў стварэнні такіх слоў ад каранёў роднай мовы або ў запазычанні з іншых моў будзе заўсёды. Наш імклівы час, напоўнены новымі з’явамі, ідэямі, падзеямі, патрабуе і новых назваў для іх. Якія тэндэнцыі існуюць ў папаўненні лексічнага запасу мовы, чым яны абумоўлены? На гэтыя пытанні трэба было знайсці адказ. Дзеля гэтага мы прааналізавалі больш за 100 лексічных адзінак, што былі зафіксаваны на сайтах «Радыё “Свабода”», “Беларускі свет”, “Мая Краіна Беларусь”, “Газета “Наша Ніва” з 1чэрвеня па 30 лістапада 2019 г. Сайты знаходзяцца ў так званым незалежным блоку інтэрнэт-рэсурсаў, што накладвае пэўны адбітак на іх моўнае афармленне. Чаму менавіта кантэнт з гэтых сайтаў выклікаў нашу цікавасць? Па-першае, гэта даволі распаўсюджаныя беларускамоўныя сайты. Па-другое, тут назіраецца вельмі шмат новых лексічных адзінак.

Аўтары, якія ствараюць кантэнт на гэтых інтэрнэт-сайтах, імкнуцца як мага меней ужываць словы, падобныя да рускіх, і таму шукаюць адпаведнікі ў іншых мовах, пры гэтым асаблівасць інтэрнэт-прасторы патрабуе скарачэння даўжыні радка, перадачы інфамацыі лаканічнымі сродкамі. Вялікі ўплыў на беларускую мову маюць англіцызмы. Напрыклад, ***фітнэс-трэкер*** (англ. *fitness tracker*) – гэта прылада або дадатак, прызначанае для маніторынгу паказчыкаў, звязаных з фітнесам; ***дог-фрэндлі*** (англ. *dog friendly* ‘сабака-сябар’) – установа, наведаць якую можна з сабакам.

Украінізацыя – палітыка прасоўвання і ўкаранення элементаў украінскай мовы і ўкраінскай культуры, у розных сферах жыцця. У апошні час беларуская мова пачала ўкраінізавацца, гэта значыць, падвяргацца вялікаму ўплыву братняй мовы. Запазычваюцца ў беларускія тэксты як самастойныя, так і службовыя часціны мовы, што пачынае ўплываць на лад нашага выказвання. Вось некаторыя прыклады ўкраінізмаў: ***гаманец*** – ад укр. *гаманець* ‘кашалёк’; ***валізка*** – ад укр. *валізка* ‘чамадан’.

Зафіксаваны таксама некаторыя новыя словы, запазычаныя з іншых моў, напрыклад, ***маскот*** з польскай мовы: *masckot* – ‘талісман’, назва чалавека, жывёлы або аб’екта, які прыносіць поспех. ***Хіпстаршtрасэ*** з нямецкай мовы – вуліца хіпстараў.

Пад уплывам ідэй фемінізму ў беларускай мове (у адрозненне ад рускай) з’явілася група слоў – фемінітываў, якія пакуль не нарматыўныя, але могуць надалей атрымаць гэты статус. Яны ствараюцца па мадэлі “аснова слова, што абазначае асобу мужчынскага полу +суфікс *-к*”: ***адвакатка*** (жанчына адвакат); ***мэнеджэрка*** (жанчына, якая працуе мэнеджэрам).

Як паказваюць назіранні за мовай сайта «Радыё “Свабода”», аўтары кантэнту часта выкарыстоўваюць словы, якія ў літаратурнай мове лічацца састарэлымі. Гэта, на наш погляд, абумоўлена жаданнем стваральнікаў адштурхнуцца ад рускай мовы і зрабіць беларускія тэксты больш вестэрнізаванымі (прыпадобненымі да заходняй культуры). Напрыклад, ужыванне слова ***рэкрут*** (ад фр. *Recruter* ‘набіраць войска’) замест *прызыўнік*; ***гелікоптэр*** замест *верталёт*; ***леманtар*** (з польскай) замест *буквар*.

Выяўлены ў лексіцы сайта таксама і адваротны працэс, які можна назваць *карэнізацыяй* маўлення. Ён заключаецца ў тым, што, замест запазычаных слоў, што існуюць у літаратурнай мове, з’яўляюцца адпаведныя беларускія найменні. Прывядзем прыклады. ***Падабайка*** замест запазычанага з англійскай мовы слова *like* ‘падабаецца’, ‘ухваляю’; ***траўнік*** замест запазычанага з франц. мовы слова *газон*.

Многія новыя словы ўтвараюцца ў самой мове з выкарыстаннем адпаведных сродкаў. Гэта можа быць пераклад з рускай мовы: ***варушняк*** – актыўны адпачынак (у клубе, на дыскатэцы) ад слова *варушыцца* (рускі адпаведнік *движуха)*.

Сярод розных тыпаў неалагізмаў (уласна беларускіх утварэнняў, калек, паўкалек, запазычанняў) асобае месца займаюць скарочаныя словы, або абрэвіятуры. На старонках сайтаў зафіксаваны цікавыя абрэвіятуры: ***G20*** (Вялікая дваццатка) ад англ. *The Group of Twenty, major advanced and emerging economies* – клуб урадаў і кіраўнікоў цэнтральных банкаў дзяржаў з найбольш развітой эканомікай.

Такім чынам, на інтэрнет-сайтах у маўленні існуюць дзве супрацьлеглыя, але ўзаемадапаўняльныя тэндэнцыі – карэнізацыя (прыцягненне да актыўнага ўжывання архаізмаў з мэтай зрабіць мову больш разнастайнай) і вестэрнізацыя (прыпадабненне беларускай мовы да моў заходніх краін, напрыклад, ангелізацыя – з’яўленне такіх слоў, як *шэрынг, оўпэн-эйр, фронтмэн,* паланізацыя, напрыклад, запазычваюцца з польскай мовы такія словы, як *маскот, выспа*) якія, магчыма, будуць уплываць на развіццё беларускай мовы наогул. Многія новыя словы запазычаны з іншых моў.

Асобна стаіць працэс украінізацыі беларускага інтэрнэт-маўлення, актыўна ўжываюцца такія словы, як *спаруда, гаманец, параза, валізка, вугорцы*.

На з'яўленне новых слоў у сучаснай інтэрнэт-прасторы можна паглядзець з двух бакоў. Калі новыя словы характэрызуюць з'явы, якім няма наймення ў беларускай мове або ёсць толькі апісальны зварот, то гэта станоўчыя прыклады: ***фітнэс-трэкер***.

А вось адваротны прыклад. Замена існуючага слова *верталёт* архаізмам *гелікоптэр*, на наш погляд, толькі абцяжарвае разуменне тэксту. Да такіх прыкладаў можна аднесці *агенцыя* замест *агенцтва, няўдаха* замест *няўдачнік*. Наогул, мова развіваецца і якія словы трапяць у літаратурную мову, а якія застануцца па-за ёй, пакажа час.

И. Маркелова *(г. Шумен, ШУ им. еп. Константина Преславского)*
Научный руководитель – Е. В. Стоянова, доктор филологии, проф.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА *ШАРОМЫЖНИК*

Словарь – это вся Вселенная,
расположенная в алфавитном порядке (А. Франс).

Лексика – это отражение историко-культурного развития страны. Она считается самым подвижным уровнем языка. Постоянно развиваясь, словарный состав языка реагирует на все изменения в жизни общества. Слова фиксируются в лингвистических словарях, по которым создается портрет лексем, каждая из которых имеет свою судьбу. Подвижность лексических пластов наблюдается в революционные периоды, когда происходят коренные общественные перемены [1, с. 95–99]. Тогда лексическая миграция проявляется с особой силой. Русский язык на современном этапе характеризуется процессами внутриязыкового стилистического перераспределения, вторжением большого количества заимствований и терминов [2, с. 249–253; 3, с. 95–99].

Целью статьи является создание частичного лексикографического портрета слова *шаромыжник* (*шаромыга*).

Появление этого слова в русском языке часто относят к эпохе французской языковой моды. Считается, что в русский язык из французского в период войны с Наполеоном пришли не очень привлекательные, стилистически сниженные слова *шантрапа, шваль, шушера, шпана, шаромыжник*, которые связывают со вторжением французов на русские земли. В этимологических словарях указывается, что слово *шаромышник* формируется из преобразованного на русский лад в существительное

французского обращения *cher ami* ‘дорогой друг’ [4; 5, с. 411]. Такое объяснение обыгрывается в художественной литературе. Например, в стихотворении В. В. Князева «Патриотическая филология»:

О чем грустит почтенный книжник?
«Язык вандалов»? – Не рюми!
Ведь косолапый шаромыжник
Произошел от cher ami!.. [6, с. 180].

Согласно преданиям, по старой смоленской дороге отступали остатки наполеоновской армии. Измученные голодом и холодом «бравые» завоеватели Европы, замерзшие, совершенно измотанные партизанами, превратились в жалких оборванцев. Они уже не требовали у русских крестьян еду, как раньше, а очень вежливо, смиренно и жалостливо просили. Французы обращались к крестьянам и произносили «cher ami», что означает ‘дорогой друг’. Вот так постоянно слыша «cher ami, cher ami, cher ami…», русские крестьяне и прозвали французских попрошаек – *шерамыжниками* или *шаромыжниками*.

Существует и другая версия происхождения слова *шаромыжник*. Е. Рябикова в статье «Шаромыжник и шантрапа: изучаем историю слова» [Комсомольская правда, 28.06.2016] пишет о том, что французское происхождение слова – это только красивая легенда. На самом деле задолго до войны с Наполеоном в русском языке было слово *шаромыга*. Оно произошло от слова *шарма*, что в переводе на современный русский язык означает ‘даром, бесплатно’. Если задуматься, подобное значение сохранилось во фразеологии: *на шару* ‘жарг. на дармовщинку, бесплатно, даром’. Таким образом, *шаромыжниками* называли любителей поживиться за чужой счет. Подобная версия приводится и в этимологическом словаре. Предполагается сближение по народной этимологии с *ша́рить* и *мы́кать*, слово создается по аналогии со словами с суффиксом *-ыга* (ср. Ваты́га) [5, с. 411]. К иллюзорным галлицизмам офенского происхождения относит слово *шаромыжник* И. Г. Добродомов [7, с. 188–204].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля *шеромыга, -мыжка об. -мыжник. м. -ница ж.* имеет значение ‘шатун и плут, обирала, оплетала, обманщик, промышляющий на чужой счет’ [8]. В ряде словарей, в том числе в словаре, составленном по произведениям русской литературы XVIII–XIX вв., значение слова *шаромыжник* определяется как ‘тот, кто любит поживиться за счет чужих; ловкач, жулик’. Например: *Мыде, говорит, этаких широмыжников и подлецов видали* («Ревизор» Н. В. Гоголя) [9; 10; 11]. В современном толковом словаре Т. Ф Ефремовой разграничиваются два значения слова *шаромыжник*: ‘1. Тот, кто любит поживиться на чужой счет’ и ‘2. Жулик, обманщик’ [12].

Во всех словарях отмечается сниженная стилистика слова. В 4-томном «Словаре русского языка» слово имеет помету *бранное* [10], а «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова определяет как просторечное, презрительное [13].

Популярность анализируемого слова в русском языке способствовала появлению ряда его производных по различным словообразовательным моделям: *шаромыга*, *шаромыжка*, *шаромыжник*, *шаромыжница*, *шаромыжничать*, *шаромыжничество*, *шаромыжный*.

Анализ материала газетного корпуса в Национальном корпусе русского языка демонстрирует относительную активность слова *шаромыжник* в современном русском языке – фиксируется незначительное количество примеров. В медиатекстах *шаромыжник* употребляется в следующих значениях:

1. ‘тот, кто любит поживиться за чужой счет’, например: *Знал бы бедный Шишкин, как его именем прохиндеи обманывают шаромыжников, как шаромыжники «накалывают» чиновников, а те «кидают» бедный народ* [Комсомольская правда, 2006.06.16];

2. ‘жулик’, например: *– Ну, вы хотя бы в фотошопе причесочку-то поправьте мне. А то не джентльмен, а… шаромыга какой-то, – причитает наш лауреат из-за приоткрытой двери примерочной* [Советский спорт, 2011.11.09];

3. ‘воришка’, например: *Китайцы, освоившие самые передовые технологии – архитектурные, компьютерные, строительные – это уже не те* ***шаромыжники****, которые недавно на коленках свинчивали зонтики и грузили товарняками в Россию* [Комсомольская правда, 2013.04.20];

4. ‘бродяга, бездомный’, например: *И доныне в русском языке употребляется слово* ***шаромыжник*** *в значении бродяга, бездомный, возникшее именно благодаря французским пленным* [Комсомольская правда, 2012.05.07].

Таким образом, активное употребление слов *шаромыжник* (*шаромыга*) в художественной литературе XIX в. и в разговорном языке XX в. сменяется в настоящее время снижением интереса к этому слову в языке медиа. В медиатекстах лексема встречается не так часто и функционирует в четырех значениях, обозначая того, кто любит поживиться за чужой счет, жулика, вора, бездомного.

Список использованной литературы

1. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 319 с.

2. Стоянова, Е. Сознательное сопоставление лексических микросистем как принцип национально-ориентированного преподавания русского языка в болгарской аудитории / Е. Стоянова // Культура русской речи в условиях многоязычия : материалы

II Междунар. науч.-практ. конф. (Махачкала, 18–19 мая 2015 г.) / отв. ред. М. Д. Ваджибов. – Махачкала : ДГУ, 2015. – С. 249–253.

3. Стоянова, Е. Жаргон как специфическая особенность состояния современной лингвокультуры. / Е. Стоянова // Русистика 2018. – Шумен : Химера, 2018. – С. 95–99.

4. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Г. А. Крылов. – СПб. : Виктория плюс, 2008. – 432 с. – Режим доступа: http://www.slovopedia.com/25/216/1652492.html. – Дата доступа: 02.05.2020.

5. Фасмер, М. Р. Этимологический словарь русского языка : в 4. т [Электронный ресурс] / М. Р. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – Режим доступа: http://www.slovorod.ru/etym-vasmer/_pdf/vasmer-etymologic-dict4.pdf. – Дата доступа: 30.04.2020.

6. Князев, В. В. Патриотическая филология // Русская стихотворная сатира 1908–1917-х годов. – Л. : Советский писатель, 1974. – С. 404–411.

7. Добродомов, И. Г. Иллюзорные галлицизмы офенского происхождения шаромыга, шармак. / И. Г. Добродомов // Русистика: прошлое и настоящее национального языка : сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Б. И. Осипова. – Омск, 2009. – С. 188–204.

8. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: http://slovardalja.net/word.php?wordid=43527. – Дата доступа: 02.05.2020.

9. Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] / сост. Л. А. Глинкина. – Режим доступа: http://niv.ru/doc/dictionary/rus-literature-forgotten-words/index.htm. – Дата доступа: 02.05.2020.

10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 4 т.

11. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

12. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. / Т. Ф. Ефремова – М. : Рус. яз., 2000.

13. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Рус. яз., 1934–1940. – 4 т.

Д. С. Мартэн *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ТЕМАТИЧЕСКИЙ МОТИВ «МЕСТО» В НОМИНАЦИЯХ КИНОПРОИЗВЕДЕНИЙ

Жизнь современного социума сложна и многогранна, в ней переплетаются материальное и духовное. В бешеном темпе жизни, в мире информационных технологий человеку важно не потерять себя, остановиться, послушать и вслушаться, посмотреть и всмотреться, задуматься над важными, нередко вечными вопросами... А помочь в этом способно **искусство** – «форма творчества, способ духовной самореализации человека посредством чувственно-выразительных средств (звука, пластики тела, рисунка, слова, цвета, света, природного материала и т. д.)». Цитируемая

«Философская энциклопедия» также отмечает, что свойства содержания и формы произведения искусства, а также способ его восприятия не только свидетельствуют о психическом своеобразии творца, но и характеризуют коллективные формы переживания, направленность мышления, свойственные культуре породившей его эпохи [1].

Произведение искусства можно рассматривать как текст, важным компонентом которого является название. В ономастике существует специальный термин для обозначения данной группы онимов – **артионимы** (лат. *ars/artis* ‘искусство’, греч. *onima* ‘имя’) [2, с. 38]. К ним относятся и **фильмонимы**, ставшие объектом нашего исследования (300 названий кинопроизведений, выпущенных Республиканским унитарным предприятием «Национальная киностудия “Беларусьфильм”») [3; 4; 5].

Зафиксированные языковые единицы в номинативном плане отличаются разнообразием, многогранностью; в частности, в основе фильмонимов лежат разные тематические мотивы: «пространство, место», «время», «герой», «тема/идея», «деталь».

Мы остановимся на первом типе номинаций (48 единиц, 16 %), которые отсылают к пространственному миру кинопроизведения: *художественный фильм* (далее – *х/ф*) ***«Золотое крыльцо»*** – фильмоним отсылает к традиционному месту в школе, где вновь собрались бывшие одноклассники и обсуждают, как сложились их жизни (источником номинации послужила детская считалочка «*На золотом крыльце* сидели…»); *х/ф* ***«Тихий центр»*** – именно в таком районе Минска разворачиваются события; *х/ф* ***«Тюряга»*** – рассказ про тюремную действительность глазами адвоката (существительное *тюряга* является разговорно-сниженной номинацией, в ней ощущается негативная оценка места событий) и др.

Для указания в фильмонимах на место событий востребованы, что вполне закономерно, топонимы: *х/ф* ***«Днепропетровский рубеж»*** – историческое название, напоминающее о Великой Отечественной войне: фильм посвящен событиям обороны Могилева (он находится на берегу *Днепра*); *х/ф* ***«Трамвай в Париж»*** – главная героиня мечтает поехать в этот город влюбленных, чтобы создать авторский фотопроект; и др.

Также для деривации фильмонимов используются нарицательные существительные с локативным значением: *х/ф* ***«Могила льва»*** (по мотивам одноименной поэмы Янки Купалы) – в основу онима (и сюжета фильма) положена история про возникновение *Могилева*, про благородного разбойника и защитника бедных, около *могилы* которого и был основан город; *х/ф* ***«Родное село»*** – рассказ о возвращении героя на малую *родину* после заработков в городе и об обретении своего места в жизни; *художественный фильм* ***«Улица без конца»*** – именно так называет улицу

главная героиня, когда вспоминает своего отца, погибшего ради спасения города (выражение *без конца* отражает вечную память о герое); и др.

Среди кинономинаций зафиксирована одна, в структуру которой входит наречие места: *х/ф* ***«Впереди – крутой поворот»*** – об аварии на дороге, в результате которой погибла женщина, а дочь ее осталась сиротой; выражение *крутой поворот* приобретает и переносное значение – ‘резкие изменения в судьбе’ героев произведения.

Отметим, что в качестве фильмонимов используются разные номинативные единицы – и однословные, и многословные, представляющие собой свободные и устойчивые словосочетания, предложения (и даже несколько): *х/ф* ***«Мост»*** – название кинотекста именует ключевое место для Кости, поменявшее его судьбу в лучшую сторону (после смерти матери и долгой тоски): в день отъезда в Сибирь главный герой спасает девочку, которая упала с *моста* в воду; ребята быстро подружились – и спасенная девочка идет его провожать (теперь Костя знает, что он не одинок); *х/ф* ***«Белые росы. Возвращение»*** – (продолжение известного фильма *«Белые росы»*) – главный герой, пожив в городе, решил *вернуться* жить в родную деревню; *х/ф* ***«Город мастеров»*** – события разворачиваются в средневековом европейском *городе*, где проживают *представители разных профессий, ремесел*; *х/ф* ***«На железной дороге»*** – именно здесь, среди голода и разрухи, тифа и полного хаоса, в разбитом вагоне-теплушке, у молодого, искалеченного гражданской войной солдата Евмена и девушки Марии зарождаются глубокие, чистые чувства; *х/ф* ***«Через кладбище»*** – фильм повествует о пути главного героя за снарядами для партизан, которые (снаряды) были спрятаны в *одной из могил*; и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что локативные номинации в составе фильмонимов могут употребляться в переносном значении или приобретать его в результате онимообразования: *х/ф* ***«Западня»*** – в кинопроизведении главный герой оказывается в *непростой, провокационной ситуации*, в результате которой становится изменником Родины; *х/ф* ***«Из ада в ад»*** – название метафорически определяет переплетение судеб молодых еврейской и польской семей; о переходе героев фильма (евреи – муж и жена возвращаются из концлагеря) от физического страдания к моральному (дом занят; их дочь, оставшаяся у соседей, считает себя полькой, не признает их своими родителями); *х/ф* ***«На перепутье»*** – перед сложным выбором, *на перепутье*, оказалась девушка Катя: она после окончания торгового колледжа решает, выплачивать ли деньги, потраченные государством на ее обучение, либо по распределению ехать в деревню; и др.

Нередко прямое и переносное значения в кинономинации переплетаются, дополняют, обогащают один одного: *х/ф* ***«Белое озеро»*** – повествование о двух одиноких подростках, которые помогают один одному как

брат и сестра, делятся своими мечтами; так, Денис рассказывает Розе, что он хочет вновь побывать на прекрасном *Белом озере*, рядом с которым он жил когда-то вместе с дедушкой (прилагательное *белое в* имени собственном кинотекста также вызывает ассоциации с чистотой, миром, покоем, тишиной) и др.

Таким образом, рассмотренные фильмонимы представляют собой разноуровневые языковые единицы с локативным значением и объективируют одну из важнейших тестовых категорий – категорию пространства, места объектов.

Список использованной литературы

1. Искусство // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/470/ИСКУССТВО. – Дата доступа: 15.03.2020.

2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

3. Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org. – Дата доступа: 18.04.2020.

4. Республиканское унитарное предприятие «Национальная киностудия “Беларусьфильм”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belarusfilm.by. – Дата доступа: 13.04.2020.

5. Фильмы киностудии «Беларусьфильм» // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1638568#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B8. – Дата доступа : 10.04.2020.

К. Н. Марцышина *(Смоленск, СмолГУ)*
Научный руководитель – Н. А. Максимчук, доктор филол. наук, проф.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФРАЗЫ ИЗ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА В ЗЕРКАЛЕ МОЛОДЁЖНОГО ЛЕКСИКОНА

Прецедентность как феномен культуры привлекает внимание разных гуманитарных наук, каждая из которых, используя собственные научные методы, освещает ее определенные свойства. Взгляд на прецедентность с позиции социологии и лингвистики позволяет сосредоточиться, в частности, на способности прецедентных фраз фиксировать и транслировать культурно значимые смыслы и тем самым участвовать в социализации молодого поколения, а также на процессах восприятия и интерпретации прецедентных высказываний.

При определении прецедентности мы придерживаемся точки зрения Ю. Н. Караулова, определяющего прецедентность как способность языка отражать культурную традицию, а также выражать определённый смысл,

который включается в контекст произведения или большого сегмента культуры [2 и др.].

Термины прецедентность и прецедентный феномен взаимосвязаны. Прецедентность – это явление, которое присутствует в прецедентных феноменах. К прецедентным феноменам относят: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание [1 и др.].

Прецедентное высказывание является феноменом собственно-лингвистической природы, регулярно и многократно воспроизводится в речи носителей русского языка и выступает как единица коммуникативного действия. Как и другие прецедентные единицы, прецедентные фразы, являются языковым средством, которое отражает культурный код народа.

Источником множества прецедентных высказываний служат произведения классиков русской литературы, одним из ярких представителей которых является И. А. Крылов. Нам представляется интересным рассмотреть, как прецедентные фразы из басен И. А. Крылова знает, понимает и употребляет современная молодежь. С этой целью было проведено анкетирование, в котором приняли участие студенты университетов города Смоленска. Участникам был предоставлен список, состоящий из тридцати прецедентных фраз из басен И. А. Крылова. Респонденты должны были определить значение каждого выражения, назвать автора, ответить на вопросы об употреблении данных фраз.

Общее количество респондентов составило 106 человек, в их числе 82 % – девушки, 18 % – юноши. Подавляющее большинство 85 % – студенты филологического факультета, 10 % – представители физико-математического факультета, 3 % респондентов не указали свой факультет, 2 % – студенты факультета социально-культурной деятельности. Места проживания респондентов – Смоленская область, Смоленск, Брянск, Орёл, Мурманск.

В анкетирование были включены следующие прецедентные фразы: «А Васька слушает да ест», «А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь», «А ларчик просто открывался», «Ай, Моська! / Знать она сильна, / Что лает на Слона», «Да воз и ныне там», «Отколе, умная, бредёшь ты голова?», «Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют», «Как счастье многие находят / Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят», «Как под каждым ей листком / Был готов и стол, и дом», «Кто про свои дела кричит всем без умолку, В том верно мало толку», «Кукушка хвалит петуха / За то, что хвалит он кукушку», «Медвежья услуга», «Мартышкин труд», «У сильного всегда бессильный виноват», «А он и ахнуть не успел», «Лебедь, Рак, да Щука», «Слона-то я и не приметил», «Тришкин кафтан», «Услужливый дурак опаснее врага», «Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?», «Хоть ты и в новой коже, /

Да сердце у тебя всё то же», «А где пастух дурак, там и собаки дуры», «Беда, коль пироги начнёт печи сапожник, / А сапоги тачать пирожник», «Без драки попасть в большие забияки», «От радости в зобу дыханье спёрло», «Где силой взять нельзя, там надобна ухватка», «В чём толку не поймут, то всё у них пустяк», «Про взятки Климычу читают, / А он украдкою кивает на Петра», «А потому обычай мой: / С волками иначе не делать мировой, / Как снявши шкуру с них долой», «Демьянова уха».

Массив информации, полученной в ходе опроса, был обработан с помощью программы Microsoft Excel.

Из 106 опрошенных 16 человек знали или смогли догадаться о том, что все фразы принадлежат И. А. Крылову. Среднее понимание авторства выражений составило 68%. Некоторые респонденты воспринимали фразы как произведения народного творчества илифразеологизмы.

Анализ ответов о понимании и употреблении каждой фразы показывает, что не всегда понимание и употребление коррелируют между собой: люди могут использовать фразу, не понимая или ложно, некорректно понимая значение этой фразы.

Опрос ожидаемо показал, что фразы, которые респонденты не понимают, используются реже. Интересным нам представляется факт, что выражения, которые оказались понятны подавляющему большинству респондентов, используют в речи менее половины из них. Среди всех высказываний выделяются фразы «Медвежья услуга», «А ларчик просто открывался». Их употребление составляет 75% и 50% соответственно, что является наивысшим показателем использования в речи среди опрашиваемых. Ни одно другое высказывание не приблизилось в употреблении к данным отметкам.

Средние значения по респондентам выглядят так: среднее понимание значений фраз составило 39 %, а средняя частота употребления – 17 %. Это демонстрирует нам общую тенденцию к тому, что респонденты, даже понимая фразы, используют их редко.

Полученные данные дают большой объём информации для рассуждения и позволяют сделать определённые выводы об актуальности прецедентных фраз в современном речевом обиходе и о богатстве культурного опыта молодёжи.

Результаты исследования, приводят к следующему выводу: прецедентные фразы Крылова известны и понятны более культурно развитой части молодёжи, но количество этой молодежи составляет менее 50 %. Это позволяет сказать, что И. А. Крылов и его творчество не является составляющей культурно-языкового базиса подавляющего большинства молодых людей. Анализ употребления показывает, что эти фразы хоть и составляют некоторую часть лексикона молодежи, но в речи встречаются редко.

Такие результаты можно объяснить сильным влиянием на современную молодежь интернет-культуры, большим разнообразием новых авторитетных для молодёжи источников, которые вытесняют авторов классической литературы и их произведения. Однако нельзя говорить о том, что классические фразы перестают быть актуальными для современной молодёжи. Они продолжают встречаться в речи и нередко подвергаются трансформации, что придаёт им современное звучание.

Исследование изменений в восприятии предецентных фраз позволяет проследить изменение уровня их прецедентности, которое происходит в связи с изменением культурной среды существования современного человека.

Список использованной литературы

1. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко [и др.] // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – Вып. 1. – М. : Филология, 1997. – С. 82–103.

2. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М. : Искусство, 1986. – С. 98–107.

Т. И. Микуляк *(Минск, факультет журналистики БГУ)*
Научный руководитель – Л. Г. Шестернёва, канд. филол. наук доцент

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНОГО ИЗДАНИЯ «УНІВЕРСІТЭТ»

Корпоративные издания – это ресурс, финансируемый или издаваемый непосредственно какой-либо компанией, фирмой, производственным объединением или организацией, для которой издательская деятельность не является основным видом деятельности. Прежде всего, следует отметить, что корпоративные издания позволяют владельцам непосредственно обращаться к читателям, предоставлять отраслевую информацию, продвигать торговую марку, развивать имидж компании и формировать одновременно лояльность сотрудников к предприятию [3, с. 79].

Каждое уважающее себя учреждение образования сегодня имеет свое корпоративное издание. Белорусский государственный университет – флагман отечественного образования – не исключение. Журналисты, как никто другой, должны понимать, что с помощью такого средства, как издание «Універсітэт» не только распространяется информация о вузе, но и формируется общественное мнение о нем, повышается авторитет внутри студенческого сообщества и за его пределами. Несмотря на то, что главному

университету страны не нужна специфическая реклама, поддерживать статус нужно.

Газетный заголовок призван не только информировать читателя об основном содержании материала, но и привлекать, задерживать внимание; нередко на заголовок возлагается задача дать образную характеристику тем фактам, которые изложены в материале. Поэтому на страницах всех печатных изданий (не только вузовских) широко используются меткие выражения. Заголовок – сжатая и часто единственная для читателей информация о содержании текста, «компас», с помощью которого мы ориентируемся на газетной полосе [1, с. 38].

Анализ показал, что в газете нет постоянной рубрикации, редакция придумывает «шапку» для каждого материала отдельно.

В ходе исследования удалось выявить несколько постоянных рубрик. Одна из них, «Весткі з рэктарата», находится на 1-й полосе каждого номера. Как становится ясно из рубрики, речь идет об основных новостях и достижениях университета, встречах ректора. Это пример схемы «прямого понимания», заголовка. Также на третьей странице есть три постоянные рубрики: «Нашы юбіляры», «Аб'ява» и «БДУ ў СМІ Беларусі». Первый содержит поздравления сотрудников университета с днем рождения и также относится к схеме «прямого понимания». На втором месте – объявления о различных конкурсах на всех факультетах БГУ. Поскольку название носит довольно общий характер, без чтения текстов под заголовком не совсем понятно, о чем идет речь, поэтому этот заголовок относится к схеме «понимание со ссылкой на текст статьи». В последнем из заголовков представлены все упоминания БГУ во всех СМИ за определенный период. Этот заголовок относится к схеме «прямого понимания».

В ходе анализа было выявлено, что в редакции газеты «Універсітэт» подготовлена несколько «шаблонных» рубрик, которые они используют в издании нерегулярно. Первая из них – рубрика «З першых крыніц» появляется на страницах издания четыре раза за исследуемый период: в третьем, пятом, шестом и двенадцатом номерах. Стоит рассмотреть эту «шапку» в качестве примера схемы «понимания с повторной интерпретацией». Поскольку информация в рубрике поступает от разных людей, чтобы понять, что означает «первый источник» в рубрике, необходимо прочитать текст и понять заголовок. Еще один пример – рубрика «БДУ ў свеце» встречается трижды: в третьем, пятом и тринадцатом выпусках этого года. Этот раздел относится к появлению сведений о БГУ на международной арене.

Университетская газета отражает богатую жизнь современных студентов. Все, что в качестве перспективы указывается в материалах, адресованных студентам, на конкретных примерах успехов и достижений

студентов БГУ, иллюстрируется как реализация этой перспективы через участие студентов в многочисленных конференциях, олимпиадах, фестивалях, конкурсах творческих коллективов, молодежных проектах, спортивных соревнованиях и других конкурсах. Само название колонки «Ведай нашых!», которая обычно содержит материалы о победителях этих мероприятий, вызывает гордость у БГУ и его лучших представителей [2, с. 80].

Преимуществом издания является еще единая концепция. Первая полоса всегда посвящена важному событию, которое произошло недавно и имеет глобальное значение. На первой полосе также находится рубрика «Весткі з рэктарата» и анонсы больших материалов номера. Вторая полоса отведена под «тему недели» – это, как правило большая аналитическая статья с диаграммами или инфографикой. На третьей полосе находятся рубрики «Нашы юбіляры», «Аб'явы» и «БДУ ў СМІ Беларусі». Основная часть издания – с третьей по шестую полосы, как правило, посвящена деятельности различных факультетов. А на седьмой и восьмой полосах представлена студенческая тематика.

В ходе анализа удалось выяснить, что самая часто используемая категория заголовков материалов – заголовки-новости. За год в газете использовалось одинаковое количество заголовков с использованием имен собственных и заголовков в форме вопроса. Есть заголовки, которые можно отнести к разным типам. В исследовании такие заголовки отнесены сразу в несколько групп. Моя главная цель – показать разнообразие видов заголовков в издании и тем, которые поднимаются в газете.

Таким образом, что это газета – серьезное издание, в котором широко освящаются новости университета и имеется достаточно аналитики. Газета ориентирована на администрацию, преподавательский состав и студенческое сообщество БГУ. «Універсітэт» поддерживает высокий уровень, соответствующий статусу Белорусского государственного университета.

Список использованной литературы

1. Галай, О. М. Сравнительный анализ газетных изданий «Humboldt» и «Універсітэт» / Корпоративная пресса в системе СМИ Республики Беларусь: традиции, опыт, пути развития. / О. М. Галай // Международная научно-практическая конференция, 1-2 ноября 2013 г. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2014. – С.37–40.

2. Корпоративная пресса в системе СМИ Республики Беларусь: традиции, опыт, пути развития: материалы Республик. науч.-практ. конф., 1–2 ноября 2013 г., Минск / [редкол. : С. В. Дубовик (отв. ред.) и др.]. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2014. – 252 с.

3. Сравнительный анализ печатных и электронных новостных материалов / Ю. Ф. Шпаковский, М. Д. Данилюк // Труды БГТУ / Белорусский государственный технологический университет. – 2013. – № 8. – С. 79–81.

А. У. Мілеўская *(г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

ВОБРАЗНЫЯ АЗНАЧЭННІ Ў ТВОРАХ М. СТРАЛЬЦОВА

Эпітэт як моўна-стылістычны сродак у літаратурных творах выступае неабходным і важным кампанентам. Акрамя намінатыўнай функцыі, ён выконвае яшчэ і эстэтычную, бо мова мастацкай літаратуры абумоўлена вобразным зместам, для перадачы якога і выкарыстоўваюцца разнастайныя выяўленчыя сродкі, сярод якіх эпітэт з'яўляецца самым шырока ўжывальным [1, с. 14].

Эпітэт – гэта вобразнае азначэнне, якое характарызуе прадмет, чалавека, жыццёвую з'яву, вылучае і дае мастацкае акрэсленне істотнай рысы ці прыкметы якога-небудзь прадмета, з'явы, ацэньвае гэты прадмет ці з'яву, выклікае пэўныя эмацыянальныя адносіны да іх. Эпітэт узмацняе выразнасць, вобразнасць мовы твора, надае яму мастацкую, паэтычную яркасць, дапамагае ўбачыць аўтарскае разуменне рэчаіснасці. Эпітэты, як сінонімы і фразеалагізмы, выражаюць нацыянальную спецыфіку мовы, невыпадкова іх адносяць да залатога моўнага скарбу [2, с. 3].

У лінгвістыцы існуюць два падыходы да разумення тэрміна «эпітэт». Адны даследчыкі прытрымліваюцца вузкага разумення тэрміна і адносяць да эпітэтаў толькі тыя азначэнні, якія характарызуюцца мастацкай вобразнасцю, выразнасцю. Гэта пераважна вобразныя азначэнні з паэтычных твораў, якія адлюстроўваюць аўтарскае бачанне рэчаіснасці. Такой думкі прытрымліваюцца Б. В. Тамашэўскі, І. Р. Гальперын, І. У. Арнольд, якія сцвярджаюць, што эпітэт адрозніваецца ад звычайнага лагічнага азначэння «пераносным характарам слова» [3, с. 57–60]. Другія даследчыкі (Л. І. Цімафееў, В. П. Рагойша і інш.) разглядаюць эпітэт як мастацкае азначэнне ў шырокім сэнсе слова і адносяць да эпітэтаў любое слова, якое характарызуе прадмет або з'яву [4, с. 469–470].

Прытрымліваючыся класіфікацыі Н. В. Гаўрош, у аснове якой знаходзяцца асаблівасці стылістычнага ўжывання вобразных азначэнняў, ступень устойлівасці іх сувязі з паяснёным словам [2, с. 9], у творах М. Стральцова можна выдзеліць наступныя віды эпітэаў: агульнамоўныя (звыклыя), індывідуальна-аўтарскія (рэдкасныя) і народна-паэтычныя (сталыя).

Большасць разглядаемых эпітэтаў класіфікуецца як агульнамоўныя: ***добрае*** *неба*, ***лянівы*** *дымок*, ***жытнёвае*** *лета*, ***цёплыя*** *дажджы*, ***глухі*** *час*, ***маладая*** *вясна*, ***нясмелая*** *вясна*, ***вясновая*** *зямля*, ***незнаёмая*** *дарога*, ***лірычны*** *настрой*, ***стомленыя*** *вочы*, ***разгубленыя*** *вусны*, ***вечаровая*** *лагода* і інш. Яны вылучаюцца сярод іншых груп устойлівай сувяззю з паяснёным словам, частай ужывальнасцю ў тэксце і магчымасцю ўзнаўляцца ў кан-

тэксце. Сярод такіх эпітэтаў сустракаюцца як стылістычна нейтральныя, так і эмацыянальна афарбаваныя. Перш за ўсё выдзяляюцца стылістычна нейтральныя: *І была яшчэ думка аб тым, што вось як добра прачнуцца ў такі глухі, напэўна,* ***падранішні*** *час, моўчкі глядзець у цемень і ведаць, што за вокнамі праходзіць ноч* [5, с. 19]; *Праразаліся, нясмела блішчалі* ***першыя*** *зоркі* [5, с. 97]; *Вуліца была* ***пустая*** *і* ***мокрая*** *ад дажджу* [5, с. 86]. Аднак сустракаюцца і эмацыйна афарбаваныя эпітэты, якія вызначаюцца большай вобразнасцю: *Стала прыемна ад нейкай асаблівай,* ***глыбокай*** *і* ***мяккай*** *цішыні, што панавала ў хаце* [5, с. 19]; *А вось чамусьці расце, вытанчаецца ствалами і паволі сунецца ўгару сцяна* ***маўкліваго*** *лесу* [5, с. 42]; *Стаяла высокая,* ***пасівелая*** *ад туману і густой расы трава* [5, с. 86]; *Якая прыгожая,* ***светлая*** *ноч сёння, – сказала яна потым* [5, с. 37].

У тэкстах М. Стральцова сустракаецца паўтор эпітэтаў і выяўляюцца частотныя вобразныя азначэнні. Напрыклад, асабліва часта ў сваіх творах пісьменнік ужывае эпітэт **маўклівы**: ***маўклівы*** *лес*, ***маўклівы*** *сад*, ***маўклівы*** *аўтобус*, ***маўклівыя*** *вокны*, ***маўклівая*** *хмара*.

Асаблівасць індывідуальна-аўтарскіх эпітэтаў у творах пісьменніка заключаецца ў тым, што яны дапамагаюць больш поўна раскрыць адметнасць мастацкага стылю М. Стральцова. Гэтыя эпітэты вызначаюцца арыгінальнасцю, самабытнасцю, адлюстроўваюць светапогляд пісьменніка, яго індывідуальныя асаблівасці асэнсавання рэчаіснасці. Такія вобразныя азначэнні надзвычай рэдка спалучаюцца з аднымі і тымі ж словамі, як правіла, яны адзінкавыя, неўзнаўляльныя. Да індывідуальна-аўтарскіх эпітэтаў з твораў М. Стральцова можна аднесці такія: ***Партфельная*** *твая душа* [5, с. 42]; *І адразу ўзяла іх у свае абдымкі* ***шырокая***, ***недаступная*** *маўклівасць цёплай ночы* [5, с. 36]; *Седзячы, можна было доўга глядзець на неба, што садзілася за калматымі хвоямі, любавацца* ***ласкавым*** *золатам высокіх ствалоў* [5, с. 32]. З дапамогай індывідуальна-аўтарскіх эпітэтаў пісьменнік найперш перадае сваё ўспрыманне навакольнага свету, прыроды: *неба шырокае,* ***ціхае, добрае***; ***здурнелая*** *аўсянка*; ***імглістая, зажураная*** *смуга*; ***цёмны*** *вецер*; ***пасівелая*** *трава*; ***густая*** *цесната*; ***жывая*** *цішыня.* Індывідуальнасць і непаўторнасць мастацкаму стылю пісьменніка надаюць менавіта рэдкасныя, аказіянальныя эпітэты.

Вобразныя азначэнні М. Стральцова выяўляюць тонкую назіральнасць пісьменніка, яго злітнасць з прыродай, замілаванасць і захапленне яе праявамі. Па-мастацку пісьменнік карыстаецца прыметнікамі са значэннем колеру – так званымі колеравымі эпітэтамі: ***блакітнае*** *паветра*, ***серабрыстыя*** *асінкі*, ***шэры*** *дзень*, ***зялёная*** *дарога*, ***чырвоны*** *месяц*, ***цёмная*** *хмара,* ***пасівелая*** *трава,* ***бледна-ружовыя*** *стрэлкі*, ***шызая*** *елачка*. Найчасцей колеравыя эпітэты М. Стральцоў ужывае пры апісанні з’яў прыроды. Праз колер

паэт перадае сваё зрокавае ўспрыманне прыродных з’яў і выказвае свае пачуцці, хваляванні, уласнае бачанне рэчаіснасці.

Паводле граматычнага выражэння ў творах М. Стральцова сустракаюцца эпітэты-прыметнікі і эпітэты-дзеепрыметнікі: ***глухі*** *час*; ***глыбокая*** *і* ***мяккая*** *цішыня*; ***нясмелая*** *і* ***маладая*** *вясна*; ***высокая*** *ноч*; ***малады*** *і* ***ядраны*** *бляск*; ***халодная*** *вечнасць*; ***чыстае*** *святло*; ***незнаёмая*** *дарога*; ***разгублены*** *і* ***збялелы*** *твар*; ***пакутная*** *дарога* і інш. Інфармацыйнасць, сэнсавая напоўненасць эпітэтаў, выражаных дзеяслоўнай формай, грунтуецца на іх спецыфічнай дэрывацыі: для эпітэта-дзеепрыметніка характэрны прыкметы дзеяслова і прыметніка. Напрыклад, дзеепрыметнікі прошлага часу незалежнага стану, выкарыстаныя ў ролі эпітэтаў, абазначаюць актыўную прымету як вынік дзеяння, якое ўжо здзейснілася, закончылася: *Было ціха ў лесе, і чуваць было, як там, у цеглавінцы, яшчэ нешта шоргалася, але гэта, мусіць, з* ***патрывожанага*** *дрэва падалі кроплі і выпросталіся* ***патрывожаныя*** *галіны* [5, с. 8].

Эпітэт у празаічнай мове Міхася Стральцова з’яўляецца адным з дзейсных сродкаў вобразнасці, мае сваю адметнасць у структуры, семантыцы, стылістычным прызначэнні. Проза аўтара багатая вобразнымі азначэннямі. Яны ствараюць асаблівыя асацыятыўныя карціны ў творы, незвычайныя, яркія, надаюць ім выяўленчую экспрэсію. Праз эпітэт аўтар здольны перадаваць зрокавыя, слыхавыя ўяўленні, якія дапамагаюць чытачу наглядна ўявіць малюнкі навакольнага свету, успрыняць прыгажосць беларускай прыроды, адчуць перажыванні самога пісьменніка.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дзянісаў, У. С. Эпітэт як моўна-стылістычны сродак у беларускай мастацкай прозе (марфалагічнае выражэнне і стылістычныя функцыі): аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук / У. С. Дзянісаў; Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 1998. – 16 с.

2. Гаўрош, Н. В. Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы / Н. В. Гаўрош. – Мінск : Выш. школа, 1998. – 603 с.

3. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 334 с.

4. Тимофеев, Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва : Просвещение, 1974. – 509 с.

5. Стральцоў, М. Л. Ад маладзіка да поўні : апавяданні, аповесці, эсэ / М. Л. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ., 2015. – 430 с.

А. Э. Моисейчик *(г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, канд. филол. наук, доцент

ЭТИМОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АРХАИЧНЫМ СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Архаизмы – устаревшие названия современных предметов, понятий и явлений. Они, как правило, редкоупотребительны. Однако многие из них сохранились в составе фразеологических единиц и оборотов, которые мы используем и по сей день. В русском языке немало фразеологизмов с архаичным соматическим компонентом, поэтому для каждого носителя русского языка будет полезно познакомиться со значением и историей данного типа фразеологизмов.

Существуют несколько типов архаизмов: собственно-лексические (устаревшие слова, полностью вытесненные из активного употребления другими лексическими единицами), семантические (современные слова, которые утратили отдельные значения), а также лексико-словообразовательные, лексико-фонетические и акцентологические архаизмы. Лексические архаизмы, по словам В. В. Виноградова, «в компонентном составе фразеологической единицы выступают в качестве детерминирующих элементов, притягивающих к себе другие, не содержащие архаизмов. Иначе говоря, устаревшие слова как бы цементируют структуру всего фразеологического оборота» [1, с. 122].

В современном русском языке более тысячи фразеологизмов, имеющих в своем составе устаревшие слова [2]. Немаловажную часть занимают устойчивые словосочетания, содержащие соматизмы. По мнению Ф. Вакка, соматизмы – один из древнейших пластов фразеологии. Человек издавна стремился наделить своими чертами предметы и явления окружающего мира, что повлекло за собой и образование определенных фразеологических единиц: *на лоне природы, на волоске от смерти, семи пядей во лбу, душа в пятки ушла* и т. д. [3].

В состав фразеологизма с архаичным соматическим компонентом могут входить древнерусские (*плоть*, *стать*, *чело*, *лик*, *уста*, *око*, *стопа*, *пята*) и старославянские (*перст*, *вежды*, *чрево*, *зеница*, *чресла*) слова [2].

Фразеологизм *ангел во плоти* применяют по отношению к кроткому, чуткому, доброму человеку. Плоть – устаревшее название тела. Впервые это выражение употребил Г. Р. Державин в своей оде «Видение Мурзы» (1791): *Кто ты? Богиня или жрица? – // Мечту стоящу я спросил. // Она рекла мне: «Я – Фелица», // Рекла – и светлый облак скрыл // От глаз моих ненасыщенных // Божественны ее черты, // Курение мастик бесценных //*

Мой дом и место то цветы // Покрыли, где она явилась. // Мой Бог! Мой ангел во плоти!.. [4].

Выражение *душа нараспашку* также содержит в своем составе соматизм. Наши далекие предки верили, что душа концентрируется в области груди в ямочке между ключицами. Поэтому устаревшее значение слово *душа* – это ‘ямочка на шее под кадыком’. Чтобы продемонстрировать искренность своих намерений, собеседник распахивал ворот одежды, обнажая ямочку на шее [5]. Выражение дошло и до наших дней и является описанием откровенного, прямодушного по характеру человека. *«Э, полноте, ваше превосходительство, что за церемонии? Жених, говорю, человек прекраснейшій, душа нараспашку»*, – писал А. П. Чехов в пьесе «Свадьба» [6].

Бить челом обозначало старый обычай падать в ноги перед царями и вельможами в поклонах (особо распространено в XVIII веке). Но в XV веке данное выражение имело больше значений: ‘кланяться земно’, ‘жаловаться’, ‘приносить в дар’, ‘просить’, ‘приветствовать’. Наиболее раннее упоминание данного фразеологизма находят в Договорной грамоте великого князя Семёна Ивановича с братьями Иваном и Андреем 1340 года: «Имуть бити челом тобе князю великому на наших бояр». Выражение употреблено в значении ‘жаловаться’ [7]. У Ю. Н. Тынянова в произведении «Пушкин» встретим: *Ездил бить челом к графмейстеру и обер-графмейстеру, просил о приёме – ответ был холоден* [6].

Фразеологизм *один как перст* вызывает немало вопросов, ведь пальцев на руке пять. Это выражение уходит корнями в глубокое прошлое: в старину славяне считали по пальцам. Цифру 1 обозначал первый большой палец, который располагался дальше от других. Этот палец носил название перст [8]. Выражение употребляется по отношению к одинокому человеку. Андрей Белый в «Кубке метелей» пишет: *Мне казалось – мы оба любили. И вот я один: один, как перст* [6].

Ещё один фразеологизм с архаичным компонентом – в *мгновение ока*, что означает ‘очень быстро, мгновенно, моментально’. Слово *мгновение* образовано от глагола *мигать*. Это выражение первоначально означало промежуток времени, равный одному морганию глазом [9]. *«В мгновение ока стало пусто вокруг»*, – встречаем у И. Грековой в произведении «Фазан» [6].

Хранить как зеницу ока имеет значение ‘оберегать что-либо, как наибольшую ценность’. Своё начало выражение черпает из Библии. Ветхий Завет гласит: «Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего». В старославянском языке слово *зеница* имело значение ‘глазной зрачок’ [3]. А. П. Ладинский в романе «Последний путь Владимира Мономаха»

использует данный фразеологизм следующим образом: *Перед книжником были открыты все тайны мира. Таких людей надлежало хранить как зеницу ока* [6].

Таким образом, фразеологизмы с архаическим соматическим компонентом обогащают современный русский язык. Они широко используются как в художественной литературе, так и в повседневном общении. Знание истории данного типа фразеологизмов не только развивает нашу языковую эрудицию, но и позволяет узнать об обычаях и традициях далеких предков.

Список использованной литературы

1. Виноградов, В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 1 / В. В. Виноградов. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. – 155 с.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/new/index.html. – Дата доступа: 23.02.2020.

3. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / сост. В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 677 с.

4. Ангел во плоти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.diagram.com.ua/idioms/idioms54.shtml. – Дата доступа: 14.02.2020.

5. «Душа нараспашку» откуда пошло это выражение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pantv.livejournal.com/2823272.html. – Дата доступа: 16.02.2020.

6. Жуков, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка : пособие для учащихся / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1980. – 447 с.

7. Кулмаматов, Д. С. Бить челом / Д. С. Кулмаматов //Русская речь. – 1994. – № 1. – С. 109.

8. Фразеологизм «Один как перст» значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://frazbook.ru/2009/01/14/odin-kak-perst/. – Дата доступа: 16.02.2020.

9. В мгновение ока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.otrezal.ru/phraseological_dictionary/599.html. – Дата доступа: 18.02.2020

Н. Мостыко, Д. Цырыльчук *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА САВВЫ МАЖУКО «ПАСТЫРИ ДЕТЕЙ И ДЕРЕВЬЕВ»

В настоящее время исследования взаимодействий языка и культуры приобретают все большую актуальность. Постижение культуры возможно в первую очередь через язык, поскольку язык является одновременно и составной частью культуры, и средством для ее усвоения. Лингвокультурологический анализ текста – это его исследование «как феномена культуры и восприятие культурной информации в нём через языковые знаки, составляющие его языковое поле» [1, с. 7].

Текст «Пастыри детей и деревьев», избранный нами для лингвокультурологического анализа, принадлежит перу белорусского писателя Саввы Мажуко – архимандрита, насельника Свято-Никольского монастыря в Гомеле, известного среди православных христиан публициста. Текст для анализа взят из книги «Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста» [2].

Проведём лингвокультурологический анализ текста «Пастыри детей и деревьев» с целью выявления его лингвокультурологического потенциала для будущей работы в ходе педагогической практики с учащимися 10–11 классов средней школы.

Лингвокультурная ситуация в тексте представлена культурно значимыми для славянского (русского, белорусского) народа сферами – социально-бытовой (природа) и религиозной (Пасха), реалиями культурной жизни (литература, мифология), морально-нравственной ориентацией (убеждением читателей заботиться о природе).

Содержательно-фактуальная информация текста проявляется в его теме, сформулированной в названии, – пастыри детей и деревьев. Содержательно-концептуальная информация – окружающий нас мир природы прекрасен, но не самодостаточен. Содержательно-подтекстовая информация текста такова: быть пастырем детей и деревьев – искусство, подвластное далеко не каждому человеку.

Текст вызывает интерес содержательно сложной, на наш взгляд, и необычайно разнообразной лексикой. На фоне общеупотребительной автор активно использует разностилевую лексику, например. книжные единицы, имеющие торжественную, риторическую или поэтическую окраску *(благородно и чарующе, священный мир, благоговейно, поминая, воскрешали, безмолвие, благоговейное и благословенное касание)*. Многие из этих слов несут лингвокульутрные смыслы. Но в тексте есть и разговорные слова (*молчуны, мордочка, прозвище, капризный, кустики, травинка)*, и вкрапления лексики официально-делового стиля (*реестр, гностический толедот)*. Основу анализируемого текста составляют конкретные существительные (*деревья, цветы, томик, луг, рука, город, глаза*), однако в тексте много и абстрактных существительных (*счастье, магия, прекрасное, чудо, ласка, восторг, восклицание*). Среди прилагательных много слов с эмоционально-оценочным значением (*волшебный, капризный, благородный*). Собственно религиозной лексики в тексте немного (*священный мир, благоговейный, пасхальное утро, монастырский двор, пастыри, благословляющий, Воскресение Христово, христианская Пасха, Евангелия, евангельские события, апостолы)*, но они представляют мир религиозной культуры.

Необходимо отметить употребление в тексте фитонимов. В тексте представлено шесть малоизвестных растений – *тамариск, колокассия, акинф,*

аммом, асфодель, моли. Интересно, что автор называет эти цветы *невиданными* (*А для меня это еще и невиданные цветы*…) в значении «которые никогда не видел», поскольку далее говорит, что *…только слышал их чудесные голоса…* Между тем названия этих *невиданных* растений могут вызвать у читателя предположение, что эти растения необычны и таинственны. Автор не рассказывает читателю о них, тем самым сохраняя некую тайну и вызывая к ним интерес.

Чарующее звучание названий представителей священного мира растений – в одном абзаце (втором), где С. Мажуко пишет о том, как поэты древности (*благородные люди* Вергилий и Гомер) органично вплетали *тамариски, колокассии, асфоделии* … в свои стихи, что так сильно повлияло на него. Он читал Вергилия – и звучание имен невиданных растений было *свежайшим ароматным напитком*. Фитонимы формируют культурологическую глубину текста, давая внимательному читателю ориентиры в пространстве и времени, чтобы сделать вывод: растительный мир разнообразен, но един; где бы какое растение ни обитало, время не влияет на него, если ещё великий Гомер описывал те растения, которыми мы можем восхищаться сегодня.

В третьем абзаце С. Мажуко утверждает, что у известного советского и российского писателя В. Астафьева, одного из немногих писателей, кого при жизни признали классиком, *Некоторые страницы … напоминают реестры сакральных имен, гностические толедоты, целые родословия растений.* Тем самым он ставит В. Астафьева в один ряд с Вергилием и Гомером в их отношении к миру растений.

Кроме упоминаний о Гомере – одном из величайших поэтов древнегреческой античности, Вергилии – известном поэте Августовского века (золотого века древнеримской культуры), В. П. Астафьеве – известном советском и российском писателе XX в., в тексте цитируются русский поэт-символист начала XX в. М. А. Волошин и один из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века Райнер Мария Рильке. Называя эти имена, автор не сомневается, что читателю они известны, поэтому и не поясняет, кто есть кто.

Встречаются в тексте названия мифологических божеств в следующем контексте: *Деревья и цветы – прекрасные и мудрые создания, лишенные зрения и слуха. Их глаза и уши – у нас, пастырей деревьев, пастухов цветов и растений. Мы – их дриады и наяды, это наше древнее и благородное служение…* С каждым из названий мифологического божества связан древнегреческий миф. Дрияды (дриады) в древнегреческой мифологии – это лесные нимфы, покровительницы деревьев. Считалось, что дриады неотделимы от дерева, с которым связаны, и умирают, когда умрет дерево. Наяды – это нимфы водных источников, покровительницы

определённого водного объекта, его душа и воплощение. Будучи связанными с реками, ручьями и озерами, они умирали, если их водный объект пересыхал [3]. Слова *дриады* и *наяды* автор вводит для того, чтобы, мысленно перенося читателя в сакральный мир, точнее объяснить функцию современного человека в отношении природы.

Таким образом, лексика текста С. Мажуко содержательно достаточно сложна, наполнена многими культурологическими смыслами. Поэтому без дополнительных источников трудно до конца понять смысл этого небольшого произведения. Для анализа текста мы использовали Википедию [3] и библейскую энциклопедию Брокгауза [4].

Рассуждение как тип речи текста формируется цепочкой суждений автора о мире растений, окружающем нас, доказательствами – примерами *из томика Вергилия*, со страниц *книг В. Астафьева*, а также из собственных наблюдений автора; выводом служит четверостишие Р. М. Рильке. Данный текст относится к публицистическому стилю. Основная задача автора – воздействовать на читателей, убедить их в необходимости быть пастырями деревьев – любить природу, заботиться о ней, отвечая на её желание.

Последние абзацы текста автор посвящает описанию событий первой христианской Пасхи, когда воскрес Иисус Христос. Здесь автор открыто отсылает читателей к евангельским главам, не называя их (знающий Евангелие легко найдёт эти места – это Лк. 24:13–53; Ин. 24–29; 21:1–25), и своими словами с любовью описывает то, что происходило в этот день: *Веселый и уютный костер на песчаном берегу и хлеб с медом и печеная рыба для детей-учеников, и сами дети-апостолы – Петр бросается в воду, чтобы скорее увидеть Учителя, Фома трогает ранки, совсем как ребенок, зачарованный ранением или ссадиной.* Так, представляя современным языком описание далёких евангельских событий, автор соединяет языковую и внеязыковую культурную информации, формируя культурное пространство текста.

Выводы. Мы попытались найти культурные смыслы в ярком и выразительном тексте Саввы Мажуко. В тексте отражены важные для славянского народа концепты «природа» и «Пасха», в нём происходит пересечение культур – светской и христианской, античной и современной, раскрывается содержание некоторых реалий культурной жизни – литературных и мифологических, с помощью ярких примеров формируются общечеловеческие морально-нравственные установки. Следовательно, текст Саввы Мажуко «Пастыри детей и деревьев», имея объёмный лингвокультурологический потенциал, способный обогатить индивидуальную картину мира читателя, может быть использован в работе с учащимися 10–11 классов средней школы.

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студ. учеб. завед. / В. А. Маслова . – М. : Академия, 2001. – 208 с.

2. Мажуко, С. Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста [Электронный ресурс] / С. Мажуко. – Режим доступа: https://www.-litmir.me/br/?b=554431&p=1. – Дата доступа: 01.02.2020.

3. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/. – Дата доступа: 08.12.2019.

4. Ринекер, Ф. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер, У. Вендель. – Вуппертальь : Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn, 1960. – 1226 с.

Г. Мухадова *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Е. Е. Вертейко, ст. преподаватель

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТУРКМЕНСКИЙ АНТРОПОНИМИКОН

Целью данной статьи является исследование туркменского ономастического пространства, а именно антропонимов, на материале произведений туркменских поэтов Нурмухамеда Гариба Андалиба, Азади Довлетмамеда и Махтумкули. Материалом исследования послужили личные имена собственные, отобранные из текстов произведений вышеуказанных авторов, размещенные в книгах «Поэзия народов СССР IV–XVIII веков», Махтумкули (Фраги) «Избранное». Значение и этимология антропонимов исследовались с опорой на «Пояснительный словарь», составленный Б. Каррыевым и М. Овезгелдыевым, также привлекались данные «Словаря арабских, персидских, таджикских и тюркских имен» А. Гафурова.

Из поэтических текстов вышеуказанных авторов были отобраны 52 антропонима, которые условно можно объединить в 4 группы.

Первая группа, включающая 19 антропонимов, объединяет имена **героев произведений** (эпосов, романов, сказок, дастанов и др.): *Кабат*, *Вамык*, *Азра*, *Варка*, *Гео-Оглы*, *Рустем*, *Гюль-Ферхар*, *Зулейха*, *Исфендиар*, *Кайс*, *Мелик*, *Меджнун*, *Лейли*, *Сенем*, *Тахир*, *Фархад*, *Феридун*, *Ширин*, *Сенган*. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Азра (Узра) – героиня дастана персидского поэта XI века, *Гер-оглы* (Гор-оглы, Кер-оглы) – герой одноименного эпоса, известного у многих народов Востока [1, с. 407], *Рустем* (Рустам), *Исфендиар* и *Феридун* (Фаридун, Перидун) – главные герои поэмы-эпоса Фирдоуси «Шахнаме», *Гюль-Ферхар* – дочь падишахе Ферхара, влюбленная в царевича Новруза, имя которой стало символом верности в любви [1, с. 407], *Зюлейха* (Зулейха) – героиня многих восточных поэм, соответствует библейскому персонажу – жене египетского царедворца Пентефрия, *Лейли* – героиня романтического сказания, сюжет которого использовался многими

восточными поэтами, символ девушки бесконечно любящей, но так и не нашедшей счастья [1, с. 409].

Вторая группа, объединяющая имена **правителей** (шейхов, падишахов, халифов и т. д.), включает 12 антропонимов: *Махмуд*, *Аббас*, *Баба-Омар*, *Осман*, *Искандер*, *Джемшид*, *Сулейман*, *Ширванхан*, *Шир-Гази*, *Чоудур-хан*.

Герой «Притчи о шахах» Азади *Махмуд-шах Дуррани* (1723–1772) – основатель Дурранийской империи, которая является началом современного Афганистана. Герой стихотворения Махтумкули «Золотом не станет» *Аббас Великий* – иранский шах (1587–1629 гг.), представитель династии Сефевидов, в фольклоре народов Востока изображается как мудрый государь, щедро наделенный красноречием [1, с. 404]. Главным героем стихотворения Махтумкули «Мир» стал *Баба Омар* – арабский халиф (634–644 гг.), почитаемый мусульманами-суннитами как один из четырех праведных халифов [1, с. 405]. Наконец, герой стихотворения Махтумкули «Желание странствий» *Бахауддин* – это глава одного из дервишеских орденов, жившего в Бухаре в XIV в. и носившего прозвище *Накшбенди* [1, с. 405].

Третья группа, объединяющая **имена известных людей** (поэтов, врачей, религиозных деятелей и др.), является самой малочисленной и включает 9 антропонимов: *Несими*, *Махтумкули*, *Фраги*, *Дурды-Шахир*, *Лукман*, *Мансур*, *Мир-Кулал*, *Ходжа-Ахмад*.

Рассмотрим вначале имена поэтов. Нурмухамед Гариб Андалиб в одноименной поэме использовал образ *Несими* (1669–1417 гг.) – поэта, широко известного у туркмен, азербайджанцев и других народов Востока. Лирический герой в стихотворениях Махтумкули «Будь спокойным» и «Не пристало» ведет поэтический диалог с самим *Махтумкули* и *Фраги*. Последнее имя позже станет псевдонимом поэта. *Фраги* – в буквальном переводе обозначает ‘разлученный со счастьем, печальный’ [1, с. 5].

В стихотворении «Отчего» Махтумкули лирический герой *обращается* к *Дурды-шахиру* – поэту, современнику и своему другу. В произведении «Горы в тумане» упоминается имя *Лукмана* – легендарного врача и мудреца древности. Кроме творчества Махтумкули имя Лукмана часто фигурирует в фольклоре и произведениях художественной литературы народов Востока. Им были открыты многие лекарственные травы, а отдельные авторы отождествляют его с Эзопом и Гиппократом [1, с. 411].

Имена исламских религиозных деятелей в творчестве туркменских поэтом встречаются нечасто. Некоторые из них: *Мир-Кулал* – один из мусульманских средневековых мистиков [1, с. 412], *Ходжа Ахмад* (1103–1166) – поэт-мистик, известный под псевдонимом *Ясави*, которого тюрки считали святым, туркестанским пророком. В народе бытует изречение: *В Медине – Мухаммед, а в Туркестане – Ходжа Ясави* [1, с. 414].

Последняя четвертая группа, состоящая из **собственных имен обычных людей,** включает 12 антропонимов: *Адам*, *Ахмед*, *Пеливан*, *Зюбейда*, *Менгли*, *Абдулла*, *Маммед-Сапа*, *Сеид*, *Тархан*, *Овез*, *Хаджи*, *Ходжа*, *Хумай*.

Женские имена представлены двумя единицами. В одном из стихотворений Махтумкули обращается с просьбой о помощи к своей сестре Зюбейде: «О, помоги мне, Зюбейда!» *Зюбейда* (Зубейда, Зубайда) – арабское имя, женская форма от мужского имени *Зубайд* ‘дар’ [2, с. 149]. В стихотворении «Птица счастья» Махтумкули просит счастья у сказочной птицы *Хумай*. Женское имя персидской этимологии *Хумай* образовано от *Хума* ‘птица счастья, феникс’ [2, с. 207]. Согласно восточным легендам, если тень Хумай упадет на голову счастливца, то он станет повелителем людей [1, с. 413].

Мужские имена, отмеченные в творчестве туркменских поэтов, являются типичными для туркменского антропонимикона, по происхождению являются преимущественно арабскими, тюркскими и собственно туркменскими. *Ахмед* – тюркская форма арабского имени *Ахмад* ‘восхваляемый’ [2, с. 129]. *Менгли* – тюркское ‘имеющий родинку’, ‘счастливый’ [2, с. 165]. *Абдулла* – арабское ‘раб Аллаха’ [2, с. 117]. *Мамед-Сапа* – сложное имя, в состав которого входит туркменская стяженная форма имени *Мухаммед* ‘хвалимый, прославляемый’ [2, с. 170] и *Сапа* – тюркская форма арабского имени *Сафа* ‘верность, прозрачность, спокойствие, беззаботность’ [2, с. 189]. *Сеид* – азербайджанская форма арабского имени *Сайид* ‘предводитель, глава’, титул потомков пророка и халифа Али [2, с. 186].

Таким образом, имя собственное в художественном тексте обладает большими экспрессивными возможностями и выполняет важную конструктивную роль. Антропонимы участвуют в создании образов героев произведения, в развертывании основных тем и мотивов, формировании художественного времени и пространства художественного текста.

Мужской и женский антропонимикон в поэзии Махтумкули, Нудмухаммета Андалиба и Довлетмаммета Азади отражает типичное для Туркменистана и Средней Азии имянаречение. Рассмотренные в статье «поэтические» имена являются по происхождению преимущественно арабскими, тюркскими и собственно туркменскими. Значительное количество имен имеет сакральное значение и связано с Кораном. Изучение поэтических антропонимов дает возможность познакомиться с выдающимися личностями в истории и культуре туркменского народа, позволяет выявить особенности национального мышления, мусульманской религии и восточной философии.

Список использованной литературы

1. Каррыев, Б. Пояснительный словарь / Б. Каррыев, М. Овезгелдыев // Махтумкули (Фраги). Избранное / Махтумкули (Фраги) ; сост. Б. А. Каррыев, М. Овезгельдыев, вступит. ст. М. Гапурова, послесл. Л. Климовича. – М. : Художественная литература, 1983. – С. 404–414.

2. Гафуров, А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь / А. Гафуров. – М. : Глав. редакция восточ. лит. изд-ва «Наука», 1987. – 221 с.

А. Г. Мухамметдурдыев *(г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, канд. филол. наук, доцент

ИЗУЧЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ

Род имен существительных – «категория лексико-грамматическая, и обнаруживается родовое значение слов на синтаксическом уровне, при согласовании в роде имени прилагательного с именем существительным [1, с. 60–62].

Главная цель при изучении существительных общего рода – «формирование у шестиклассников навыка уместного употребления данной категории существительных в речи», учитель должен отметить, что общий род – это не дополнительный, неизвестный род, а свойство определенной группы слов в зависимости от речевой ситуации реализовывать значение то мужского, то женского рода [2, с. 71].

Необходимо объяснить, что «основную группу существительных общего рода составляют склоняемые нарицательные имена на *-а, -я*. Эти слова являются принадлежностью разговорного стиля. Внимание следует акцентировать, что определить род существительных общего рода можно только в конкретных контекстах [3, с. 96–97].

Ниже представим систему упражнений, которые можно использовать при изучении существительных общего рода на уроках русского языка в 6 классе.

Упражнение 1. 1. Рассмотрите картинки. 2. Почему данные слова общего рода?

Данное упражнение: 1) можно использовать в блоке «Теория» (познавательном этапе), учебном элементе «Формирование новых понятий»; 2) упражнение рассчитано для всех учеников; 3) упражнение для устного выполнения. Упражнение направлено на наблюдение и осознание того, что существуют существительные общего рода.

Упражнение 2. 1. Можете ли вы объяснить значение каждого из имен существительных общего рода? Соедините существительное общего рода с его значением.

1) подлиза	а) неопрятный, грязный человек	Ответы:
2) обжора	в) непоседливый человек	1 – е, 2 – ж, 3 – и,
3) плакса	г) изнеженный человек	4 – а, 5 – з, 6 – в,
4) грязнуля	д) неловкий человек	7 – д, 8 – г
5) хитрюга	е) тот, кто подлизывается к людям	
6) непоседа	ж) ненасытный, прожорливый человек	
7) растяпа	з) очень хитрый человек	
8) неженка	и) тот, кто много и часто плачет	

Данное упражнение: 1) можно использовать в блоке «Теория» (познавательном этапе), учебном элементе «Формирование новых понятий»; 2) упражнение рассчитано для всех учеников; 3) упражнение для устного и письменного выполнения. Задание направлено на знакомство со значением существительных общего рода. Определив лексическое значение, ученики лучше усвоят и запомнят материал.

Упражнение 3. 1. Прочитайте. Отгадайте, о ком идет речь – о девочке или о мальчике. 2. Как, по-вашему, можно ли определить, к кому относятся эти слова?

1) «Умница!» – сказала мама. 2. «Что же ты за непоседа!» – воскликнула бабушка. 3) «Ну и копуша же ты!» – не выдержал отец. 4) Ты просто молодец! 5) Плохо быть зазнайкой.

Упражнение подобного типа: 1) можно использовать в блоке «Теория» (познавательном этапе), учебном элементе «Формирование новых понятий»; 2) упражнение рассчитано для всех учеников; 3) упражнения для устного выполнения. Задание направлено на наблюдение и осознание того, что есть существительные общего рода.

Упражнение 4. Составьте с существительным общего рода два предложения, чтобы их можно было отнести к женскому или мужскому роду: **I ряд** – *задира* **II ряд** – *бедняжка* **III ряд** – *непоседа*.

Упражнение 5. 1. Спишите. 2. Найдите существительные общего рода, подчеркните слово, к которому они относятся. 3. Как они характеризуют человека? (отметьте знаками + или –)

1. Растяпу Катюшу и обжору Федьку Натка пр..казала отправить домой. 2. Карасиков пр..пустился вдогонку Альке и закр..чал: «Плакса!». 3. Непоседа Иоська в..ртелся около фанерного танка (По А. Гайдару).

Ответ: 1. Растяпу (–, ж. р.) Катюшу и обжору (–, м. р.) Федьку. 2. Альке и закрИчал: «Плакса!» (–, ж. р.). 3. Непоседа (–, м. р.).

Упражнение 6. Прочитайте слова. Какие из существительных общего рода положительно характеризуют человека, а какие – отрицательно.

Составьте словосочетания (или предложения). При составлении словосочетаний определите род этих существительных.

Скряга, работяга, неженка, недотрога, кривляка, забияка, растяпа.

Ответ: положительно: работяга; отрицательно: скряга, неженка, недотрога, кривляка, забияка, растяпа.

Упражнение 7. Спишите, расставляя пропущенные знаки препинания. Обозначьте род выделенных имен существительных.

*1. Сережа – кругл.. **сирота**. Маша – кругл.. **сирота**. 2. Миша – больш.. **забияка**. Марина – удивительн.. **забияка**. 3. Как.. ты **зазнайка**, Петя, уд..вилась мама. Как.. ты **зазнайка**, Люба, уд..вилась мама.*

Ответ: 1. круглЫЙ сирота (м.), круглАЯ сирота (ж.). 2. большОЙ забияка (м.). удивительнАЯ забияка (ж.). 3. КакОЙ ты зазнайка (м.), КакАЯ ты зазнайка (ж.).

Предлагаемые упражнения: 1) можно использовать в блоке «Практика» (ориентационно-деятельностном этапе), учебных элементах «Формирование умений» и «Отработка навыков»; 2) упражнения рассчитаны для всех учеников; 3) упражнения для письменного выполнения. Задания ставят цель отработку правильного употребления существительных общего рода.

Упражнение 8. Соотнесите иллюстрации со словами-существительными общего рода из таблицы.

ГРЯЗНУЛЯ
СЛАДКОЕЖКА
ПЛАКСА
СОНЯ
КРИВЛЯКА

Ответ: 1 – грязнуля, 2 – сладкоежка, 3 – плакса, 4 – соня, 5 – забияка.

Данное упражнение: 1) можно использовать в блоке «Рефлексия» (результативном этапе), учебных элементах «Обратная связь» или «Собственно рефлексия»; 2) упражнение рассчитано для всех учеников; 3) упражнение для письменного и устного выполнения. Задание направлено на проверку усвоения существительных общего рода.

Таким образом, на уроках по изучению имен существительных общего рода осуществляется: 1) наблюдение над фактами языка; 2) определения значения существительных общего рода; 3) наблюдение над спецификой употребления существительных общего рода. Важно донести до учащихся, что знание и употребление правильных форм существительных общего рода позволяет решать задачи культуры речи.

Список использованной литературы

1. Обучение русскому языку в 6 классе / М. Т. Баранов [и др.] ; сост. М. Т. Баранов. – М. : Просвещение, 1990. – 208 с.

2. Рабчинская, И. А. Русский язык в 6–7 классах / И. А. Рабчинская, Ф. М. Литвинко, И. Г. Молодова ; под ред. П. П. Шубы. – Минск : Народная асвета, 1989. – 208 с.

3. Русский язык в 5 классе / М. Т. Баранов [и др.] ; под ред. М. Т. Баранова. – М. : Просвещение, 1971. – 221 с.

Нгуен Ван Ту Ань *(г. Минск, БГУИР)*
Научный руководитель – Н. Е. Петрова, канд. филол. наук, доцент

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОЙ И ВЬТНАМСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКЕ

Стремительное развитие информационных технологий (ИТ) в современном мире отражается в языке, поэтому компьютерная лексика – динамичный пласт в системе практически любого национального языка. Вместе с тем в каждом языке есть свои особенности, а носители языка поразному воспринимают окружающую действительность. Среди языковых средств, отражающих особенности мышления народа, в первую очередь можно назвать олицетворение, метафору и эпитет. Как показал наш материал исследования (анализ русских и вьетнамских сайтов; личный опыт устной коммуникации на русском и на вьетнамском языках), такие средства можно найти и в компьютерном жаргоне.

Проанализировав некоторые русские и вьетнамские тексты из сферы программирования, мы сделали вывод, что метафорический способ номинации играет важную роль в русской компьютерной лексике. Для вьетнамского языка метафоризация менее свойственна. В русском языке переносные значения установлены практически во всех семантических группах специальной компьютерной лексики, в первую очередь они образуются на основе сходства физических признаков объектов. Например, общеупотребительное слово *корзина* используется в компьютерной лексике в значении ‘место на рабочеме столе компьютера для хранения удалённой информации’. Во вьетнамском языке употребляются разные слова для наименования *корзины*. Сравните выражения *khay đựng trên mặt bàn máy tính (корзина на рабочем столе компьютера) и giỏ đựng táo (корзина для яблок).* То же можно сказать и про слова *файл, папка, пакет, ярлык*. В русском языке наблюдается метафорический способ номинации, во вьетнамском языке используются разные наименования, сравните: *папка на компьютере – thư mục trong máy tính, папка для бумаг – túi kẹp giấy; ярлык на компьютере – phím tắt máy tính, ярлык на одежде – nhãn hiệu quần áo; файл в компьютере – tập tin trong máy tính, файл для бумаги – tài liệu, пакет в программе – gói chương trình и пакет для одежды – túi đựng quần áo*.

В некоторых случаях во вьетнамском языке, как и в русском, происходит метафоризация, сравните: *chuột của máy tính (мышь у компьютера)*

и *chuột sống (мышь – животное)*; *trang internet (страница в интернете) и trang sách (страница в книге)*. Однако такие случаи непродуктивны.

Часть метафор как во вьетнамском языке, так и в русском языке имеет национальный колорит. Например, устаревший компьютер во вьетнамском языке называют *máy tính cùi bắp* – ‘огрызок початка кукурузы’. В русском языке таких ассоциаций не возникло, поскольку кукуруза является одной из самых популярных сельскохозяйственных культур именно во Вьетнаме, а в русскоязычных странах не входит в ежедневный рацион. В то же время такие ироничные наименования, как *Клава* ‘клавиатура’, *лапоть* ‘*компьютер lap top*’, *Витя* ‘витая пара’ свойственны исключительно языковой картине мира носителей русского языка. Вьетнамцы не могут понять, по каким причинам функционируют такие слова в компьютерном сленге русских, возникают проблемы в профессиональной коммуникации между русскими и вьтенамцами.

В целом, вьетнамцы часто сравнивают плохую технику с невкусными, непригодными для питания продуктами (*máy tính cùi bắp* – ‘огрызок початка кукурузы’; *máy tính khôn ngon* – ‘невкусный компьютер’). Для носителей русского языка особенно характерен антропоцентризм, поскольку многие номинации в профессиональном дискурсе инженера-программиста, связаны с концептом «Человек», например, *доктор* ‘антивирус’; *мама* ‘материнская плата’ и др. В свою очередь, во вьетнамском языке также встречаются случаи «очеловечивания» техники, например, *máy tính bị giật* – ‘компьютер в шоке’.

Русские метафоры, которые возникли на основе сравнения с человеком, разнообразны по семантике, имеют в своей основе сравнения с частями тела человека (*глаз* ‘монитор’; *уши* ‘рекламные баннеры’ и др.); с человеческими органами (*мозги* ‘оперативная память’); основаны на возрастной или гендерной характеристике (*дед* ‘редактор почты’); на профессиональной принадлежности или роду деятельности (*окулист* ‘Fine Reader (OCR)’; *фокусник* ‘человек, пишущий на Foxpro’; *профессор* ‘процессор’) и др. Во вьетнамском языке такие метафоры непродуктивны, но иногда встречаются, например, малоопытного пользователя компьютера или программного обеспечения во Вьетнаме назовут *lính mới* (*новый солдат*). В русской языковой картине в таком значении часто используется слово *чайник*, которое пришло в компьютерный сленг из жаргона автомобилистов.

В большинстве случаев, как в русском, так и во вьетнамском языках, в результате метафоризации конкретный объект становится абстрактным, например, слово *дерево* (вьетн. *cây*) ‘растение’ в компьютерной терминологии обозначает ‘нелинейные отношения между узлами ветвления в топологии компьютерных сетей’; слово *облако* (вьетн. *đám mây*) ‘похожая на

скопление тумана белая или серая масса в небе’ в компьютерной терминологии обозначает ‘способ размещения данных в интернете’.

Таким образом, как в русском языке, так и во вьетнамском языках, в компьютерной лексике часто используются самые обычные общеупотребительные слова: *облако, окно, дерево* и др. Метафоризация наиболее продуктивна в русском языке, особенно среди профессионализмов и в компьютерном сленге. Данные русские номинации в большинстве случаев функционируют в устной коммуникации инженеров-программистов и непонятны носителям вьетнамского языков. Наша работа призвана немного облегчить профессиональную коммуникацию между носителями русского и вьетнамского языков и раскрыть лингвокультурные особенности ИТ-сферы.

Ж. Островская *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

КОЛОРОНИМЫ В ИДИОСТИЛЕ Б. ОКУДЖАВЫ

Цвет – одна из категорий познания. За цветом как внешним свойством человек видит внутренние качества, цвет является сигналом или символом различных явлений, состояний и т. п.: голубое небо – знак хорошей погоды, зеленые вишни – знак незрелости, синие губы – знак плохого состояния человека, красный флаг – символ принадлежности к определенной политической системе и т. п. «…Цветовой язык человека ментален по своей природе. За цветом люди видят смыслы» [1, с. 105], поэтому названия цвета и связанные с ними ассоциации играют заметную роль в формировании различных языковых картин мира. Особенно ярко «ментальность» цветового языка проявляется в художественных текстах, где читателю необходимо не только воспринять информацию из печатного источника, но и в своём сознании представить определённую картинку, образ. Очень важны цветообозначения в поэтических текстах, поскольку именно поэзия проявляет особенное цветовое видение мира определенного поэта.

Объект нашего исследования – цветообозначения в произведениях Б. Ш. Окуджавы. Материалом послужили произведения, включенные в сборник «Избранное» 1989 г. [2].

В поэтическом языке Б. Ш. Окуджавы ахроматические колоронимы (названия черного, белого и серого цветов) составляют примерно треть: 42 цветообозначения из 123. Особую роль в идиостиле писателя играет белый цвет, прилагательное *белый* встретилось 24 раза: *серый аист, пьющий из* ***белой*** *реки; прилетали* ***белые*** *сороки – смеялись; на* ***белый*** *бал берез не соберу; и ваше платье цвета* ***белой*** *ночи; мама,* ***белая*** *голубушка; лишь*

белые *вербы, как* ***белые*** *сестры, глядят тебе вслед и др.* Прилагательное *чёрный* встречается вдвое реже – 11 раз: *и про* ***чёрный*** *день грядущий не копите милосердье*; ***чёрный*** *нищий, поющий последний стих*; ***чёрный*** *ворон сквозь белое облако глянет и др.* Прилагательное *серый* встретилось всего 3 раза, все примеры относятся к живым существам и не имеют отрицательной коннотации: ***серый*** *аист, пьющий из белой реки* (2 раза), *храмули –* ***серая*** *рыбка с белым брюшком.*

Ахроматические колоронимы частотнее хроматических, и поэзию данного автора можно назвать «разноцветной», так как Б. Ш. Окуджава употребляет 12 хроматических цветов и оттенков.

Самым распространённым из хроматических колоронимов в поэзии Б. Ш. Окуджавы является *красный*, соответствующий колороним встретился 14 раз: ***красной*** *глины беру прекрасный ломоть*; *я видел удивительную,* ***красную****, огромную луну*; ***красной*** *солью и* ***красным*** *вином;* ***красный*** *дуб с голубыми рогами* и т. д.

Обозначения *голубого* цвета встречаются 12 раз (9,8 %): *глаза глядели в небо* ***голубое***; *а шарик вернулся, а он* ***голубой***; *две красотки зеленых, пять рыб* ***голубых***; *залитый морями* ***голубыми***; *перед чинарою* ***голубою*** и т. д.

Прилагательное *синий* встретилось 10 раз: *она качалась в бездне* ***синей***; *и по* ***синим*** *горам*; *и отражусь в их океане* ***синем***; *до* ***Синей*** *горы, моя радость*; *я в* ***синий*** *троллейбус сажусь на ходу и т. д.*

Прилагательное *зелёный* встречается 7 раз: *как его поношенный сюртук* ***зелёный***; *да* ***зелёные*** *крылья погон*; *и ветви как* ***зелёная*** *оправа*; *под лампою с* ***зелёным*** *абажуром* и др.

Обозначения жёлтого цвета встретились всего 3 раза: ***желтый*** *бык – отпечаток с моей руки*; ***желтой*** *свечкой стеаринной* и др. Дважды в цветовом значении встречается *золотой*: *и что-то очень* ***золотое****, как в осень листопад*.

Только по одному разу встретились колоронимы *розовый* и *оранжевый*: *эта женщина в окне в платье* ***розового*** *цвета*; *выплескивается пятно* ***оранжевое***. Правда, можно обнаружить близкие к последнему колороним по значению слова *рыжий* (2 раза) и *медный* (1 раз): *лишь одно колечко* ***рыжее***; *где* ***рыжая*** *по крышам жесть*; *но что-то бледное мне виделось сквозь* ***медное*** *покрытие её высокого чела.*

Выбирая те или иные цвета для характеристики художественной действительности, Б. Ш. Окуджава конструирует собственный цветовой образ мира, очень мало похожий на общекультурное или русское массовое цветовое мировосприятие. Это подтверждает гипотезу о том, что восприятие действительности художниками слова субъективно, способно выходить за рамки национальной картины мира.

Так, из привычных устойчивых сочетаний со словом *белый* можно обнаружить только *белый снег, белые снежинки, белый свет*. *В* цветовой картине мира Б. Ш. Окуджавы белыми оказываются реки, вербы, у надежды есть белые руки. Автор использует устойчивые выражения *черный день* и *черный ворон*, но остальные типичные ассоциации не отразились в творчестве исследуемого поэта. Черный цвет реализует свой символический потенциал и предстает знаком мрачности, безрадостности и отчаяния. Противопоставляется ему белый цвет символизирующий веру в лучшее. Б. Ш. Окуджава связывает белый с представлением о мире, противостоящему войне, о светлой и безоблачной молодости. Белый цвет для поэта – символ чистоты и невинности. Красный цвет символизирует жизнь и любовь. Это цвет глины и глиняной чашки, вина (2), цвет заката (описывая фронтовые будни), в красный окрашены трамвай и камзол.

«Если цветовой признак извлечён и показан в поэтическом плане как важное свойство, тогда такой признак – не просто цвет. Он символ» [3, с. 220]. Эту мысль В. В. Колесова наглядно подтверждают результаты нашего исследования: восприятие действительности художниками слова субъективно, способно отличаться от массового восприятия и выходить за рамки национальной картины мира, при помощи цветовой лексики авторы реализуют не только эстетические, но и концептуальные позиции.

Список использованной литературы

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

2. Окуджава, Б. Ш. Избранное / Б. Ш. Окуджава. – М. : Московский рабочий, 1989. – 336 с.

3. Колесов, В. В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» / В. В. Колесов // «Слову о полку Игореве» 800 лет : сб. – М. : Сов. писатель, 1986. – С. 220–228.

Ш. В. Отузов *(г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. В. Прокопчук, преподаватель

СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РУССКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

При исследовании транспортных средств (далее – ТС) значимым является рассмотрение структуры и принципов номинации слов, образующих данную группу, поэтому **целью** статьи является рассмотрение структуры и основных принципов номинации лексико-семантической группы «ТС» в русском и туркменском языках. **Материал** составил 198 русских и 156 туркменских названий ТС, извлеченных из словарей:

«Краткого русско-туркменского словаря» под ред. М. Я. Хамзаева, «Новейшего большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова, «Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi : 2 tomluk» düzüjiler G. Kyýasowa, A. Geldimyradow, H. Durdyýew.

Критерием при отборе и отнесении лексем к лексико-семантическому полю (далее – ЛСП) и лексико-семантической группе (далее – ЛСГ) ТС являлось наличие в значении семы ‘устройство, предназначенное для передвижения или перевозки пассажиров, грузов или установленного на нем оборудования’.

Анализ материала показывает, что ЛСП и ЛСГ «ТС» имеет следующую структуру: все наименования ТС в русском и туркменском языках, образующие ЛСП разделены на 3 уровня / периферии: 1. **Ядерная периферия**. В ЛСГ «ТС» входят общие наименования транспортных средств, которые являются частотными обозначениями средств передвижения: рус. ***корабль, судно, лодка, поезд, самолет, машина, автобус, велосипед, мотоцикл и др.***; туркм. ***gämi, gaýyk/korabl, ulag, uçar/samolýot, awtomaşyn, awtobus, tiger/welosiped, motosikl*** и др. **2. Ближняя периферия**. В ЛСГ входят слова всех ЛСП, данная периферия является доминирующей в количественном отношении: рус. ***экипаж, телега, такси, троллейбус, аварийка, тягач, буксир, танкер, катер, катамаран, подлодка, паром, ледокол, истребитель, вертолет, трамвай*** и др.; туркм. ***ekipaž, dört tigirli araba, taksi, troleýbus, suýreg gämisi (buksir), parom, ledokol, dik uçar, tramwaý, elkenli gaýyk, kater, katamaran, su asty gämisi, parom, istrebitel, ekspres и т. д.*** **3. Дальняя или крайняя периферия** представлена устаревшими наименованиями ТС: рус. ***ушкуй, каяк, геликоптер, бричка, двуколка, карета, кибитка, колесница*** и др.; туркм. ***kareta, paýtun, kibit, zemmer*** и др.

Особое место в ЛСГ ТС занимают: 1) **наименования торговых марок** ТС: рус. ***камаз, лимузин, пикап*** и др.; туркм. ***kamaz, limuzin, pikap*** и др.; 2) **наименования животных**, относящихся к ТС: рус. ***лошадь, верблюд, осел, ишак и др.***; туркм. ***at, ýaby, düýe, eşek*** и др.; 3) подгруппа **«ТС с нулевым или воображаемым денотатом»**: рус. ***летающая тарелка, ковер-самолет*** *и др.*, туркм. ***uçýan haly, uçýan tarelka, soky*** и др.

Таким образом, ЛСГ «ТС» составляет большую лексическую группу в русском и туркменском языках, представляя собой ЛСП, подгруппы, определяемые по разным принципам (предназначение, тип, вид и др.).

ЛСГ обладают специфическим набором принципов номинации, отражающих повторяющиеся, устойчивые мотивировочные признаки слов данной группы [1, с. 67]. При рассмотрении принципов номинации ТС за основу принята классификация, предлагаемая Т. И. Вендиной [2], М. А. Лохницкой [3] и В. В. Криворот [1]. В нашем материале наимено-

вания ТС, реализуют следующие принципы, актуализирующие во внутренней форме слов семы. **I. Функциональный** принцип включает: 1) отглагольные номинации: рус. ***носилки***, ***тягач***; туркм. ***zemmer***, ***tirkemek и др.***; 2) с конечным элементом рус. ***-воз*** – туркм. ***-woz***: рус. ***тепловоз***, ***зерновоз***, туркм. ***elekrtowoz***, ***parowoz*** и др.; 3) слова с конечным элементом рус. ***-носец*** – туркм. ***-noses***: рус. ***авианосец*** и др.; туркм. ***bronenoses и др.***; 4) из двух основ: рус. ***зернопогрузчик***, ***картофелесажалка*** и др.; 5) слова с начальными компонентами рус. ***авиа-***, ***авто-*** – туркм. ***awto-***: рус. ***авианосец***, ***автобус*** и др.; туркм. ***awtobus***, ***awtomaşyn и др.***; 6) сложносокращенные слова: рус. ***эсминец***, ***линкор и др.***; туркм. ***linkor и др.***; 7) метонимические переносы: а) «человек → ТС, выполняющее функцию»: рус. ***истребитель***, ***ледокол и др.***; туркм. ***istrebitel***, ***ledokol и др.***; б) «устройство, выполняющее действие, выраженное в глаголе → ТС»: рус. ***молотилка***, ***тягач*** и др., туркм. ***seýalka***, ***tirkemek и др.*** **II. Качественно-характеризующий** принцип актуализирует информацию о свойствах объекта, включает: 1) слова с элементами рус. ***-авто***, ***-броне***: – туркм. ***-awto***, ***brone-***: рус. ***автомашина***, ***бронепоезд и др.***; туркм. ***awtomaşyn***, ***bronepoýezd и др.***; 2) образования на основе словосочетания: рус. ***грузовой автомобиль → грузовик*** и др. **III. Партитативный** принцип с семой ‘составляющая часть объекта именования’ и включает: 1) сложные слова: рус. ***одноколка***, ***двуколка*** и др.; туркм. ***motorly gämi / gaýyk, elkenli gaýyk***; 2) перенос синекдохи «часть ТС → само ТС»: рус. ***каток*** **и др.**; туркм. ***katok*** и ***taýalga*** **и др. IV. Квантитативный** принцип с семой ‘количество составляющих элементов объекта именования’: 1) метонимический перенос «количество составляющих элементов ТС → ТС» и «номер ТС → само ТС»: рус. ***двойка***, ***одиночка***, ***пятерка*** и др.; туркм. ***bäşlik***, ***dokuzlyk***, ***dortlük***, ***üçlük*** и др. **V. Локативный** принцип актуализирует сему ‘место использования ТС’: рус. ***вездеход***, ***подлодка*** и др.; туркм. ***su asty gämisi и др.*** **VI. Акциональный** принцип актуализирует сему ‘действие’: рус. ***пролетка***, ***бегунки***, ***вертолет*** *и др.*; туркм. ***taçka***, ***galtak***, ***dik uçkar*** и др. **VII. Экзистенциальный** принцип актуализирует сему ‘особенности эксплуатации ТС’, ‘ТС, использующее вид энергии или тип двигателя, названные в первой части слова’) включает: 1) слова с разными элементами: рус. ***аэросани***, ***мотовоз***, ***пароход***, ***теплоход***, ***самосвал***, ***самокат*** и др.; туркм. ***parohod***, ***samokat*** и др. **VIII. Реляционный** принцип актуализирует сему ‘отношение’, включает: 1) слова рус. ***иномарка***, ***финки***, ***финка***, ***казанки и др.***; туркм. ***inomarka и др.***; 2) номинации путем метонимических переносов: а) «название завода → ТС»: рус. ***газ***, ***камаз*** **и др.**; туркм. ***gaz***, ***kamaz*** и и др.; б) «марка автомобиля → автомобиль данной марки»: рус. ***Волга и др.***; туркм. ***Wolga и др.***; в) «фамилия изобретателя → название ТС»: рус. ***фофан*** и др.; туркм. ***fofan*** и др. **IX. Акторный** принцип актуализирует сему ‘результат

действия’: рус. ***долбленка, струг, запряжка*** и др.; туркм. ***at goşulgy araba*** *и др.* Х. Лексемы, не относящиеся ни к одному из принципов относятся к **поливалентному принципу**. Для туркменского языка характерны описательные конструкции: ***ýük galdyryjy ulag***, ***dikaşaklygyna uçýan bombalaýžy samolýot, orak maşyny, dewek döwýän maşyn, ýaraglandyrylan bronlyawtomobil, ýük awtomobili, ýenil awtomobil*** и др.

Рассмотрение принципов номинации ТС в русском и туркменском языках показывает, что наиболее важными мотивирующими признаками номинации являются назначение и характеристики ТС, информация о виде энергии или типе двигателя в ТС, менее всего представлены в наименованиях ТС признаки «результат действия» и «действие».

Таким образом: 1) ТС в русском и туркменском языках образуют ЛСП и ЛСГ, состоящие из трех уровней, объединяющихся по определенным признакам; 2) в основу номинации ТС положены общепринятые принципы, объединенные по актуализации во внутренней форме слов сем; 3) в основе наименований не всегда лежат существенные отличительные признаки, что затрудняет представление непротиворечивой классификации номинаций ТС.

Список использованной литературы

1. Криворот, В. В. Закономерности номинации транспортных средств (на материале русского, английского и французского языков) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / В. В. Криворот ; Белорус. Гос. ун-т., 2015. – 311 с.

2. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 1998. – 240 с.

3. Лохницкая, М. А. Закономерности номинации хранилищ в русском и английском языках донациональной эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. А. Лохницкая ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2013. – 24 с.

Ш. Г. Отузова *(г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. В. Прокопчук, преподаватель

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН РАЗВИТИЯ ОМОНИМИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘НЕ ЛИЦО ИЛИ ПРЕДМЕТ’ НА ОСНОВЕ ОМОНИМИЧНЫХ НАЗВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Слово может расширять свое значение, как правило, это влечет за собой развитие омонимии. Данное явление является универсальным и характерным для многих языков. О. С. Ахманова замечает, что «в русском языке важную роль играет разграничение категории «лица – не лица», поэтому представляется целесообразным обратить внимание на следующее: в русском языке распространены такие семантически емкие слова как

венгерка (женщина, куртка, танец), ***голландка*** (женщина и печь), ***испанка*** (женщина и болезнь) и др. <…> эти комплексы дают закономерные ряды омонимов [1, с. 130–131], где в одном случае слово имеет значение – ‘человек / лицо определенной национальности’, а в другом – ‘предмет’ [1, с. 131–132]. При рассмотрении омонимии названий национальностей важно обратить внимание на причины, приводящие к развитию омонимии в словах со значениями ‘национальность человека (лицо)’ и ‘не лицо или предмет’ и выяснить с чем связано данное явление.

Целью данной статьи является исследование причин развития омонимии существительных со значением ‘не лицо или предмет’ на основе омонимичных названий национальностей в русском языке.

Материал извлечен из словарей и Интернет-источника (см. в списке сокращений и условных обозначений). Нас интересовали не омонимы со значением ‘национальность человека (лицо)’ (*далее по тексту в примерах зачеркнуто*), а омонимы со значением ‘не лицо или предмет’.

Данные позволяют говорить о том, что к факторам, влияющим на развитие омонимии названий национальностей, относятся.

1. Процесс заимствований: ***ВЕНГЕРКА*[1]** – 1. Бальный парный танец. 2. Музыка такого танца. ~~Венгерка[2] – представительница народа угорской этноязыковой группы, составляющий основное население Венгрии~~. ***ВЕНГЕРКА*[3]** *– куртка с высокой талией и нашитыми поперечными шнурами (по образцу формы венгерских гусар)*. ***ВЕНГЕРКА*[4]** *– сорт сливы с продолговатыми плодами и небольшой косточкой* (НСРЯ, т. 1, с. 157) ← [из польского węgierka] (ЭСРЯ, т. 1, с. 290). ***ГОЛЛАНДКА*[1]** *– голландская печь*. ***ГОЛЛАНДКА*[2]** *– самка голландской породы (корова или курица)*. ***ГОЛЛАНДКА*[3]** *– форменная рубаха матросов в русском флоте, носившаяся поверх брюк и имевшая глубокий вырез для форменного воротника*. ~~Голландка[4] – представительница народа германской этноязыковой группы, составляющего основное население Нидерландов (Голландии)~~ (НСРЯ, т. 1, с. 320) ← [все слова от голландского Holland ‘Голландия’] (ЭСРЯ, т. 1, с. 427). ***ПОЛЬКА*[1]** – 1. *Чешский национальный танец*. 2. *Музыка к такому танцу*. 3. *Музыкальное произведение в ритме такого танца*. ***ПОЛЬКА*[2]** *– мужская стрижка, при которой волосы на висках и затылке подстригаются только слегка*. ~~Полька[3] – представительница народа, принадлежащего к группе западных славян и составляющий основное население Польши~~ (НСРЯ, т. 2, с. 209–210) ← [польское и чешское polka. Танец появился в Праге в 1831 г. и назван в знак солидарности с угнетенными поляками] (ЭСРЯ, т. 3, с. 321).

2. Перенос названий и распад полисемии: ~~Болгарка[1] – представительница народа южнославянской этноязыковой подгруппы, составляющего основное население Болгарии~~, ***БОЛГАРКА*[2]** **–** *инструмент* (НСРЯ,

т. 1, с. 113) ← [возникло в СССР в 1970-х гг., когда появились первые его образцы, выпущенные именно в Болгарии, на предприятии «Элтос-Болгарка» в Пловдиве] (ВСЭ). ***ИСПАНКА[1]*** – 1. *Особо тяжелая форма гриппа, эпидемия которого охватила многие страны мира в 1918–1919 гг.* 2. *Эпидемия такого заболевания*. ~~Испанка[2] — представительница народа романской этноязыковой группы, составляющий основное население Испании~~ (НСРЯ, т. 1, с. 610) ← [свое название грипп приобрел из-за того, что Испания первой испытала вспышку этой болезни. По другим источникам, место появления ее точно установить невозможно. Первый случай заболевания был зарегистрирован в 1918 г. в США. Название появилось случайно. Так как военная цензура во время Первой мировой войны не допускала сообщений о начавшейся эпидемии, то первые известия о ней появились в печати в мае–июне 1918 г. в Испании] (ВСЭ). ***КАБАРДИНКА[1]*** – *кабардинская лошадь*. ***КАБАРДИНКА[2]*** – *род черкески, однобортный суконный кафтан в талию с газырями на груди*. ***КАБАРДИНКА[3]*** – 1. *Народный мужской танец, распространенный на Северном Кавказе; разновидность лезгинки*. 2. *Музыка к такому танцу*. 3. *Музыкальное произведение в ритме такого танца*. ~~Кабардинка[4] — представительница народа абхазско-адыгской этноязыковой группы~~ (НСРЯ, т. 1, с. 626) ← [происходит скорее от этнонима кабардинец, Кабарда] (на Кавказе) (ЭСРЯ, т. 2, с. 150). ~~Монголка[1] — представительница народа, составляющего основное население Монголии~~. ***МОНГОЛКА[2]*** – *монгольская лошадь* (НСРЯ, т. 1, с. 889) ← [‘порода лошадей’. Осталась без изменений со времен Чингисхана. Лошадь очень значима в монгольской культуре, потому что лошади очень полезны для людей в повседневной жизни и являются средством к существованию] (ВСЭ). Можно предполагать, что аналогично ***кабардинке*** и ***монголке*** развилась омонимия лексем ***киргизка*** (НСРЯ, т. 1, с. 667) и ***башкирка*** (НСРЯ, т. 1, с. 72), так как монголы, кабардинцы, киргизы и башкиры – древние степные народы. ***ШВЕДКА[1]*** – *низкорослая, выносливая лошадь*. ~~Шведка[2] — представительница народа, составляющего основное население Швеции~~ (НСРЯ, т. 2, с. 1005) ← [‘лошадь’. Стилизованная деревянная фигурка лошади, игрушка, национальный символ Шведского королевства] (ВСЭ).

3. Словообразовательная система русского языка: ***ЛИТОВКА[1]*** – *коса с длинной прямой рукоятью*. ~~Литовка[2] — представительница народа балтийской этноязыковой группы, составляющий основное население Литвы~~ (НСРЯ, т. 1, с. 794–795). ← [заимствование из литовского Lietuvà ‘Литва’. Отсюда производное: литовка] (ЭСРЯ, т. 2, с. 502–503). ***ЛЕЗГИНКА[1]*** – 1. *Быстрый кавказский народный танец*. 2. *Музыка к такому танцу*. 3. *Музыкальное произведение в ритме лезгинки*. ~~Лезгинка[2] — представительница народа навско-дагестанской этноязыковой группы~~,

~~составляющий основное население Дагестана~~ (НСРЯ, т. 1, с. 777) ← [собственно русское название. Образовано с помощью суффикса -к(а) на базе словосочетания лезгинский танец] (ЭСРЯ, т. 2, с. 476). ***ФИНКА[1]*** – финский нож. ***ФИНКА[2]*** – *финская шапка*. ***ФИНКА[3]*** – *легкая килевая шлюпка с острой формой носа и кормы*. ***ФИНКА[4]*** – *финская лошадь*. ***ФИНКА[5]*** – *финна*. ~~Финка[6] – представительница народа, составляющего основное население Финляндии~~ (НСРЯ, т. 2, с. 905) ← [‘нож’. Собственно-русское, образовано с помощью суффикса -к(а) на базе сочетания финский нож (ЭСРЯ, т. 4, с. 195). Происхождение остальных омонимов неточно].

Таким образом, мы пришли к выводам: 1) на развитие омонимии названий национальностей оказывают влияние процесс заимствований, распад полисемии, словообразовательная система русского языка; 2) отсутствие данных о происхождении в ЭСРЯ и ВСЭ говорит о сложности точного определения развития омонимии; 3) процесс омонимизации находится в динамике, расширяется в связи с появлением новых предметов, явлений и необходимостью их номинации.

Список сокращений и условных обозначений

ВСЭ – Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 23.04.2020; **НСРЯ** – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : свыше. 136 000 слов : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – 2 т.; **ЭСРЯ** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс. – 1986–1987. – 4 т.

Список использованной литературы

1. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1957. – 294 с.

Н. А. Паржон *(г. Мінск, БГУ)*
Навуковы кіраўнік – Л. Г. Шасцярнёва, канд. філал. навук, дацэнт

ПРАГМАТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ АЎТАРСКАЙ КАЛОНКІ АЛЕНЫ ЛЯЎКОВІЧ «НЕАСАБІСТЫ СУБ’ЕКТЫЎ»

У газеце «Звязда» журналістка Алена Ляўковіч вядзе сацыяльную калонку «Неасабісты суб’ектыў». Аўтарская калонка – гэта рубрыка, якой уласцівы пастаянства аўтара, рэгулярнасць публікацыі матэрыялаў, агульная тэматыка тэкстаў, выражаная аўтарская пазіцыя. Мэта калонкі заключаецца ў раскрыцці поглядаў аўтара на праблему, таму тэкстам калумністаў уласціва такая катэгорыя, як аўтарскі пачатак (аўтарскае «я»). Т. В. Шмялёва прыводзіць наступнае тлумачэнне: «гэта сэнсавая частка тэксту, у якой праяўляюцца маўленчыя паводзіны аўтара і яго рэфлексія

з нагоды свайго тэксту» [1, с. 16]. Суб'ектыўнасць моцна ўплывае на стылістычнае афармленне калонкі. У параўнанні з інфармацыйнымі і аналітычнымі журналісцкімі матэрыяламі публікацыям калумністаў уласціва большая выразнасць і вобразнасць, іх тэксты адрозніваюцца індывідуальна-аўтарскім маўленнем. Мастацкія сродкі выкарыстоўваюцца і для стварэння прагматычнага кампанента зместу.

Пры стылістычным аналізе тэкстаў Алены Ляўковіч мы знайшлі шырокаўжывальныя і ўжо звыклыя для чытача эпітэты, метафары і перыфразы, што характэрна для публіцыстычнага стылю. Але вобразнымі тэкст робяць менавіта індывідуальна-аўтарскія сродкі выразнасці. Праз іх праяўляецца і ацэначнасць. Напрыклад, такія эпітэты, як *у маім вандроўным жыцці*, *раўнадушныя аблокі*, *моднае дрэва*, *з задаволена-засяроджанымі тварамі* даюць чытачу магчымасць паглядзець на рэчаіснасць вачамі аўтара.

Арыгінальныя метафары (*слёзы каштанаў*; *адчуванне* ***бяды****, якая толькі цудам* ***праскочыла міма*** *<…>*, ***дыхнуўшы*** *ў твар такой жудасцю*; *яна (малая радзіма)* ***зацярушвае снегам забыцця*** *нашу памяць*) робяць тэкст экспрэсіўным. Ёсць прыклад персаніфікацыі: *…Бедны* ***сабачка*** *сядзіць у прытулку, пэўна,* ***гадаючы****, за што з ім так*. Аўтар надзяляе сабаку магчымасцю разважаць. Так яна паказвае, што лічыць яго разумнай істотай, падкрэслівае свае добрыя адносіны да жывёл.

Ёсць выпадкі, калі вобраз ствараецца адначасова некалькімі мастацкімі сродкамі: ***Вёска****, якая яшчэ гадоў трыццаць назад* ***патанала*** *ў засені дрэў, <…> цяпер пячэцца пад сонцам, <…>* ***бы чалавек без адзежы***. Экспрэсіўным сказ робяць параўнанне і дзеяслоўная метафара.

Ясень, які ў вёсцы называлі «ясеніна», Алена Ляўковіч называе *маяком роднай хаты*. Значэнне перыфразы зразумела з кантэксту, так аўтар стварае яскравы вобраз і паказавае, якое значэнне мае гэтае дрэва для яе.

Яшчэ адна індывідуальна-аўтарская перыфраза – *ахвяры майскага дажджу*. Так называе калумніст тых, хто загінуў падчас трагедыі на Нямізе.

Радзей сустракаюцца метанімія (*а на сцэне – Купала*; маецца на ўвазе спектакль па п'есе «Тутэйшыя», якую напісаў гэты аўтар), сінекдаха (*пагражаць <…> пакараннямі на бедную настаўніцкую галаву*; *спадзяюся, што акрамя склонаў, спражэнняў, знакаў прыпынку, метафар ды аксюмаранаў яны ўбачылі…* – гаворка ідзе пра алімпіяду, і пад членамі аднароднага рада маюцца на ўвазе лінгвістычныя заданні).

Для выражэння асабістай ацэнкі аўтар звяртаецца і да іроніі: *паколькі* ***грамацеі****, што выпісваюць дакументы, <…> беларускай валодаюць, мякка кажучы, не вельмі…*; *Мянькі "****пісары****" ахрысцілі Менькамі*; *Усе такія* ***харошыя, самі сабе падабаемся, самі з сябе цешымся****: паглядзіце, маўляў, як родную мову шануем*.

Экспрэсіўным маўленне робяць і сінтаксічныя фігуры. Антытэза – фігура кантрасту – узмацняе ўражанне чытача ад аўтарскай думкі: «На чужых падворках шукаем страчанае на сваім»; «Уражанне тое было ўсяго на міг, але засталося назаўсёды». Градацыя павышае эмацыянальнасць выказвання: *Штучныя кветкі – сотні, тысячы, дзясяткі тысяч*; *…Пасадзіць дрэва на зямлі, дзе стаіць бацькоўскі дом, дзе нарадзіўся сам, куды прыязджаюць твае дзеці*. Для таго каб расставіць акцэнты на важных думках, аўтар выкарыстоўвае стык, паралелізм, адчляненне, парцэляцыю.

Цікава Алена Ляўковіч ужывае ўмаўчанне. У тэкстах сустракаецца не толькі прасіяпез і апасіяпез – шматкроп'е аўтар ставіць і ў сярэдзіне сказа. Робіцца гэта ў тых выпадках, каб стварыць, калі працяг сказа не зусім прадказальны: *становіцца страшна... за людзей*; *Жанчына, якая дала аб'яву, збірае дапамогу... на адваката і судовыя выдаткі*.

Ацэначнасць ярка праяўляецца і праз рытарычныя воклічы: *Што тут пачалося!*; *Толькі дзе там!*; *…І так яно было спрадвеку, і гэта правільна!* Чытач бачыць узрушанасць, узбуджанасць аўтара і разумее, што ўзнятая праблема яго сапраўды хвалюе.

Тыя словы і выразы, на якія падае сэнсавы націск, аўтар часам вылучае і графічна. Гэта можа быць клічнік у дужках у сярэдзіне сказа (*…Загадаўшы пафарбаваць белыя пластыкавыя (!) дзверы ў памяшканнях*) ці словы, напісаныя вялікімі літарамі (*…Якая робіць нас АДМЕТНЫМ НАРОДАМ*). У двукоссі аўтар піша тыя словы, якія ўжыты ў іранічным ці незвычайным значэнні, якое яшчэ незамацавана ў слоўніку, (*Малая "завісла" над календаром на дзве гадзіны*; *Кум з "наездам" – да мяне*; *А ён такім пераводам, пакуль служыць, "свяціцца" не можа*). Як відаць з прыкладаў, словы маюць размоўную стылістычную афарбоўку.

Адзінкі з эмацыянальна-экспрэсіўнай і стылістычнай афарбоўкай ёмка перадаюць ацэнку аўтара. Напрыклад, калі ў выразах «*не засталіся хварэць дома, а зноў* ***выперліся*** *ў вільготны холад*», «*у маршрутцы усчаўся* ***вэрхал***» замяніць размоўныя словы на стылістычна-нейтральныя *выйшлі* і *шум*, знікне суб'ектыўна-ацэначная мадальнасць, таму такія лексемы ў публіцыстычным тэксце не з'яўляюцца парушэннем стылістычных норм.

Словы з памяншальна-ласкальнымі суфіксамі часцей маюць станоўчую афарбоўку. Напрыклад, *сабачка бяскрыўдны, чысценькі*; *бедны сабачка сядзіць у прытулку*. Тут бачна, што аўтар са шкадаваннем ставіцца да сабакі. Але праз суфіксы можа выражацца і негатыў: *Хутчэй назіраем адваротнае –* ***мамкі*** *самі клапатліва падсаджваюць дзяцей на санкі ці цюбінгі…* (а размова ішла пра тое, што такія забавы небяспечныя і прыводзяць да траўм). У тлумачальным слоўніку напісана, што *мамка* – гэта ласкальная форма да *мама*, але ў тэксце гэта лексема выражае адмоўную, нават зневажальную ацэнку.

У матэрыяле «Пра людзей. Навагодняя быль» адну з удзельніц сітуацыі аўтар спачатку называе *дзяўчынай*, а пасля, калі чытач ужо даведаўся, што адбылося, ужывае размоўнае слова *дзеўка*. Праз гэта чытачу зразумела, што аўтар адмоўна ацэньвае яе дзеянні: *…Але* ***дзеўка сядзела, як капа,*** *закапыліўшы губу і дэманстратыўна гледзячы ў акно*, *Толькі* ***дзеўка*** *на першым сядзенні* ***сядзела як скала.***

Такім чынам, стылістычны аналіз паказаў, што Алена Ляўковіч добра адчувае слова. А «моўнае чуццё – гэта перадумова стварэння экспрэсіўнага тэксту» [2]. Для стварэння прагматычнага кампанента зместу ў тэкстах выкарыстоўваюцца тропы, сінтаксічныя фігуры, лексіка з эмацыянальна-экспрэсіўнай і стылістычнай афарбоўкай, графічнае вылучэнне. Вобразнасць ствараецца за кошт індывідуальна-аўтарскіх сродкаў выразнасці, як у мастацкай літаратуры.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Шмелева, Т. В. Медийное речеведение : сб. статей [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелева. – Режим доступа: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569984_6705.pdf. – Дата доступа: 30.10.2019.

2. Пісарэнка, А. М. Вобразнасць і выразнасць як маўленчая адметнасць мастацкага тэксту [Электронны рэсурс] / А. М. Пісарэнка // Романо-германская филология в контексте науки и культуры : междунар. сб. научных статей / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А. А. Гугнин (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2013. – С. 211–215. – Рэжым доступу: http://elib.psu.by:8080/bitstream/123456789/20069/1/Пісарэнка _с211-215.pdf. – Дата доступу: 28. 04.2020.

Д. А. Пышко *(г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

З НАЗВАЎ РАСЛІН ВЁСКІ МАЛЕЧ БЯРОЗАЎСКАГА РАЁНА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

Цікавы і своеасаблівы куточак беларускага Палесся – вёска Малеч, што на Бярозаўшчыне. Гэта край з векавымі традыцыямі, якімі сёння ганарацца жыхары.

Флора і фаўна мястэчна накладвае адбітак на заняткі жыхароў, на традыцыі ў вырошчванні тых ці іншых сельскагаспадарчых культур, а асаблівасці ландшафту абумовілі фарміраванне адметнага раслінага свету. Лугі, лясы, возера, шматлікія прытокі і меліярацыйныя каналы – усё гэта садзейнічае разнастайнасці відавога складу флоры вёскі.

Травяністыя расліны найчасцей сустракаюцца ў межах даследуемага рэгіёна. Яны адносяцца да сямействаў трыпутнікавыя, верасовыя, складанакветкавыя, бярозкавыя, бабовыя, макавыя, лебядовыя і інш. У дыялектнай

мове жыхароў вёскі для называння дадзеных раслін ужываюцца разнастайныя адпаведнікі. Намі зафіксаваны наступныя батанічныя номены:

ба́бка м. р. ‘трыпутнік – травяністая расліна сямейства трыпутнікавыя з шырокім лісцем і дробнымі кветкамі ў коласападобным суквецці, якая расце абапал дарог, на лугах’: *На рану можна бабку палажыць*;

багно́, ***багу́льнік*** м. р. ‘багун – балотная вечназялёная расліна сямейства верасовыя з рэзкім адурманьваючым пахам’: *Багульнік пахне*;

бярэ́зка ж. р. ‘бярозка – травяністая расліна сямейства бярозкавыя з белымі ці ружовымі кветкамі і павойным сцяблом’: *Березка папераплялась*;

камы́ш м. р. ‘чарот – высокая травяністая расліна сямейства асаковыя, якая расце ў вадзе рэк, азёр, на балотах’: *Камышом усё озеро заросло*;

канаплі́ мн. л. ‘каноплі – высокая травяністая расліна сямейства каноплевых, са сцёблаў якой вырабляюць валакно, а з семені – алей’: *Семені з каноплі*;

канюшы́на ж. р. ‘канюшына – шматгадовая, радзей аднагадовая кармавая травяністая расліна сямейства бабовыя з трайчастым лісцем і шарападобнымі кветкамі’: *Канюшыну свіням косім*;

крапіва́ ж. р. ‘крапіва – травяністая расліна сямейства крапіўныя з тонкімі пякучымі валаскамі на сцябле і лісці’: *Крапіва пячэ сільна*;

кувшы́нка м. р. ‘гарлачык – вадзяная расліна сямейства гарлачыкавыя з вялікімі лістамі і белымі або жоўтымі кветкамі; вадзяная лілія’: *Кувшынкі мне нравяцца на нашым багне*;

ла́ндыш м. р. ‘ландыш – шматгадовая травяністая расліна з прадаўгаватымі лістамі і дробнымі белымі пахучымі кветкамі ў форме званочкаў’: *Ландышы запахацілі*;

лебеда́ ж. р ‘лебяда – пустазелле сямейства лебядовыя з лісцем, якое звычайна пакрыта мучністым налётам’: *Лебеду свіням рву*;

люці́с м. р. ‘люцік – невысокая трава паабапал стракацела жоўтымі люцікамі, ружовымі смолкамі, сінімі званочкамі’: *Люцісы возле дарогі растуць*;

ма́к м. р. ‘мак – расліна з высокім сцяблом і вялікімі, часцей за ўсё чырвонымі кветкамі, плод якой мае выгляд каробачкі з дробным насеннем’: *Макі раньше ў меня в агародзе былі*;

плову́шка, ряска́ ж. р. ‘раска – дробная водная расліна сямейства раскавыя, якая, дзякуючы інтэнсіўнаму вегетатыўнаму размнажэнню, хутка зацягвае паверхню стаячых прэсных вод’: *Пловушку каровам сабіралі*;

похачі́ мн. л. ‘брусніцы – кустовая ягадная расліна сямейства бруснічныя’: *Похачоў мало было, бо сухое лета*;

пырэй м. р. ‘пустазелле – дзікаслая расліна, якая засмечвае пасевы культурных раслін’: *Пырэю ўжо нарасло на агародзе*;

репе́йнік м. р. ‘лопух – двухгадовая або шматгадовая травяністая расліна сямейства складанакветныя з буйнымі шырокімі лістамі і ўчэпістымі калючкамі’: *У лесе репейніка многа*;

румя́нец м. р. ‘рамонак – травяністая расліна сямейства складанакветныя задзіночнымі кветкамі, у якіх пялёсткі звычайна белыя, а сярэдзіна жоўтая’: *Румянцы на полі красівыя*;

хмель́ м. р. ‘хмель – павойная расліна сямейства тутавыя, некаторыя віды якой выкарыстоўваюцца ў піваварэнні’: *Дзікі хмель парос*;

чыстаце́л м. р. ‘чыстацел – травяністая расліна сямейства макавыя з жоўтымі кветкамі, сабранымі ў парасонападобныя суквецці, і аранжавым млечным сокам’: *Чыстацел для лечення цела.*

Такім чынам, сярод дыялектных назваў травяністых раслін у гаворках вёскі Малеч Бярозаўскага раёна вылучаюцца як поўныя адпаведнікі навуковых найменняў або іх фанетычныя, марфалагічныя, словаўтваральныя варыянты: *канюшына*, *крапіва*, *хмель* і інш., так і рэгіянальныя лексемы: *похачі*, *бабка*, *березка* і інш.

Х. Х. Рахманова *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОЛОРИТ В ЯЗЫКЕ ПОВЕСТИ А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО «АММАЛАТ-БЕК»

Предшественник М. Ю. Лермонтова, писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, создал ряд произведений, в которых так или иначе представлен Кавказ и народности, населяющие его в XIX в. Из них наиболее известна повесть «Аммалат-бек», имеющая характерный подзаголовок «Кавказская быль». Оказавшись на Кавказе во время боевых действий, писатель увлеченно изучал его быт, людей, традиции и природу. Стремление автора поделиться своими новообретенными знаниями выступает как в тексте самой повести, так и в обширных примечаниях, которые иногда даются прямо в тексте.

А. А. Бестужев-Марлинский, пытаясь придать реалистичность повествованию, упоминает в повести «Аммалат-бек» конкретные события, связанные с Кавказской войной, широко использует в тексте многочисленные имена собственные, «привязывающие» повествование к землям Дагестана и Чечни, а главное – экзотическую лексику разного содержания, называющую реалии данной местности, высказывания героев на языках тюркских народов и т. д.

В тексте отмечено так много слов-экзотизмов, что можно выделить совокупности инонациональных слов, отражающие фрагменты иноязычной лексико-семантической системы, то есть целые лексико-семантические группы

(ЛСГ). ЛСГ объединяет в себе слова одной части речи, в которых присутствует не только общая грамматическая сема, но и хотя бы одна общая категориально-лексическая сема (гиперсема).

Изучив текст повести (вместе с внутритекстовыми авторскими примечаниями), мы выделили целый ряд лексико-семантических групп тюркской лексики. Самая обширная из них – это номинации лица: *абрек* ‘разбойник’, *ага* ‘господин’, *бек* ‘знатный землевладелец’, *белад* ‘проводник’, *гаким* ‘доктор’, *гяур* ‘иноверец’ (о русских), *джигит* ‘лихой наездник’, *джиладар* ‘конюший’, *есырь* ‘пленный’, *игид* ‘витязь’, *кунак* ‘гость, друг’, *кекхуд* ‘староста’, *мулла* ‘мусульманский священник’, *нукер* ‘телохранитель, слуга’, *падишах* ‘властитель, правитель’, *сардарь* ‘военачальник’, *уздень* ‘горский дворянин’, *хан* ‘князь’, *ханум* ‘госпожа’, *чауш/чоуш* ‘десятник’, *шагид* ‘мученик’, *шамхал* ‘наместник халифа дамасского’, *эмджек* ‘молочный брат’, *эмир* ‘повелитель’.

Группа личных номинаций в тексте повести включает слова, известные на Кавказе в первой половине XIX века. В современном русском языке они могут иметь статус устаревших. Например, слово *абрек* (‘скиталец’, разбойник), одно из самых распространенных слов, ставшее известным в годы Кавказской войны, сейчас является историзмом. В эпоху завоевания русскими Кавказа так называли горцев-партизан. Обозначения лица употребляются как в речи автора, так и в речи персонажей. В речи автора они выступают как экзотизмы, поскольку называют реалии чужой действительности.

Кавказские народы в начале XIX в. находились на раннефеодальной стадии развития, здесь только начинал выделяться класс землевладельцев. Социальное деление общества запечатлено в таких обозначениях, как *бек, хан, сардарь, падишах*. Такие обозначения тоже используются в речи автора и в речи действующих лиц. Например, из письма Аммалат-бека: *Русский* ***падишах*** *дал мне чин,* ***сардарь*** *ласкал меня*; *Аммалат-****бек*** *мой* ***ага*** (господин).

Обширную ЛСГ образуют номинации, связанные с религией ислама (*сунни, шагиды, Куран, Магомет, имам* ‘святой’, *ших* ‘пророк’, *джинии* ‘духи’, *гоуль* ‘черт’); а также называющие сакральные сооружения мусульман (*минареты, мечеть*). Заметная группа слов связана с обозначениями дней недели: *джума* ‘пятница’, *шамби* ‘суббота’, *ихшамба* ‘воскресенье’, *душамба* ‘понедельник’, *сешамба* ‘вторник’, *чаршамба* ‘среда’, *пханшамба* ‘четверг’;

Необычайно активно автор представляет бытовую лексику. Это предметы одежды: *чалма, аракчин* ‘ермолка’, *башлык, бурка, архалук* ‘туника’, *шальвяри/шальвары* ‘мужские панталоны’, *туманы* ‘женские широкие панталоны’, *чуха* и др. Обращает на себя внимание детализация наименований: *шальвяри/шальвары* ‘мужские панталоны’, *туманы* ‘женские широкие панталоны’. Создается впечатление, что автор не только характеризует своих персонажей, но одновременно желает просветить читателя. Точно так же представлена группа номинаций строений: *сакля* – общее название дома, но

Бестужев-Марлинский считает необходимым дать подробную информацию: *утах* ‘палаты’; *ав* ‘дом’, *сарай* ‘здание вообще’; *гарам* ‘женское помещение’; *игарат* ‘дворец’ и др. Автор упоминает многие предметы быта: *арбы*, *чурек*, *лезгинка*, *комус* ‘горская балалайка’, *гасиль* ‘циновка’ и др., номинации мер длины (*агач* ‘семь верст’), денежных единиц (*пул* ‘деньги’); обычаев (*калым* ‘выкуп за невесту’, вооружения (*джигида* ‘небольшая палка для упражнений в джигитовке’), растений (*чинар*, *чиндар*), животных (*чакал*) и мн. др.

При чтении текста повести А. А. Бестужева-Марлинского возникает впечатление, что автор осознанно стремился дать русскому читателю как можно больше информации о народах Кавказа, о культуре, быте и языке горцев, он словно демонстрировал читателю свои новые познания. В результате повесть иногда сближается с этнографическим очерком, тем более что прямо в тексте к иноязычным словам даются глоссы с обширными примечаниями. Такое использование экзотической лексики не всегда можно рассматривать как прием национально-культурной стилизации, поскольку включение экзотической лексики должно быть функционально оправданным. Обилие ксенизмов и внутритекстовые комментарии писателя к ним загромождают текст и усложняют его восприятие.

Экзотизмы как средство создания национального колорита обычно в художественном тексте выполняют номинативную функцию, называя реалии, которые отсутствуют в культуре другой страны. Однако в «Аммалат-беке» находим (в речи автора!) слова *пешкеш* ‘подарок’, *шушк*а ‘сабля’, *зильфяры* ‘кудри’ и др., которые вовсе не относятся к безэквивалентной лексике. Например: …*Если имеет* ***есыря*** *(пленного), то считает себя важным бариномь.*

Наблюдения показывают: автор настолько «густо» украшает текст «кавказской были» экзотизмами, что авторские комментарии к ним порой отвлекают читателя от сюжета. К тому же эти комментарии, к сожалению, не всегда точные. Например, повесть начинается с указания на время действия: *Была* ***джума.*** А далее автор снабжает текст собственными пояснениями: «***Джума*** *соответствует нашей неделе, то есть воскресенью*. На самом деле *джума* – это пятница, а с воскресеньем ее роднит тот факт, что *джума* считается святым днем для мусульман. Еще пример: *Несколько* ***кедхудов*** (старост) …*после обычных приветов: хош гяльди* … Между тем *кедхуды* – это старейшины племени, уважаемые люди.

Писатель использует в тексте и множество варваризмов, передавая традиционные для повседневного общения этикетные формулы: *хош гяльды* (милости просим); *яхшимусен, тазамусен сеннемамусен* (как живешь-можешь), *на хабер?* (*что нового?*); *Селам алейкюм – Алейкюм селам*; междометия (*качь, качь* (посторонись)!»; «*Игид! Игид*» (удалец); *Алла, Вал-ла-га*! Поскольку эти слова воспринимались писателем на слух, то в передаче некоторых выражений,

услышанных им на Кавказе, он ошибается. Например: *Первиадер (всевышний) прости* – в турецком языке *первердигар*; *хош гяльди* – это «добро пожаловать».

Искажает заимствования из устной речи А. А. Бестужев-Марлинский и в грамматическом плане. Показателен следующий контекст: *На каждой версте свита Верховского возрастала прибывающими* ***беглярами*** *и* ***агаларами*** – и примечание к нему: ***Лар*** *есть множественное число всех существительных в татарском языке, а потому* ***бегляр*** *значит* ***беки***, ***агалар – аги***. *Русские по незнанию употребляют иногда и в единственном так же.* Однако автор упускает из виду, что эти слова не склоняются.

Можно заключить, что А. А. Бестужев-Марлинский в своей повести, названной «Кавказской былью», несколько увлёкся «кавказским» колоритом. Это привело к загромождению текста инонациональными понятиями и словами, к лексической избыточности. Стремясь привлечь внимание читателя к новому для России миру Кавказа, писатель упускал из виду принцип соразмерности и сообразности в отборе выразительных средств, о котором позже писал А. С. Пушкин. Однако Бестужев-Марлинский был одним из первых авторов, представивших русскому читателю Кавказ в художественном тексте. Он фактически показал путь упрочения русско-кавказских культурных взаимосвязей через освоение языков и культур.

Т. П. Романюк *(м. Суми, СумДПУ ім. А. С. Макаренка)*
Науковий керівник – І. І. Брага, канд. філол. наук, доцент

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ РОЗМОВНОЇ ЛЕКСИКИ В МОВІ РОМАНУ М. ГРИМИЧ «КЛАВКА»

Роман сучасної української письменниці Марини Гримич «Клавка», що вийшов у світ 2019 року, розповідає про життя українських письменників у будинку РОЛІТ (РОЛІТ – «робітники літератури») і сумнозвісний Пленум Спілки письменників УРСР 1947 року, на якому було засуджено Юрія Яновського і Максима Рильського. Основною ж героїнею роману є двадцятишестирічна Клавка – донька репресованих «ворогів народу», секретарка Спілки письменників. Мова роману вирізняється тим, що в ній органічно переплітаються лексичні одиниці з різним функціонально-стильовим і стилістичним значенням – канцеляризми, наукова термінологія, а також розмовна лексика, в усьому її різноманітті. Остання і опинилася в центрі нашої дослідницької уваги.

Мета статті полягає в аналізі особливостей функціонування розмовної лексики в романі М. Гримич «Клавка» [1].

Проблема розмовної лексики як специфічного лексичного шару, визначення її місця в канві художнього тексту продовжує залишатися актуальною на сучасному етапі розвитку української лінгвостилістики.

Зрозуміло, що розмовна лексика являє собою конститутивну одиницю передусім розмовного стилю. У цьому аспекті її досліджували такі українські мовознавці, як П. Дудик, С. Єрмоленко, Л. Мацько та ін. Особливості побутування розмовної лексики в художніх творах вивчали С. Бибик, С. Єрмоленко, Б. Коваленко, К. Ленець, Л. Коробчинська, Л. Масенко, Л. Пустовіт та ін.

За визначенням С. Я. Єрмоленко, розмовна лексика – це «слова розмовної мови, що протиставляються стилістично нейтральній та книжній лексиці літературної мови своїм емоційно-експресивним забарвленням і функціонально-стильовим навантаженням» [2, с. 560]. Виходячи з даного поняття, можемо зробити висновок, що розмовна лексика використовується здебільшого в побутовому спілкуванні і суттєво відрізняється від книжної лексики своєю рухливістю та варіативністю.

Мовознавці наголошують, що розмовна лексика є структурною одиницею літературної мови. Нейтральна і розмовна лексика однаково функціонують у системі мови, не порушуючи її норм. Зокрема, Л. Коробчинська виділяє три групи розмовної лексики: «1) власне розмовна лексика, 2) так зване просторіччя, 3) грубе просторіччя, або вульгаризми» [3, с. 3].

Як зауважує П. Дудик, ця лексика активно використовується в художніх творах, адже властива для мовлення всіх верств населення [4, с. 61].

У контексті зазначених вище теоретичних питань здійснено аналіз особливостей функціонування розмовної лексики в романі М. Гримич «Клавка». У художньому тексті особливе місце посідають розмовно-побутові лексеми. До них прийнято уналежнювати слова, що обслуговують побут людини (назви одягу, їжі, предметів побуту тощо). Наприклад: *щедро намастила її* ***тушонкою*** [1, с. 63], *тушонка* – розм. ‘консервоване тушковане м’ясо’ [5, т. 10, с. 332]; *Вона взяла в руки ароматний* ***баняк*** [1, с. 70], *баняк* – розм. ‘чавунний горщик, казан’ [5, т. 1, с. 102]; *Клавка залізла на драбинку і дістала з* ***антресолі*** *гармонь* [1, с. 37], *антресоль* – розм. ‘дощатий настил під стелею для зберігання речей’ [5, т.1, с. 37]. Навіть з нечисленних прикладів пересвідчуємося в тому, як різнотематична розмовна лексика віддзеркалює повоєнний час у Києві.

Розмовно-побутова лексика використовується для мовленнєвої характеристики персонажів. Зокрема, окремою групою власне розмовної лексики є лексеми на позначення руху людини. Наприклад, лексема *йти* має близько 5 синонімів: *шмигнути* [1, с. 5], *плентатися* [1, с. 4], *валандається* [1, с. 29], *почвалати* [1, с. 32], *тиняються* [1, с. 133].

На позначення мовленнєвої діяльності людини використовується ряд синонімічних лексичних одиниць. Наприклад: *говорити – цвірінькала* [1, с. 89], *бовкнула* [1, с. 92], *подейкувати* [1, с. 135], *бурчала* [1, с. 323], *кричати – погиркатись* [1, с. 222], *горлав* [1, с. 297], *визвірився* [1, с. 314].

На позначення процесів споживання їжі та напоїв використано такі лексичні одиниці: *пити – хильнути* [1, с. 14], *обмивати* [1, с. 138], *сьорбнула* [1, с. 215], *хлистали* [1, с. 291], *їсти – хрумав* [1, с. 296].

Поряд із власне розмовною слід згадати і просторічну лексику, що, на відміну від власне розмовної, виходить за межі літературної мови та здебільшого має відтінок згрубілості. За семантичною ознакою лексичні одиниці просторічної лексики поділяють на негрубе просторіччя і грубо-просторічну лексику. У романі «Клавка» негруба просторічна лексика має знижене стилістичне забарвлення та поділяється на зневажливі слова (*пройдисвіт* [1, с. 118] – розм. ‘людина, здатна на ганебні, нечесні вчинки’ [5, т. 8, с. 191], *теревенив* [1, с. 260] – розм. ‘говорити що-небудь незначне, несерйозне’ [5, т. 10, с. 84]) і фамільярну лексику (*припхалася* [1, с. 138], *приперлась* [1, с. 172] на позначення руху людини, *гамселити* [1, с. 41], *лупити* [1, с. 41] у значенні процесу побиття чого-небудь).

До грубо-просторічної лексики відносять лайливі слова та вульгаризми. У досліджуваному художньому тексті використовується вульгарна лексика – згрубілі форми просторічних слів. Наприклад, для позначення байдужості людини до будь-якої ситуації використано лексему *начхати* [1, с. 321].

Стилізація розмовної мови в аналізованому романі здійснюється завдяки вживанню діалектизмів – лексичних одиниць, функціонування яких обмежене територіально. Діалектизми слугують для передачі тогочасного побуту, мовленнєвої характеристики персонажів, а також вказують на їхню територіальну належність, соціальний статус тощо. Наприклад, у романі «Клавка» використані такі діалектизми: *пацьорки* [1, с. 323] – діал. ‘обірвані шматки, частини тканини’ [5, т. 6, с. 103]; *нишпорка* [1, с. 40] – діал. ‘людина, яка надмірно цікавиться всім, потай слідкує за ким-небудь’ [5, т. 5, с. 416].

Отже, в мові досліджуваного роману М. Гримич «Клавка» розмовна лексика відіграє суттєву роль як засіб творення художньої образності. Використання всіх регістрів розмовної лексики сприяє більш повному розкриттю характерів персонажів, їхнього побуту, соціального статусу. Окрім цього, розмовна лексика створює колорит тогочасного суспільства, віддзеркалює епоху повоєнної України.

Список використаної літератури

1. Гримич М. Клавка / М. Гримич. – К.: Нора-Друк, 2019. – 336 с.

2. Єрмоленко С. Я. Розмовна лексика // Українська мова: енциклопедія / редкол.: В. М. Русанівський, О. А. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк та ін. 2-ге вид., випр. і доп. – К. : Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2004. – С. 560.

3. Коробчинська Л. А. Лексика розмовної мови // Питання мовної культури. 1968. – Вип. 2. – С. 3–14.

4. Дудик П. С. Стилістика української мови: навч. посібник / П. С. Дудик. – К. : Академія, 2005. – 368 с.

5. Словник української мови: в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1970–1980.

В. И. Самотуга *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

НОВЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ Г. Н. СКЛЯРЕВСКОЙ)

На рубеже II и III тысячелетий лексика современного русского языка переживает очередной неологический бум. Обновляются целые участки лексико-семантической системы, и процессы, обеспечивающие это обновление, многообразны. В последние три десятилетия наиболее активно, пожалуй, происходят процессы заимствования иноязычных слов.

Первые результаты этого процесса фиксирует созданный в 2008 году Толковый словарь русского языка под редакцией Г. Н. Скляревской [1]. Любой толковый словарь по своему наполнению, – пишет О. П. Жданова, – это не только лингвистическое информационно-справочное издание, но и артефакт культуры, отражающий в своём содержании ту или иную идеологию [2, с. 65]. С отменой социалистической идеологии общественно-политическая жизнь российского общества стала активно изменяться по образцу западных стран, и это обусловило возникновение новых явлений в социуме и заимствование их названий в русский язык. Такие лексемы из названного словаря стали материалом для нашего исследования.

Поскольку в центре картины мира каждого времени находится человек, мы сосредоточили внимание на отмеченных в словаре новых иноязычных номинациях лица, возникших в связи с общественно-политическими изменениями после распада СССР. Группу личных номинаций иноязычного происхождения, соотносимых с реалиями нового общества, образуют слова *аудитор, андеррайтер, бакалавр, банкир, бодигард, бойфренд, брейкер, брокер, букмекер, гетеросексуал, гомосексуал, диггер, магистр, медиа-брокер, сайентолог, спичрайтер, спонсор, тинейджер, хакер* и мн. др.

Среди лексем этой группы есть обозначения разных социальных ролей человека – по роду занятий (*банкир, брокер, хакер*), по должности (*мэр*), образованию (*бакалавр, магистр*), возрасту (*тинейджер*), сексуальной ориентации (*бисексуал, гомосексуал*) и т. п. На первом месте находятся общие и специальные названия, связанные с изменениями в экономическом строе (*аудитор, банкир, брокер, дистрибьютер, медиа-брокер, менеджер* и др.). Отмечены номинации новых профессий: *андеррайтер, бодигард*; *риэлтор*; *спичрайтер*; новых увлечений (*диггер*) и др.

Новизна указанных номинаций в современном русском языке ощущается по-разному. Большинство слов вошли в общее употребление, так как они были известны русскому языку давно, но выступали своего рода «экзотизмами» для социалистического общества, называя реалии Западной Европы и США. Например, в Словаре иностранных слов, изданном в 1986 году, уже содержатся такие слова, как *астролог* [3, с. 58], *аутсайдер* [3, с. 63], *банкир* [3, с. 70], *бизнесмен* [3, с. 78], *брокер* [3, с. 89], однако в их толкованиях подчеркивается отсутствие соответствующих реалий в советской действительности (примечаниями типа «в капиталистических странах» [3, с. 70], «институт брокеров развит в Англии» [3, с. 89]). С изменением общественного строя в России распространились и предпринимательство, и посреднические услуги, и частные банки, и астрология, поэтому соответствующие обозначения лица стали обычными для русского языка. Они даже послужили базой для образования ряда производных слов. Так, лексема *брокер* стала мотивирующей для сложной номинации *медиа-брокер* (‘брокер, размещающий рекламу в средствах массовой информации’) [1, с. 573]; на основе других номинаций появились дериваты *астрологический*; *аутсайдерский, аутсайдерство, банкирский, бизнесменка, брокерский, брокерство* и др. Фактически эти слова стали общеупотребительными.

О других иноязычных словах, отмеченных в словаре, можно говорить, что они заимствовались повторно, так как были известны русскому языку и раньше, но сейчас пережили обновление семантической структуры. Например, лексема *аудитор* [<лат. auditor *слушатель*] заимствована давно, но находилась на периферии лексико-семантической системы, так как имела значения 1) ’ученик в духовных училищах, назначавшийся учителем для выслушивания уроков своих товарищей’; 2) ’в некоторых странах – присяжный заседатель или особое должностное лицо в суде’; 3) ’в англосаксонских странах – ревизор, контролирующий финансовую деятельность компании’; ‘в США – должностное лицо графства, наблюдавшее за расходованием средств’ [3, с. 62]. В настоящее время *аудитор* – это специальный финансовый термин, называющий лицо, проверяющее финансово-хозяйственную деятельность компании, или лингвистический термин, обозначающий лицо, слушающее записанную на пленку звучащую речь со специальными целями

(отождествления звуков, оценки произношения и т. п.) [1, с. 96]. Подобным образом изменили семантику лексемы *бакалавр* и *магистр*. Слово *бакалавр* [лат. *baccalaureus*] в западноевропейских университетах в старину – первая ученая степень; во Франции и некоторых других странах – лицо, сдавшее экзамены за курс средней школы [3, с. 67]. В наше время *бакалавр* – «первая, начальная академическая степень или квалификация, присуждаемая лицам, освоившим соответствующие образовательные программы высшего образования» [1, с. 102]. Слово *магистр* [лат. *magister* ‘начальник’; ‘наставник’] входило в пассивный словарь со многими значениями, будучи в Древнем Риме и Византии титулом некоторых должностных лиц; в Западной Европе в средние века названием главы духовно-рыцарского католического ордена; преподавателем «семи свободных искусств»; в США, Великобритании и других странах с англо-американской системой высшего образования – обозначением второй академической степени, присуждаемой лицам, окончившим университет или приравненное к нему высшее учебное заведение и имеющим степень *бакалавра*, прошедшим дополнительный курс в течение 1–2 лет, сдавшим спец. экзамен и защитившим диссертацию [3, с. 286]. Последнее значение стало актуальным в современном русском языке [1, с. 554], так как в 2003 году Россия присоединилась к Болонскому процессу, и на смену специалитету пришли бакалавриат и магистратура.

Английские слова с начала века могли вытеснять существующие русские номинации в связи с модой «на все иностранное». По этой причине в русском языке стали употребительными такие слова, как, например, *тинейджер* (англ. *teenager*, из англ. *teen* (общий постфикс английских числительных от 13 до 19) и англ. *age* «возраст») [1, с. 985] вместо *подросток*, *юноша*. С появлением состоятельных людей стала популярна профессия *бодигард* (англ. *bodyguard*, от *body* + *guard*: хранитель тела) [1, с.148] вместо русского *телохранитель*. Закрепилось в русском языке и «звонкое» слово *бойфренд* (англ. *boyfriend* из *boy* «мальчик» + *friend* «друг».) [1, с. 150], которое имеет более позитивную коннотацию в сравнении с исконными словами того же значения: *любовник*, *партнёр*, *сожитель*.

С появлением частной собственности возникают новые профессии, связанные с грамотным размещением капитала, с его страхованием, с изучением рисков разного рода. Это обусловило закрепление в русском языке совершенно новых номинаций, например, *андеррайтер* [1, с. 64] – специалист по оценке рисков при инвестициях разного рода.

Новые иноязычные номинации лица в современном русском языке не исчерпываются названной группой, но несомненно одно: причинами активизации процессов заимствования становятся как «потребности в корне

изменившейся жизни (смена политических, экономических, идеологических ориентиров)», так и «американомания, когда привлекательными оказываются стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения, вкусы американского общества» [4, с. 108].

Список использованной литературы

1. Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика : ок. 8500 слов и устойчивых словосочетаний / авт.-сост.: Г. Н. Скляревская [и др.] ; под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2008. – 1131 с.

2. Жданова, О. П. Лингвоэкологический портрет толкового словаря начала XXI века / О. П. Жданова. – Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 65–83.

3. Словарь иностранных слов. – 13-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 608 с.

4. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.

Н. В. Сас *(г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ НОМИНАЦИИ ЛИНЕЙНЫХ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ Г. БРЕСТА

Урбанонимия представляет собой особую и особенную область онимического пространства, характеризующуюся отличительными чертами. Имена собственные линейных объектов – улиц, переулков, площадей и иных внутригородских объектов, которые формируются под воздействием разных (исторических, географических, этнографических, социальных, лингвистических) факторов, являются богатым источником для изучения культуры и истории народа, его языка. Это достаточно устойчивая система, функционирующая на протяжении столетий, способная к самосохранению, но в то же время самый подвижный и изменчивый пласт лексики. Изменения, имеющие место, касаются определенных фрагментов системы и выражаются в исчезновении названий, связанных с реалиями прошлого или имеющих отношение к политике и идеологии. Номинации внутригородских линейных объектов подчиняются ряду принципов. Под принципом номинации понимается основное направление, по которому осуществляется связь слова с называемым объектом. Принципы номинации являются универсальными категориями, различающимися лишь а) в выборе признаков номинации и б) в способах их выражения [1]. В основу номинации внутригородских объектов г. Бреста положен ряд принципов: принцип номинации внутригородских объектов по их свойствам и качествам, принцип номинации объекта по связи с абстрактным понятием, принцип

номинации по связи с человеком. Объектом нашего рассмотрения в статье станут первые два принципа.

Исследуя урбанонимы, отвечающие принципу номинации внутригородских объектов по их свойствам и качествам, А. М. Мезенко отмечает, что «периоды относительно активного действия этого принципа номинации в истории урбанонимии Беларуси чередуются с периодами его угасания. Так, если в XVI в. названия улиц, которые отвечали данному принципу номинации, составляли в среднем около 7 % от общего количества годонимов городов, которые исследовались, то в XVII в. процентное содержание их уменьшилось более чем в два раза (3,2 %). К концу XVIII в. оно резко увеличилось, достигнув самого высокого показателя – 11,8 %. Однако уже к середине XIX в. снова заметно уменьшилось – 6,7 %. Дальнейшее оживление данного принципа на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. снова приостановилось и даже стало снижаться» [2, с. 104–105].

В зависимости от признака, положенного в основу номинации, зафиксированные нами названия линейных объектов г. Бреста, соответствующие данному принципу, были распределены по следующим группам:

– названия, характеризующие внутригородской объект с точки зрения размера, конфигурации, физико-географических особенноятей возникновения (степени застройки, пространственных размеров, особенностей почвы и др.): *ул. Восходящая, Встречная, Высокая, Глиняная, Далёкая, Дальняя, Зеркальная, Кольцевая, Каменная, Короткая, Косая, Крайняя, Круговая, Ландшафтная, Линейная, Малая, Нефтяная, Низкий пер., ул. Просторная, Прохалодная, Песочная, Песчаная, Радиальная, Светлая, Смоляной пер., ул. Солнечная, Средняя, Тенистая, Торфяная, Угловая, Узкая, Целинная, Центральная, Широкая*;

– названия, характеризующие внутригородской объект с точки зрения времени существования или возраста, включающие в свой состав морфемы *нов-* и *стар-*: *ул. Новая, Новая 1-я, Новая Аркадия, Новосельская, Новосёлковская, Новосёлов, Новозадворская, Стародорожная, Старинная, Старозадворская, Старозадворский пер., ул. Старосельская, Старославянская*;

– названия, включающие в свой состав слова со значением цвета: *ул. Алая, Голубая, Зелёная, Зелёный пер., ул. Цветная, Лиловая, Розовая, Серебристый пер., ул. Красная, Серая, Шафрановая, Янтарная.*

Условно к урбанонимам, отвечающим принципу номинации внутригородских объектов по их свойствам и качествам, можно отнести:

– флористические (или батанические) и фаунистические (или зоологические) названия: *ул. Абрикосовая, Берестяная, Брусничная, Берёзовая, Васильковая, Вересковая, Вербовая, Вербная, Виноградная, Вишнёвая, Голубиная, Грушевая, Грибная, Жасминовая, Житняя, Журавлиная, Земляничная, Зерновая, Калинавая, Калиновый 1-9-ый пер., ул. Каштановая,*

Цветочная, Камышовая, Кедровая 1-5-я, Кипарисовая, Кленовая, Лавровая, Ландышевая, Лебединая, Липовая, Лозовая, Малинавая, Можжевеловая, Ольховая, Ореховая, Пионовая, Пихтовая, Плодовая, Платановая, Пшеничный пер., ул. Ракитная, Ржаная, пер. Роз, ул. Рябиновая, Ромашковая, Самшитовая, Сиреневая, Сосновая, Соловьиный пер.; ул. Тополевая, Травяная, Фруктовая, Хвойная, Тисовая, Тюльпановая, Черёмуховая, Яблоневая, Ягодная, Ясеневая;

– эмоционально-характерологические названия: *ул. Возрождения, Изумрудная, Вольная, Весёлая, Добрая, Дружная, Дружный 1–5-й пер., ул. Жемчужная, Заповедная, Звонкая, Кристальная, Купальская, Лиричная, Лучистая, Малахитовая, Мира, Мирная, Мирская, Медовая, Надежды, Нектарная, Приветная, Радостная, Сердечная, Сказочная, Спокойная, Сябровская, Урожайная, Тихая, Чистая, Юбилейная, Ясногорская, Ясная.*

Можно сказать, что две последние группы занимают своеобразную переходную позицию между принципом номинации внутригородских объектов по их свойствам и качествам и другим принципом номинации – по связи с абстрактным понятием, поскольку на современном этапе подобные названия улицам и переулкам даются условно, без учета их свойств и качеств.

«Самым “молодым” среди принципов номинации внутригородских топографических объектов является принцип номинации по связи объекта с абстрактным понятием. Начало его формирования относится к XIX в. и достаточно тесно связано с администрированием процесса номинации в целом» [2, с.109].

Нами выделены следующие группы урбанонимов, соответствующие принципу номинации объекта по связи с абстрактным понятием.

– номинации, мотивированные названиями месяцев, пор года, времени суток и природных явлений: *ул. Августовская, Весенняя, Зимняя, Июльская, Летняя, Октябрьская, Осенняя; ул. Радужая, Вечерняя, Зарничная, Звёздная, Месячная, Полярная, Утренняя, Рассветная, Снежная;*

– названия, основой номинации которых стали символы социалистической эпохи: *ул. Интернациональная, Кооперативная, Колхозная, Комсомольская, Коммунистическая, Молодогвардейская, Молодёжная, Народная, Пионерская, Пролетарская, Трудовая, Труда, Республиканская, Республики проспект, Свободы площадь, ул. Советская, Советской Конституции, Краснознамённая, Красногвардейская.*

Таким образом, названия внутригородских объектов г. Бреста выполняют информационно-коммуникативную функцию, поскольку являются своего рода ориентирами в городской среде, а их названия способны рассказать об истории объекта, его качествах и свойствах, отличительных особенностях, отношении человека к называемому объекту.

Список использованной литературы

1. Ковалева, Н. Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале географических названий бассейна р. Ини) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27818/1/vtop_1971_13.pdf – Дата доступа: 20.07.2020

2. Мезенко, А. М. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.

А. В. Семашкевич *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Воздействующая функция СМИ была впервые затронута во время Первой мировой войны. Тогда предпринимаются попытки анализировать механизмы управления массовым сознанием. СМИ становится международным инструментом воздействия во время Второй мировой войны, тогда появляется термин психологическая война. В период холодной войны появляется научный интерес к изучению пропаганды в СМИ. В основном изучались методы пропаганды фашистского режима. Тогда стала ограничиваться свобода слова в средствах массовой информации. На данный момент манипулятивная функция рассматривается как важная характеристика современных СМИ.

Ю. Харламова отмечает, что политические субъекты могут не только информировать население о своей политике, но и «моделировать отношения с общественностью» [1]. То есть СМИ стало мощным инструментом конструировании политических взглядов социума и построения отношений с общественностью. А основной ролью СМИ Ю. Харламова называет скорее идеологическую, чем информативную, то есть СМИ при транслировании информации формируют оценку явлений [Там же].

Е. Е. Бражкина и Н. С. Ефимова [5] также описывают причины, которые обуславливают манипулятивный характер СМИ. Одной из таких причин называют субъективное отношение информаторов к информации, вследствие чего информация искажается личностными особенностями, политическими пристрастиями.

Чаще всего манипуляция осуществляется на лексическом уровне, так как на этом уровне много разнообразных инструментов управления сознанием. Так, клише и штампы помогают ввести читателя в заблуждение, скрыть истинные мотивы. Часто в СМИ используются клише *ситуация под контролем, взять под контроль*, *контролируемая ситуация*. Сравнение частотности таких сочетаний в российских печатных СМИ в разные периоды (см. табл. 1), установленной при помощи Национального корпуса

русского языка [3], демонстрирует прямую связь употребительности подобных сочетаний с текущим состоянием экономики.

Таблица 1 – Динамика частотности сочетаний типа *ситуация под контролем*

Период	**2006–2007**	**2008–2009**	**2014**
Объем подкорпуса	45 783 977	36 279 545	6 248 284
Количество вхождений сочетаний *ситуация под контролем, взять под контроль, контролируемая ситуация*	77 1,68 ipm	87 2,4 ipm	17 2,7 ipm

До 2008 г. экономика РСФСР динамично развивалась, в 2007 г. Россия заняла третье место в мире по золотовалютным резервам после Китая и Японии. В 2008–2009 гг. экономика России пострадала в связи с мировым кризисом. В 2014 г. резко выросли темпы инфляции, почти остановился рост промышленного производства, усилился отток капитала из России, снизились реальные доходы населения.

Колебания частотности для такого рода словосочетаний в спокойные и проблемные годы весьма существенно – на 42,8–60,7 %.

Использование эвфемизмов также манипулятивно, с их помощью ситуация подается в лучшем свете, чем она есть на самом деле. Например, слово *вызов* воспринимается носителями языка как призыв к борьбе, чувствуется надежда на улучшение. *Трудность* же, *проблема*, *кризис* имеют негативную коннотацию.

Если сравнить частотность слова *вызов* в российских печатных СМИ в разные периоды (см. табл. 2), очевидна тесная связь употребительности этого существительного с текущим состоянием экономики.

Таблица 2 – Динамика частотности слова *вызов*

Период	**2006–2007**	**2008–2009**	**2014**
Объем подкорпуса	45 783 977	36 279 545	6 248 284
Количество вхождений слова *вызов*	1672 36,52 ipm	1715 47,27 ipm	306 48,97 ipm

Как видно из таблицы, в проблемные годы частотность слова *вызов* вырастает примерно на треть (на 29,4–34,1 %).

При описании военных действий часто в СМИ используются слова с общим, нейтральным значением: *акция*, *операция*, *кампания*. Цель пишущих – не заострять внимание на проблеме. Более агрессивная

манипуляция наблюдается, когда военные конфликты называют *братской помощью*. Например, в марте 2014 г. и позже в российских СМИ можно найти высказывания такого типа: *Но давайте не будем пытаться заставлять Россию бросать в беде своих сограждан и соотечественников. Крым сегодня – самый яркий пример* ***братской помощи*** *людям, попавшим в беду. Но таким же образом Россия готова отреагировать на просьбу и других наших соотечественников, оказавшихся в сложной ситуации* [А. Кашеварова. Крым – это Россия: своих не бросили! // Известия, 2014.03.17]. Прилагательное *братская* как термин родства ассоциируется с положительной оценкой, поэтому вся ситуация должна восприниматься как позитивная. Такой эвфемизм подает отрицательный денотат так, что действие положительно воспримется адресатом.

К манипулятивным методам воздействия в СМИ относят использование иноязычных слов. Их значение не всегда четко понятно, внутренняя форма не прозрачна, поэтому такие слова могут вводить аудиторию в заблуждение. Так, используется слово *оптимизация*, по внутренней форме тождественное слову *улучшение* (лат. *optimus* – ‘лучший’, форма превосходной степени от *bonus* ‘хороший’). О том, что слово *оптимизация* не тождественно слову *улучшение*, свидетельствуют регулярно используемые словосочетания *оптимизация бюджета*, *оптимизация расходных статей бюджета*, *оптимизация расходов* (267 примеров в НКРЯ), *оптимизация затрат* (104 примера) и даже *оптимизация долгов*: *На недавно прошедшем Петербургском международном экономическом форуме президент В. В. Путин рассказал, что поручил правительству разработать меры по* ***оптимизации*** *долгов российских регионов* [Е. Теслова. Депутаты предлагают списать долги регионов // Известия, 2014.05.28]. Существительное *улучшение* невозможно представить в сочетаниях со словами *расход*, *затрата*, *долг* и под.

Итак, средства массовой информации прибегают к приемам речевого манипулирования при освещении разных сфер жизни общества. Чаще всего это инструменты лексического уровня языка, в частности эвфемизмы и дисфемизмы, а также клише, ярлыки и иноязычные слова. Они используются для освещения ситуации в нужном свете.

Список использованной литературы

1. Харламова, Ю. О. СМИ как инструмент реализации государственной политики / Ю. О. Харламова // Власть. – 2012. – № 8. – С. 41–45.

2. Бражкина, Е. Е. Информационно-психологическая безопасность и манипулирование информацией в СМИ / Е. Е. Бражкина, Н. С. Ефимова // Успехи в химии и химической технологии. – 2012. – Т. 26, № 9. – С. 16–21.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/new/. – Дата доступа: 30.05.2020.

Ю. Р. Силюк *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

Эмпирической базой исследования графико-орфографических ресурсов реализации коммуникативных стратегий в заголовках послужили публикации в 150 номерах современных изданий Беларуси, в частности, республиканской газеты «Советская Белоруссия» (далее – СБ), городской – «Брестский вестник» (далее – БВ), региональной – «Вечерний Брест» (далее – ВБ), а также районного издания «Дрогичинский вестник» (далее – ДВ) за период 2019 г. Всего было проанализировано 1300 зафиксированных заголовков.

С помощью заголовка журналисты в первую очередь стремятся привлечь внимание адресата к представленному тексту, а также показать авторское отношение к предмету описания в газетном материале. С этой целью авторы широко применяют различные средства воздействия, в том числе графико-орфографические. Графические и орфографические средства создания выразительности – это совокупность приемов внешней организации текста, которые придают ему не только визуальную, но и внутреннюю, семантическую выразительность. Они служат реализации многих коммуникативных стратегий журналиста.

К графическим и орфографическим приемам реализации авторских интенций относят: использование в словах, словосочетаниях элементов других (внеязыковых) знаковых систем; введение в текст отдельного иностранного слова или названия объекта на иностранном языке (графико-орфографическое заимствование) в оригинальной, аутентичной форме, некодифицированная заглавная буква частей слова, всего слова и даже фразы, использование приема транслитерации и др.

Наиболее распространенным приемом графико-орфографического акцентирования является применение прописных букв в части слова. Благодаря данному изобразительно-выразительному средству в заголовках создается своеобразная языковая игра: *«НеОБЫЧАЙные кадры обычаев»* (СБ, 27.09.2019, с. 9); *«ДИКая охота»* (ВБ, 01.02.2019, с. 2); *«СОЮЗники всерьез и надолго?»* (ВБ, 08.03.2019, с. 3). Прописная буква в заголовках привлекает внимание, и тем самым подчеркивает реализацию воздействующей коммуникативной стратегии: *«Дело СТОящее»* (СБ, 30.10.2019, с. 5); *«Аксиомы, требующие ПОКАЗАтельства»* (ВБ, 17.05.2019, с. 2). Написание прописными буквами как бы рекламирует то, что хотел сказать автор

в заглавии, а также помогает акцентировать и заострить взгляд читателя на том или ином слове и, соответственно, на объекте описания: *«Недвижимость, стоящая ОСОБНЯКОМ»* (ВБ, 20.09.2019, с. 1); *«СНОСная цена»* (ВБ, 11.01.2019, с. 4); *«RIZONный выбор потребителей»* (ВБ, 06.12.2019, с. 5). Отсутствие визуального контакта в печатных СМИ можно компенсировать использованием графико-орфографической игры, которая в таких случаях способствует реализации не только воздействующей, но и информирующей коммуникативных стратегий: *«ЯСНАя ракета»* (ВБ, 07–08.11.2019, с. 4); *«Уйти доСРОЧНО, невзирая на запись в трудовой»* (ВБ, 04.10.2019, с. 2); *«ДРАГУНская баллада»* (ВБ, 27.09.2019, с. 5).

С целью реализации коммуникативных стратегий информирования и воздействия журналисты используют разные виды заимствований и транслитерации (*«Что за OLUX!»* (БВ, 28.02.2019, с. 18); *«Сыры Bonfesto и CooKing: закономерный успех»* (СБ, 12.04.2019, с. 10); *«Узнай свой IQ»* (СБ, 25.10.2019, с. 15); *«STEM-центр: наука и техника для детей»* (БВ, 14.03.2019, с. 11); *Дед Мороз.net»* (СБ, 09.11.2019, с. 16); *«ГоRIZONты возможного»* (ВБ, 26.04.2019, с. 6)). Применяются и отдельные буквы или сочетания букв латинского алфавита: *«Витамин D – брат солнца»* (СБ, 18.10.2019, с. 16); *«Y-фактор»* (СБ, 23.02.2019, с. 10); *«Крупные сети vs мелкая розница: два игрока на одном поле»* (СБ, 22.02.2019, с. 6). Данные приемы чаще встречаются в республиканской и городской прессе.

Игра цветом в заголовке выделяет публикацию на газетной полосе, а значит способствует выполнению экспрессивно-апеллятивной (эмотивной) стратегии: *«Как выбрать квартиру»* (СБ, 14.12.2019, с. 11); *«Обогреватель с эффектом горячего кирпича»* (СБ, 13.12.2019, с. 16). Поскольку цветные заголовки обладают по сравнению с черными гораздо большей выделительной силой, применение их в газете требует чувства меры и хорошего вкуса: *«Январский привет: что изменилось в стране с наступлением 2019-го?»* (ВБ, 04.05.01.2019, с. 2); *«Беспилотники и роботы»* (ВБ, 13.12.2019, с. 2); *«Пестрый тюльпан»: от классики до этно-джаза»* (БВ, 23.05.2019, с. 12). Так, в проанализированных изданиях верстальщики отдают предпочтение красному, затем зеленому цвету, а также светлым оттенкам синего: *«Это наш дом: “Москву” выбирают сердцем»* (СБ, 09.11.2019, с. 16); *«“Черная пятница” – в Dana Mall»* (СБ, 26.11.2019, с. 7); *«Люди – образ города»* (БВ, 24.10.2019, с. 12); *«Чат-бот абитуриент»* (БВ, 08.10.2019, с. 13); *«ОАО “Нафтан”: инвестиции в будущее»* (СБ, 20.02.2019, с. 4). Приверженность издания повышенной цветовой контрастности позволяет достигнуть быстрого эффекта в привлечении потенциальной аудитории к номеру газеты и реализовать эмотивную стратегию коммуникации: *«“КБ Радар”: успех кроется в людях»* (СБ, 22.02.2019, с. 10). Тем не менее следует помнить о том, что в полной мере выразительный потенциал цвета реализуется при

соблюдении принципов функциональности и эстетичности цветового оформления: *«Достоинства полезной еды»* (СБ, 29.03.2019, с. 8–9); *«Центральный район: особенный и неповторимый»* (СБ, 20.06.2019, с. 8–9). Благодаря этому ресурсу, автор имеет возможность акцентировать внимание на определенной части текста, а это дает возможность отметить важные аспекты материала и создать своеобразную игру, которая позволяет достигнуть в первую очередь эмотивной коммуникативной стратегии. Однако анализ изучаемой прессы показал, что такие приемы оформления играют важную роль в осуществлении и других видов коммуникативных стратегий.

Выразительность заголовка во многом зависит от размера (кегля) его шрифта, что указывает на реализацию в первую очередь формирующей стратегии: *«На трек вызываются»* (СБ, 30.10.2019, с. 15); *«Шоколад, который дарит эмоции»* (СБ, 14.11.2019, с. 7); *«Партнерство с богатой историей»* (СБ, 13.11.2019, с. 2). Между объемом газетных материалов и кеглем шрифтов заголовков существует прямая зависимость: чем больше объем статьи, тем крупнее заголовок: *«Награда – не случайность, а результат работы»* (ДВ, 27.03.2019, с. 4); *«Когда улыбается ребенок – небо смеется»* (ДВ, 20.04.2019, с. 14); *«Не торопись говорить, что мир к тебе жесток»* (ДВ, 25.05.2019, с. 12). Размер кегля позволяет акцентировать внимание на определенной части материала, показать читателю главный аспект текста и тем самым реализовывать еще и воздействующую, и эмотивную стратегии.

Нами зафиксированы и такие графико-орфографические приемы, как совместное написание слов, авторское использование разных символов и знаков препинания, применение смысловых кавычек, курсива или полужирного шрифта, пробелов, различных подчеркиваний, выделяющих слово или его часть. Все это направлено на то, чтобы реализовывать коммуникативные стратегии автора – привлечь и сфокусировать внимание читателя на определенных объектах журналистского описания, вызвать интерес к конкретным публикациям и поразмышлять над написанным текстом.

Таким образом, с помощью различных графико-орфографических средств авторам медиатекстов удается реализовывать коммуникативные стратегии, а значит решать поставленные задачи.

М. Д. Слапик *(г. Брест, ГУО «Гимназия № 1 г. Бреста»)*
Научный руководитель – Е. В. Чижик, учитель высшей категории

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ В НЕФОРМАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Основной тенденцией последнего десятилетия стало повсеместное использование мобильных устройств и социальных сетей в повседневной жизни людей во всем мире. По данным отчета о состоянии цифровой сферы Digital 2020, по состоянию на январь 2020 года в мире насчитывалось 4,54 миллиарда интернет-пользователей и 3,80 миллиарда пользователей социальных сетей [1]. Пользователи интернета в среднем проводят в социальных сетях 2 часа 23 минуты ежедневно.

Целью работы является выявление способов передачи эмоций, к которым прибегают участники социальных сетей и чатов, и исследование особенностей их языковой реализации.

Интернет, являясь неотъемлемой частью жизни современного человека, оказал существенное влияние на его язык, который трансформировался и приспособился к новым условиям. В качестве особой коммуникационной среды, Интернет выработал уникальные способы общения, языковые средства и стереотипы поведения. Возникло понятие «интернет-коммуникации», представляющее собой «особый вид речи, который объединяет в себе устную и письменную речь… В неофициальном общении в рамках интернет-дискурса наблюдается стремление коммуникантов сделать свою письменную речь максимально похожей на речь устную» [2]. Появилась так называемая письменная разговорная речь, или «письменное произношение».

В свете способности любого пользователя Интернета к интернет-коммуникации с другими членами сети, его можно считать языковой личностью. Но в данной ситуации, исследователи ведут речь о виртуальной языковой личности. О. В. Лутовинова описывает ее как новый тип языковой личности, характеризующийся набором специфических черт: особыми ценностями, изменившимся отношением ко времени и пространству, высокой степенью поглощенности виртуальной деятельностью, специфическими целями и стратегиями коммуникации [3].

Одной из особенностей виртуальной языковой личности при коммуникации в социальных сетях и мессенджерах является отсутствие физического тела (ее растворенная телесность), в результате чего люди представляются друг другу только лишь через пересылаемые ими тексты. Поскольку текст и виртуальная языковая личность в интернет-реальности

становятся равнозначными, то значение письменно произносимого текста возрастает.

Существенным недостатком «письменного произношения» является отсутствие возможности полноценного использования невербальных средств передачи информации (мимики, жестов, частоты дыхания, визуального контакта, темпа и интонации голоса и др.). Ведь при межличностном общении в реальной жизни передача информации посредством невербальных средств происходит одновременно с вербальной передачей, усиливая и дополняя при этом смысл сказанных слов. По оценкам психологов, невербальная коммуникация обычно позволяет получить до 70 % информации.

Привычкой переживания тех или иных эмоций при живом общении объясняется, на наш взгляд, стремление к эмоциональному наполнению текста и при интернет-коммуникации. “Неспособность языка без обращения к дополнительным средствам соответствовать запросам современной цифровой коммуникации XXI века ведет к большим переменам”, – считает один из составителей словаря Oxford Dictionaries Каспер Грейтвол [4].

Выделяют следующие основные современные способы выражения эмоций при неформальной интернет-коммуникации:

1. Суррогатные, частично типизированные эмоциональные реакции:

1.1. Смайлы – стилизованное графическое изображение улыбающегося человеческого лица. Психологи установили, что у человека, который смотрит на улыбающийся смайл, активируются те же участки мозга, как если бы он видел реальное улыбающееся лицо. Традиционно используются при личной переписке.

1.2. Эмодзи – картинки или последовательность символов, благодаря которым можно выразить свои эмоции. В отличие от смайлов, эмодзи принято использовать в публичных текстах.

1.3. Эмотиконы – пиктограммы, изображающие эмоцию, чаще всего составляются из типографских знаков. При общении в рунете они используются, как правило, попутно с кириллической графикой, включены непосредственно в структуру высказывания, отделяются от единиц высказывания пробелами или запятыми.

1.4. Стикеры – графически изображения, позволяющие выразить эмоции и передавать настроение. Стикеры выражают сложные эмоции, которые способны заметить слова и даже действия в рамках опосредованной коммуникации.

2. Интернет-мем – информация, которая может выражаться в качестве любой идеи, символа, манеры или образа действия, добровольно передаваемая пользователями друг другу. Обычно это делается в целях развле-

чения, но этим же способом может распространяться и другая информация, в том числе провокационного или злонамеренного характера.

3. «КАПС» (от английского «Caps Lock») – написание фразы или части ее заглавными буквами. Используется в интернет-коммуникации для компенсации тембра и акцентирования части высказывания. Расценивается как диалог на повышенных тонах и означает общение в агрессивной форме.

4. Особенности в применении знаков пунктуации. Знаки препинания при интернет-коммуникации выполняют те же функции, что и в обычной письменной речи – отделения и выделения. Чаще всего используются точка, запятая, восклицательный и вопросительный знаки и многоточие. В то же время какой-либо знак может выполнять и функцию, несвойственную ему в письменной речи. Например, точка, поставленная в конце сообщения, несет признак агрессии. Многоточие может отражать как процесс размышления над темой, так и неуверенность, иронию или сарказм.

5. Прочие способы передачи эмоционального состояния, например, использование акронимов (LOL, IMHO, F2F, спс, пжлст).

Таким образом, цифровые технологии существенно влияют на языковые и неязыковые средства, используемые для эффективной коммуникации. Результаты полученных исследований могут быть использованы, в частности, в интернет-маркетинге.

Список использованной литературы

1. Сергеева, Ю. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс] / Ю. Сергеева // WebCanape. – Режим доступа: https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy. – Дата доступа: 02.05.2020.

2. Косякова, Я. С. Языковая личность в Интернете [Электронный ресурс] / Я. С. Косякова, В. Р. Ткачева // Молодой ученый. – 2017. – № 22.1 (156.1). – С. 19–23. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/156/44303. – Дата доступа: 02.05.2020.

3. Лутовинова, О. В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия [Электронный ресурс] / О. В. Лутовинова // МНКО. – 2015. – № 1 (50). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-yazykovaya-lichnost-k-opredeleniyu-ponyatiya. – Дата доступа: 03.05.2020.

4. Литвиненко, А. Природа эмодзи (emodji), или как социальные сети меняют наше общение? [Электронный ресурс] / А. Литвиненко // Яндекс Дзен. – Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/id/5dec1834ddfef600aef14a55/priroda-emodzi-emodji-ili-kak-socialnye-seti-meniaiut-nashe-obscenie-5def4dd1e3062c00aeb6a739. – Дата доступа: 02.05.2020.

5. Виноградова, Т. Ю. Специфика общения в интернете [Электронный ресурс] / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Режим доступа: http://www.philology.ru/ linguistics1/ vinogradova_t-04.htm. – Дата доступа: 03.05.2020.

Э. Стручик-Долюк *(г. Бяла Подляска, Государственная высшая школа им. Папы Римского Иоанна Павла II)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Пение всегда было и является важной формой общения. Каждый из нас замечает роль музыки в нашей жизни. Звуки и музыка сопровождают нас каждый день, мы слышим песни по радио, интернету и в рекламе

Песня – это сочетание музыки и слов, поэтому она играет тоже огромную роль в обучении иностранным языкам, а использование музыкального материала довольно популярно в преподавании иностранных языков.

Песня содержит лексические и структурные элементы, которые могут помочь развивать рецептивные навыки: слушание и чтение.

Песни, используемые во время занятий иностранного языка, имеют много преимуществ, прежде всего они развивают все четыре языковых навыка: аудирование, говорение, письмо и чтение, оказывают положительное влияние на атмосферу на занятиях, создают свободное, приятное настроение, разрушают барьеры, создают атмосферу, способствующую обучению, влияют на формирование правильного произношения, ритма, акцента и интонации.

Использование песенного материала становит занятия более привлекательными, способствует повышению мотивации учащихся к учебе, потому что они заинтересованы, особенно когда песня транслируется в средствах массовой информации, повышает у учащихся чувство успеха и удовлетворения, добавляя языковую уверенность.

Тексты песен очень хорошо практикуют память, помогают учащимся выучить язык, обогатить язык с точки зрения словарного запаса, грамматических структур, идиоматических фраз. Очень важным фактором является тоже мотивирующая роль, учащиеся могут использовать язык не только на занятиях, но когда песня особенно нравится, она будет исполнена тоже после занятий.

Благодаря песенному материалу учащиеся изучают словарный запас более эффективно, по сравнению с традиционным материалом для прослушивания, запоминают слова и выражения в результате использования песни на занятиях иностранного языка благодаря многократному лексическому ресурсу, например в припеве.

Во время занятий с текстом песни учащиеся обогащают словарный запас и улучшают правильное произношение, закрепляют знания о лексических и грамматических структурах путем работы с аутентичными

материалами, расширяют лексику и готовятся к использованию лексического и грамматического материала в реальных ситуациях.

Кроме перечисленных преимуществ учащиеся замечают тоже разницу между официальным и разговорным языком.

Прослушивание и пение песен на иностранном языке положительно влияет на развитие языковых навыков, так как, песни содержат аутентичный язык, во время их прослушивания можно общаться с носителями языка, песни вызывают у нас эмоции, вызывают ассоциации и воспоминания.

Слушая и поя песни, мы запоминаем целые фразы, а не только отдельные слова, мелодия и ритм облегчают запоминание лексических структур, а пение, особенно параллельно оригиналу, формирует акцент, потому что мы воспроизводим определенный образец.

Из вышеупомянутых преимуществ следует сделать вывод, что песня на иностранном языке имеет большой потенциал в качестве учебного материала в процессе преподавания и изучения иностранных языков.

Как отмечает Коморовская, песня, как учебный материал используется в дидактике языка уже давно, в течение длительного времени, но чаще всего в обучении детей [1, с. 37]. Это происходит в основном потому, что музыкальные произведения, особенно спетые, поднимают привлекательность занятий, начинают действовать разные центры восприятия.

Кроме того, связь текста с мелодичными линиями позволяет легко запомнить слова навсегда. Однако то, что работает для детей, не всегда работает для взрослых. Молодежь, студенты или взрослые часто не хотят петь на занятиях иностранного языка, потому что стесняются друг друга. Конечно, все зависит от контакта между членами группы и преподавателем и поэтому при выборе песни, мы должны прежде всего помнить, что она должна соответствовать не только уровню языка данной возрастной группы, но также должна вызвать у них желание чтобы вместе ее спеть. Важно, чтобы учащиеся и преподаватель наслаждались песней. Преподаватель тоже должен четко указать цель, которую он хочет достичь, используя песню на занятиях.

Возможности работы с текстами песен различные, это может быть заполнение пробелов в тексте песни во время прослушивания, диктование слов песни, объединение слов с их определениями, расположение фрагментов песни в правильном порядке, ответы на вопросы, связанные с содержанием песни, создание кроссворда по теме, относящейся к песне, исправление ошибок, предварительно внесенных в текст песни, придумывание названия для прослушанной песни, составление диалога между персонажами песни, диктант на основе слов и выражений выступающих в песни, трансформация текста песни от первого до третьего лица или

наоборот, рассказ касающийся содержания песни с использованием данных слов и выражений.

Подводя итоги, следует отметить, что использование песен на занятиях по иностранному языку не только обогащает и делает занятия более привлекательными, но, прежде всего, позволяет учащимся разрабатывать свои собственные стратегии обучения, создает возможности для обогащения словарного запаса и – что наиболее важно – является формой контакта с живым языком. Позволяет изучать различные способы говорения и, безусловно, мотивирует учащихся углубить свои знания иностранного языка.

Разнообразие форм использования песен на уроках иностранного языка могут способствовать формированию языковых навыков учащихся и повышать эффективность обучения.

Тщательно подобранные тексты песен могут использоваться не только для введения, тренировки или закрепления грамматического и лексического материала, а также для построения монологов, диалогов или ведения дискуссий по поводу затронутых в песни тем и событий.

В отличие от упражнений, которые вылетают из головы, песни могут сопровождать учащихся всю жизнь и стать частью их культуры. Возможность познакомиться на примере песни с новым явлением, вдохновляет учащихся, повышает их уверенность в себе и их мотивацию на дальнейшее обучение.

Список использованной литературы

1. Komorowska, H. Metodyka nauczania języków obcych / H. Komorowska. – Warszawa : Fraszka edukacyjna, 2005. – 370 s.

К. А. Третьякова *(г. Минск, БГПУ имени М. Танка)*
Научный руководитель – Н. В. Соловьева, канд. филол. наук, доцент

МЕСТОИМЕНИЯ КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XVI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «МЕТРИКИ ВКЛ» 1585 – 1600 ГГ.)

Книга 594 «Метрики Великого княжества Литовского» [1], в составе которой представлены документы межгосударственных отношений Московского княжества и Великого княжества Литовского с 1585 по 1600 гг., является ценным лингвистическим источником для изучения особенностей языка русской дипломатии в эпоху позднего Средневековья. Особый интерес представляет дипломатическая переписка между

московским государем Федором Ивановичем и польско-литовским правителем Сигизмундом III.

Как известно, суть всякой политики есть борьба за власть. Борьба за власть, за влияние в регионе между польско-литовским и русским монархами в конце XVI века разворачивалась на фоне непростых отношений между соседними державами, и важнейшим инструментом в этом противостоянии стала внешнеполитическая коммуникация, семиотическое пространство которой организовано на основе оппозиции «свои/чужие».

Представление о «своем/чужом» формировалось еще в древности как особенность архаического сознания подмечать и фиксировать существующие в мире объективные противоположности. Дуалистичность, характерная для древнего сознания, отражает «извечную конфликтность» реальности. Фольклористы отмечают, что оппозиция «свое/чужое» как доминирующая во многих жанрах народного творчества является ценностно окрашенной: «свое» – хорошее, «чужое» – плохое [2].

Примером тому служит дипломатическое письмо Федора Ивановича Сигизмунду III, где *наши* [люди] противопоставлены *вашим* [людям]: *<…> и пры* ***нашемъ*** *будьто господарстве* ***вашымъ*** *подъданымъ людемъ купецъким новые обиды учынили, которые торговые люди были с* ***вашыми*** *великими послы, <…>, в* ***нашем*** *господарстве, и после деи пословъ велели мы на техъ* ***ваших*** *на торъговых людех мыты великие <…>, а которые и проданы* ***нашымъ*** *людемъ, и на техъ на* ***наших*** *людехъ долговъ своих не дали <…>, и как в город* ***нашъ*** *в Дорогобуж те* ***ваши*** *купецкие люди приехали и* ***наши*** *будьто люди собрав ся <…>* [1, с. 189]. *В* данном случае мы можем рассматривать оппозицию типа «наш» – «ваш» как разделение на «своего» и «чужого». Такая дифференциация усиливается семантически ввиду эмоционально отрицательной, даже негативной риторики. Таким образом, мы полагаем, что использование местоимений *наши* и *ваши* детерминировано разграничением людей на «своих» и «чужих».

Нужно отметить, что в тексте документа есть важная деталь – употребление конструкций *меж нас* и *меж наших*, которые синтаксически и, что более важно, семантически связаны с местоимениями *наши / ваши*: *И такие самоволные люди достоины были* ***нашие*** *великие опалы, да мы, великии господаръ, по своему царскому милосердному обычаю и на то не смотря, для тебе, Жыкгимонта, короля полского и великого князя литовского, и для Коруны Полские и Великого Княжества Литовского, что* ***меж нас****, великих господареи, и* ***меж наших*** *великихъ господарствъ перемире утвердило ся, а за челобитем и за печалованьем <…> никакой опалы есмо над теми* ***вашыми*** *людми не учынили, а они такое дело зделали, чего ни в которых господарствах неведетца* [1, с. 190–191]. С одной

стороны, существует некое единство, с другой – его резкое разграничение, иначе говоря, соборность в разъединении, которая отражается в соединении «наших» и «ваших» в единых «нас» (*мы*). Такой парадоксальности и противоречивости находит объяснение русский филолог и религиозный мыслитель С. Л. Франк, который отмечает особенность местоимения *мы*, заключающуюся в принципиальной безграничности в отличие от других личных форм. *Мы*, будучи эмпирически ограниченным и противостоящим *вы* и *они*, в высшем соединении может включить в себя всех *вы* и *они*. *В* абсолютном смысле все сущее потенциально является частью всеобъемлющего *мы*, которое заключает в себе единство самой множественности, всего раздельного и противоборствующего. Таким образом, в самом разделении, в самой враждебности *нас* и *вас* утверждается единство в *нас с тобою* [3]. Несомненно, такое толкование опирается на основу христианского учения – соборность. Ср.: <…> *говорили* ***нам****, великому господару, Божю милостю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси самодержцу, чтобъ* ***намъ с тобою****, з великим господарем Жыкгимонтом, Божю милостю королем полским и великим князем литовскимъ то перепире не порушыти* <…> [1, с. 136].

В приведенном примере встает вопрос о семантическом отношении местоимения *нам* к конструкции *нам с тобою*. Стоит отметить, что в современном русском языке сформировался особый способ прагматического уравнивания участников логически симметричных отношений, а именно использование комитативных сочетаний типа *мы с тобой* (вместо *я с тобой*). Здесь первый компонент является общим названием совокупности субъектов, а второй раскрывает его состав [4]. В анализируемом отрывке сложно дифференцировать *нам с тобою* как *мы с тобою* или *я с тобою* ввиду того, что адресант называет себя *мы*. Однако у нас встает вопрос, возможно ли разграничение данных форм или таковой дифференциации вовсе не было в рассматриваемый исторический период. По справедливому замечанию С. Л. Франка, «мы – нерасчлененное духовное бытие, общий дух. Мы – это единство самой множественности, единство всего раздельного противоборствующего, единство вне которого немыслимо никакое человеческое разделение, никакая множественность» [3].

Сложность дифференциации возникает при анализе различных контекстов употребления *мы*. Ср.:

1) <…> *о докончаню и соединенью и то межы* ***нас****, великих господареи,* <…> [1, с. 136],

2) <…> *говорили* ***нам****, великому господару, Божю милостю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси самодержцу, чтобъ* ***намъ с тобою****, з великим господарем Жыкгимонтом, Божю милостю королем*

полским и великим князем литовскимъ то перемире не порушыти <…> [1, с. 136],

3) *И* ***мы****, великии господаръ, Божъю милостю цар и великии княз Федор Иванович всея Руси самодержецъ, с* ***тобою****, з великим господарем Жыкгимонтом Третим, Божъю милостю королем полским и великим князем литовским, <…>* [1, с. 136].

Лексемы *нас*, *намъ с тобою*, *мы…с тобою,* выражают совместность действия разными способами: местоимением 1-го лица множественного числа *мы*; местоименной конструкцией (местоимение 1-го лица множественного числа *мы* + местоимение 2-го лица единственного числа *ты*) *мы с тобою*; местоименной конструкцией *мы с тобой*, отличающейся от предыдущей указанием на состав компонентов совместного действия.

Таким образом, дипломатическая переписка монархов конца XVI века является отражением внешнеполитических реалий данного периода. Противостояние Московского княжества и Великого княжества Литовского определило семиотическую базу внешнеполитического дискурса обоих держав, которая реализована с помощью местоимений *наши* / *ваши* как отражение оппозиции «свой/ чужой». Семиотическое противостояние нивелируется семантически благодаря использованию конструкции совместного действия *мы с тобою.* Это свидетельствует о парадоксальной позиции духовного единства держав в контексте противоборствующих отношений.

Список использованной литературы

1. Lietuvos Metrika. Knyga 594: (1585 – 1600). – Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. – 300 p.

2. Резникова, Е. В. Личные местоимения и этикет / Е. В. Резникова // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 12 (165). – С. 119–125.

3. Франк, С. Л. Духовные основы общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye osnovyobshestva/1_1_5. – Дата доступа: 01.05.2020.

4. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 318 с.

А. Д. Тюшкевич (*г. Брест, БрГУ имени Пушкина)*
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. фил. наук, доцент

СОВРЕМЕННАЯ АББРЕВИАТУРА: НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Современная лингвистика уделяет значительное внимание изучению языка медиа, который характеризуется жанровым разнообразием, яркостью, динамичностью, является своеобразной питательной средой для различного

рода новообразований. СМИ, в частности печатные, активно фиксируют аббревиатуры разных типов. Подобные номинативные единицы иллюстрируют действие закона речевой экономии, что отвечает ускорению темпов жизни социума и позволяет передать то или иное значение передать новыми, более компактным формами [1, с. 26].

Термином «аббревиатура» обозначают существительное, состоящее из усеченных отрезков слов или из таких отрезков в сочетании с целым словом. Аббревиация широкое распространение получила в XX в.; среди особенностей русского словообразования на рубеже столетий называют использование аббревиатур в качестве мотивирующей базы для новых единиц (***СВЧ****-печь*, *омоновец* от ***ОМОН***, ***PR****-кампания*, ***VIP****-гость и др.*). Начало научного изучения этого способа номинации относят к 60-м гг. (Е. А. Земская, Н. М. Шанский, В. Н. Немченко, В. В. Лопатин и др.); в настоящее время анализ аббревиатур становится более многоаспектным.

Основным источником языкового материала (250 едини) послужили газеты «Заря», «Железнодорожник Белоруссии», «Брестская газета», «СБ. Беларусь сегодня» за 2019–2020 гг. Объектом нашего исследования стало номинативное своеобразие аббревиатур.

Мнения исследователей по поводу того, обладают ли аббревиатура лексическим значением, разделяются. Большинство авторов склоняются к тому, что данная языковая единица обладает особым значением синтагматического типа [2, с. 87], а его (значения) толкование сводится к мотивирующему сочетанию слов. Аббревиатуры – это названия чего-либо, им присуща полноценная номинативная функция, и поэтому вполне правомерна классификация их с точки зрения характера денотата, т.е. их тематическая рубрикация. Зафиксированный нами языковой материал репрезентируют целый ряд **тематических групп**, в частности следующие:

1) названия деловых объединений людей: а) органов власти: *«**Мосгорсуд** вынес приговор серийному убийце»* ‘Московский городской суд’; *«**МЧС** предупреждает, что курение в постели опасно для жизни!»* ‘министерство (по) чрезвычайным ситуациям’; *«Сотрудники **ОВД** контролируют создавшуюся ситуацию»* ‘отделение внутренних дел’ *и др.*; б) предприятий, производственных объединений, фирм, банков и т. п.: *«Российский **НПЗ** подписал контракт с РБ о поставке сырья»* ‘нефтеперерабатывающий завод’; *«**ЖКХ** уведомляет, что через неделю будет отключена горячая вода»* ‘жилищно-коммунальное хозяйство’ и др.; в) научно-исследовательских, учебных учреждений: *«**НАН** Беларуси совместно с **РАН** изобрели вакцину от короновируса»* ‘Национальная академия наук Беларуси’, ‘Российская академия наук’; *«Студенты **БГПУ** приняли участие в субботнике»* ‘Белорусский государственный педагогический университет’ и др.; г) учреждений культуры: *«…скоро будет*

*проводиться ремонт в **МХАТе**, поэтому некоторые спектакли перенесены на неопределенный срок»* ‘Московский Художественный театр имени А. П. Чехова’ и др.; д) спортивных клубов, их объединений: «*В субботу 14 сентября **БГК** стартует в Лиге чемпионов выездным матчем против португальского “Порту”*» ‘Брестский гандбольный клуб’; *«Минское “Динамо” пытается попасть в **Евролигу**»* ‘Европейская лига’ и др.; е) общественных формирований: *«**ДОСААФ** приглашает на работу инструкторов по вождению»* ‘добровольное общество содействия армии, авиации и флоту’; *«Раньше в университетах изучали историю **КПСС**»* ‘коммунистическая партия Советского Союза’; *«Председатель **ТСЖ** просит жильцов не курить на площадке»* ‘товарищество собственников жилья’ и др.; ж) международных организаций: *«…акцент… делался на необходимости консолидации усилий **ООН** и других международных организаций в противодействие международному терроризму»* ‘Организация Объединенных Наций’; *«**ЕБРР** выделил деньги на реконструкцию Брестского замка»* ‘Европейский банк реконструкции и развития’ и др.;

2) названия государств, их объединений: *«Александр Лукашенко в Ашхабаде примет участие в заседании Совета глав государств **СНГ**»* ‘Содружество Независимых Государств’ и др.;

3) названия государственных, иных проектов, программ, мероприятий: *«…пенсионерам будет оказана **соцподдержка**»* ‘социальная поддержка’; *«В домах Бреста делают **капремонт**»* ‘капитальный ремонт’ и др.;

4) названия СМИ: «*Об этом сообщил **БГ** правозащитник Роман Кисляк*» ‘Брестская газета’ и др.;

5) названия сооружений: *«На брестской **ТЭЦ** были произведены ремонтные работы»* ‘теплоэлектроцентраль’; *«Пьяный житель Москвы пытался найти конец у **МКАД**а…»* ‘Московская кольцевая автодорога’; *«Селфи на линиях **ЛЭП** опасно для жизни»* ‘линия электропередач’; *и др.*;

6) названия лиц: *«…**заммэра** прокомментировал эпидемиологическую ситуацию, которая сложилась в городе*» ‘заместитель мэра’ и др.;

7) термины из различных областей, чаще – ключевых для социума: а) экономики: *«Так, “Паритетбанк”… введет комиссию за прием и пересчет наличных средств платежами **ЕРИП**»* ‘единое расчетное информационное пространство’; *«И хотя Брестчина не смогла полностью реализовать задачи экономического развития, она обогнала другие области по приросту **ВРП**…»* ‘валовой региональный продукт’; *«…железнодорожными компаниями обеспечено курсирование порядка 600 контейнеров **ДФЭ**»* ‘двадцатифутовый эквивалент’; *«[Американцы] политическую лояльность конвертируют в экономическую прибыль: если вы наш союзник, то покупайте **СПГ**»* ‘сжиженный природный газ’ и др.; б) информатики, цифровых технологий, телекоммуникаций и под.:

*«В магазинах читатели могут узнать цену по **QR**-коду»* ‘англ. ‘Quick Response Code’ / ’код быстрого реагирования’; *«В медицинскую сферу всё больше вводят **IT**-технологии»* ‘англ. Information Technology’ / ‘информационные технологии’ (фактически русский дериват – за счет компонента *технологии* – становится избыточным); «*В Беларуси **СМС**-рассылка возможно только с согласия абонента»* и др. (приведенные три примера интересно иллюстрируют судьбу англицизмов в принимающем языке: первое слово, с точки зрения русского языка, единица не мотивированная; второе, если начнет оформляться кириллицей и соотноситься с русским мотивирующим словосочетанием, утратит свое «иноязычие»; с третьим это уже произошло: вначале вместе с передовой технологией в русский язык пришла аббревиатура *SMS* ‘Short Message Service’ / ’служба коротких сообщений’, затем, в силу активного использования этой языковой единицы, она стала подаваться кириллицей (*СМС, смс*, даже *эсэмэс*), и произошла ее дезаббревиация: мотивирующим стало словосочетание ‘система мгновенных сообщений’); в) права: *«…функции регистрирующего органа ограничиваются ведением единого государственного реестра **юрлиц**»* ‘юридическое лицо’; «*Сущность метода состоит в запрете под страхом уголовного наказания совершать установленные **УК** деяния*» ‘уголовный кодекс’ и др.; г) медицины: *«**ЭКО** сейчас распространено в нашей стране»* ‘экстракорпоральное оплодотворение’; *«…маленькую девочку заразили в больнице **СПИД**ом»* ‘синдром приобретенного иммунодефицита человека’ и др.

Итак, даже краткий обзор аббревиатур (компактных, но семантически емких) показывает их востребованность, способность реагировать на запросы социума и выступать номинациями многообразных реалий.

Список использованной литературы

1. Ларионова, А. Ю. Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору : учеб.-метод. пособие / А. Ю. Ларионова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 200 с.

2. Изотов, В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования : монография / В. П. Изотов ; Орл. гос. ун-т. – Орел : Наука, 1998. – 149 с.

А. С. Фурсевіч *(г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

МОЎНАЕ ВЫРАЖЭННЕ ТЭКСТАВАЙ ПРАСТОРЫ Ў ТВОРАХ «НА ІМПЕРЫЯЛІСТЫЧНАЙ ВАЙНЕ» М. ГАРЭЦКАГА І «У КІПЦЮРАХ ГПУ» Ф. АЛЯХНОВІЧА

Свет напоўнены рознымі фізічнымі целамі, якія ўзаемадзейнічаюць паміж сабой, ён існуе ў часе і прасторы, а мова адлюстроўвае дадзенае існаванне, выкарыстоўваючы розныя адзінкі. Нельга не пагадзіцца з думкай, што «з дапамогай мовы як прылады зносін у свядомасці тых, хто размаўляе, адлюстроўваюцца прадметы і з'явы матэрыяльнага свету ў неадрыўным адзінстве з катэгорыямі прасторы і часу» [5].

Ужо ў назвах твора М. Гарэцкага «На імперыялістычнай вайне» і Ф. Аляхновіча «У кіпцюрах ГПУ» мы заўважаем канкрэтна акрэсленыя межы прасторы – гэта імперыялістычная вайна і Дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне адпаведна, а назва аповесці «У кіпцюрах ГПУ» мае ў сваім складзе яшчэ і вобраз-сімвал, які ўтрымлівае ў сабе эмацыйную ацэнку: «быць у кіпцюрах» – гэта значыць быць пад уладай каго-небудзь.

У дакументальна-мастацкіх запісках М. Гарэцкага важным спосабам выражэння катэгорыі прасторы выступаюць сродкі, якія паказваюць на аб'ектыўную прастору – гэта назвы краін, гарадоў і мясцін: Сербія, Берлін, Расія, Беларусь, Плятэн, Вільня, Аленбург, Варшлеген, Уладзівасток, Шорын, Сувальшчына, Петкялішкі, Мазурышкі, Дарсунішкі, Магілёўская губерня, Усходняя Прусія. Гэта ж тычыцца і твора Ф. Аляхновіча, дзе згадваюцца Беларусь, Вільня, Менск, Варшава, Салаўкі, Крым, Каўказ, Кайгач, Валгуеў, Стоўпцы, Негарэлае, Віцебск, Масква, Туркестан, Нарым, Ворша, Сібір, Полацк, Пячорскі край, Ленінград, мястэчка Сарока, востраў Мяч, Калежма, Палтава, Архангельск, Вугорск, мясцовасць Саваццёва, Украіна, Болатава, абток Конд, абток Капры, Італія, Тула, абток Антэр, Фінляндыя, Берлін, Вена, Прага, Лодзь, Літва, Коўна, Коласава, Парыж, Рыа-дэ-Жанэйра, Цехацінак, Цеханавічы.

Часта ў абодвух аналізуемых творах для выражэння прасторавых адносін выкарыстоўваюцца прыслоўі, якія абазначаюць прыблізнае, адноснае, неканкрэтна названае месца дзеяння: *Батарэю сваю дагналі на другой дарозе; яна таксама без нас, завярнулася і пацягнулася* ***некуды ўбок*** *і* ***назад****…* ***Тут****, абапал усяе дарогі, стаяў аграмадны табар нямецкіх уцекачоў* [2, с. 223]; *І я* ***туды*** *пайшоў.* ***Там*** *гаспадаріс (як* ***тут*** *кажуць) з хлапцом, падобны да сярэдняе сястры, бегалі паміж яблынек, хапаліся то за куфры, вынесеныя сюды з хаты, то за кубел, то за груд убогага рыззя і клапатліва, трывожна гаманілі і крычалі ў сваёй мове* [2, с. 267]; ***Дзесь***

далёка-далёка *чуваць гарматныя стрэлы* [2, с. 201]; ***Тутака*** *яго таксама горача віталі* [3, с. 235]; ***Там*** *Inteligence Service, яшчэ недзе Siguranza, у іншым месцы Defenzywa,– **усюды** сваё ГПУ* [3, с. 245].

Для выражэння прасторавых адносін у творы М. Гарэцкага часта выкарыстоўваюцца прыназоўнікі. Так, прыназоўнік *«з»* у родным склоне ўжываецца пры абазначэнні месца, прасторы, адкуль начынаецца дзеянне або рух: ***З невялічкага гаю*** *да нас даляцела колькі стрэлаў з рэвальвера ці карабіна* [2, с. 220]; *Нейкае праклятце турае нас з берагу на бераг* [2, с. 240]. Прыназоўнік *«ля»* і вытворны ад яго *«каля»* выражаюць прасторавыя адносіны, якія паказваюць на тое, што месца знаходзіцца паблізу: ***Ля хаты*** *ардынарац Селязнёў падаваў камандзіру каня і нечым не дагадзіў* [2, с. 201]; *Воддаль, **каля флігелю**, поўзалі галодныя шчаняты і стагналі* [2, с. 221].

Нярэдкім для абазначэння прасторы ў творах абодвух аўтараў з'яўляецца выкарыстанне канструкцый са словам *«бок»* у розных формах: *Мы сталі з **боку** дарогі… Недзе **з бакоў** патроху тахаюць вінтоўкі* [2, с. 187]; *У канаўках, з **бакоў** добрай брукаванай дарогі, там-а-там валяецца ўбогае шкумаццё нашых салдат, бываўшых у баі…* [2, с. 205]; *Іншыя, здалёк пабачыўшы яго, уцякалі на **другі бок** вуліцы, быццам не пазнаючы* [2, с. 238]; *Гэтыя людзі, якія там стаяць **на праціежным баку** вуліцы, стоўпіўшыся на тратуары, ужо ніколі не абдымуць свайго сына, мужа, брата…* [3 , с. 292].

У творы Ф. Аляхновіча дастаткова часта сустракаюцца назвы вуліц, што сігналізуе чытачу пра дакументальную дакладнасць аповеду: *На рагу **Віленскай** і **вул. Міцкевіча** падыйшоў да яго нейкі незнаёмы ў шэрым паліце і гэткай-жа шапцы* [3, с. 226]; *"Беларуская Рада" займала тры брудныя пакойчыкі на найвышэйшым паверсе гатэлю Сакалоўскага пры **Нямецкай вуліцы*** [3, с. 227]; *Госьць з Менску жыў у гатэлю "Эўропа" пры **Дамініканскай вуліцы*** [3, с. 228]; *На галоўнай вуліцы Менску, на **Савецкай**, увайшлі ў сені нейкага вялізнага дому* [3, с. 239].

Частымі па выкарыстанні ў абодвух творах з'яўляюцца словы лексіка-семантычнай групы «Памяшканні, пабудовы» і канструкцыі, якія ўказваюць на пэўна акрэсленыя межы прасторы: *6 ліпеня – першае свята, як я быў у лагеры, – усіх пагналі ў лагерную **царкву*** [2, с. 182]; *Заходзіў на **пошту**, ніякіх пасылак не было* [2, с. 196]; *І плача-мяўкае на званіцы іх каталіцкі звон. **Касцёл*** [2, с. 238]; *0, **тэатр**!.. Каб вы бачылі!.. Каб вы былі ў **тэатры**!.. **Тэатр**!.. 0-го-го!* [3, с. 224]; *Калі пара дзён пасьля першага спатканьня прыйшоў у **гатэль**, знайшоў дзьверы ягонага **пакою** зачыненымі* [3, с. 228]; *Глядзеў на гэтую лысавую галаву з бародкай á la Henryk Sienkiewicz і прыпомніў сабе гэтыя далёкія віленскія часы, калі спатыкаўся з Фэліксам Дзяржынскім на **калідорах гімназіі*** [3, с. 240]. Даволі часта Ф. Аляхновіч узгадвае нават дакладныя назвы пабудоў, устаноў: *Дзе? Мо*

*ў **“Беларускай Хатцы”**?* [3, с. 226]; *Побач дзьвярэй Попутчік заўважыў на сьцяне чорную мармуровую табліцу з напісам залатымі літарамі: **Объединенное Государственное Политическое Управление*** [3, с. 239]; *З **Інбелкульту** да **“Эўропы”** было недалёчка* [3, с. 250].

Для выражэння прасторавых адносін у творы Ф. Аляхновіча выкарыстоўваюцца назвы лясоў, узгоркаў, водных аб’ектаў і прыродных ландшафтаў: *А яны мяне асьцерагаюць, каб я, крый Божа, не апынуўся на **Ледавітым акіяне**...* [3, с. 230]; *Можа, нехта з гэтых абадранцаў ужо быў на абтоках **Белага мора**, а калі ня быў, дык напэўна знаў такіх, што былі на савецкай катарзе* [3, с. 290]; *Аднак цёплы подых **Гольфштрому** ўсцяж набліжаў да нас цёплую паласу вады, вольнае ўжо ад лёду* [3, с. 339].

Сон варта аднесці да ірэальнай прасторы. Як літаратурны прыём ён даволі часта сустракаецца ў творах М. Гарэцкага і Ф. Аляхновіча: *Незвычайна ярка ўспамінаю ўчарашні **сон**… Я ў сваёй вёсцы… Чырвоныя-чырвоныя, аж чорныя, сліўкі ля Паўлюковага саду, на зямлі, на вуліцы, ля плоту…* [2, с. 278]; *І калі ён крычыць, мне **сніцца**: страшны грукат ад разрыву снарадаў. Кулі сыплюцца ў нагу, як іголкамі хто коле… Потым **сніў** хворую маму… Дзесяткі раз **сняцца** белыя гнілыя яйцы, зялёныя дулькі, чырвона-чорныя сліўкі…* [2, с. 297]; *Гэта **сьняцца** мне допыты ў ГПУ або сьніцца грукаценьне грузавіка, які пад’яжджае на зьмярканьні, каб забраць свае ахвяры на Камароўку...* [3, с. 280].

Калі весці гаворку пра адрозненні ў выражэнні прасторы, то варта адзначыць, што яны абумоўлены месцам знаходжання герояў. М. Гарэцкі апісвае лагернае жыццё, таму ў тэксце мы найперш знаходзім апісанні прыродных ландшафтаў, казармы і самога лагера. У аповесці ж Ф. Аляхновіча закранаецца перыяд гарадскога жыцця, таму, акрамя апісання лагераў і ўмоў катаржнага жыцця, мы сустракаем апісанні горада з выкарыстаннем назваў канкрэтных месцаў і вуліц.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Яковлева, Е. Е. Выражение категории пространства в современном русском языке (На примере художественных произведений С. Н. Сергеева-Ценского) [Электронный ресурс] / Е. Е. Яковлева. – Режим доступа: http://www.dslib.net/russkij-jazyk/vyrazhenie-kategorii-prostranstva-v-sovremennom-russkom-jazyke.html. – Дата доступа: 11.05.2020.

2. Гарэцкі, М. Рунь : апавяданні, аповесці : для ст. шк. узросту / М. Гарэцкі ; прадм. В. Максімовіча. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 319 с.

3. Аляхновіч, Ф. Выбраныя творы / Ф. Аляхновіч; Уклад., прадм. А. Сабалеўскага; камент. Г. Кажамякіна і А. Сабалеўскага. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2005. – 544 с.

В. О. Харчук *(м. Львів, Національний університет «Львівська політехніка»)*
Науковий керівник – Л. В. Харчук, канд. філол. наук

ПРОБЛЕМИ ВЖИВАННЯ ЗАПОЗИЧЕНЬ У НАУКОВОМУ ДИСКУРСІ ГАЛУЗІ ЕЛЕКТРОЕНЕРГЕТИКИ

На сучасному етапі розвитку всіх стилів української літературної мови проблема вироблення основних засад термінотворення та впорядкування української науково-технічної термінології перебуває в центрі уваги науковців різних галузей. Беззаперечно, опрацювання термінолексики як основи фахового мовлення збагачує інформаційно-технічний поступ суспільства, позаяк «без вияву та реалізації інтелектуального потенціалу народу в царині мовленнєвої виробничо-професійної комунікації неможливе ефективне вдосконалення інженерної, дизайнерської та конструкторсько-технологічної думки» [1, с. 100].

Становлення галузевих терміносистем – це складний і досить неоднорідний процес, який у різні періоди історії розвитку термінології виявляє відмінні підходи до творення нових терміноодиниць [2, с. 38]. Відомо, що для створення нового слова може бути використано різні мовні засоби. Класична теорія термінознавства розглядає термінну номінацію як цілеспрямований творчий процес, зумовлений взаємодією зовнішніх та внутрішніх мовних чинників, об’єктивними і суб’єктивними моментами. Вибір оптимального способу номінації – складний процес, для української науково-технічної термінології характерно використовувати кілька моделей термінотворення.

У нашому дослідженні ми ставимо за мету проаналізувати одну з моделей термінотворення – запозичання готових номінацій з інших мов, оскільки ця проблема й надалі залишається вкрай актуальною і для філологів, і для фахівців різних галузей знання, які зіштовхуються з проблемою доцільности функціювання того чи того терміна.

Питання національної чи інтернаціональної термінології завжди було дискусійним і викликало до себе неабиякий інтерес. Роль та місце запозик в українських терміносистемах ґрунтовно досліджували такі науковці, як І. Кочан, З. Куньч, О. Пономарів, Т. Панько, Т. Кияк, В. Акуленко та ін. Сьогодення диктує свої правила, тому в наш час це питання знову посіло чільне місце в термінознавстві. Якою має бути наукова мова: замкнутися у питомому мовному матеріалі чи дати простір чужомовним запозикам? Погоджуємося з науковцями, які зауважують, що проблема балансу між цими двома тенденціями особливо гостро постає в нинішніх умовах, коли

відбувається суттєвий англомовний тиск на українську термінологію [2, с. 39].

У нашій розвідці ми послуговуватимемося класифікацією запозичених терміноодиниць З. Куньч [2, с. 53]. Дослідниця пропонує виокремлювати три групи запозик на підставі доцільности/недоцільности їхнього застосування: *давні запозичення* (номінації, які потрапили в українську мову до XVI-XVIII ст. і стали надбанням галузевих терміносистем); *інтернаціоналізми* (терміни, які закріпилися з однаковим значенням і подібною вимовою в багатьох європейських мовах); *варваризми* (новозапозичені терміни, що їх мовці сприймають як чужинні елементи з різних причин) [2, с. 53–56].

Давні іншомовні запозичення, використовувані в українській електроенергетичній термінології, зазвичай не суперечать нормам української мови, тому вони настільки адаптувалися в терміносистемі, що подекуди виявити їхню чужинність вдається досить складно, наприклад, *електрика* (гр. *λεκτρον*), *анод* (гр. *anodos*), *амплітуда* (лат. *amplitudo*), *актуатор* (англ. *actuator*<лат.*actus*<*ago* – приводжу в рух), *акумулятор* (лат. *accumulator*), *полюс* (лат. *polus*< гр. *polos*), *фаза* (гр. *phasis*), *ротор* (лат. *roto*), *потенціал* (лат. *potentia)*тощо.

Аналіз електроенергетичної термінології дає підстави констатувати, що велика кількість інтернаціоналізмів справедливо усталилася в українській електроенергетичній терміносистемі (далі УЕЕТ), позаяк для цього склалися відповідні передумови. Зазначимо, що низка термінів цієї групи в досліджуваній термінології має питомі відповідники, що дає підстави стверджувати про наявність в УЕЕТ термінів-дублетів, наприклад: *адмітанс* (англ. *admittance*, фр. *admittance*) – повна електрична провідність; *кондуктанс* (англ. *konduktans*, фр. *konduktans*) – активна електрична провідність; *імпеданс* (англ. *impedance*, фр. *impédance*) – повний електричний опір; *резистанс* (англ. *rezystans*, фр. *rezystans*) – активний електричний опір; *фідер* (англ. *feeder*) – лінія живлення тощо. Погоджуємося, що виникнення таких синонімів, очевидно, зумовлено практичною навчально-виробничою потребою, адже іншомовні однослівні терміни мають затемнену внутрішню форму й можуть зумовлювати упередження в електроенергетиків-початківців [3, с. 185]. На думку науковців, вживання інтернаціоналізмів у науковій мові виправдовують потребою уніфікувати її відповідно до світових стандартів, адже це пришвидшує обіг інформації, покращує співпрацю вчених різних країн [2, с. 56].

У сучасних умовах проблема адаптації новозапозичених термінів – надзвичайно актуальне питання, оскільки на початку XXI ст. спостережено посилене проникнення в галузеві терміносистеми великої кількости англізмів. Так, в УЕЕТ використовують терміни *трейдер* (суб’єкт господарювання, що здійснює купівлю електричної енергії виключно з метою її

перепродажу); *акцепт заявки на торги на ВДР* (прийняття пропозиції продати або купити обсяг електричної енергії в межах та на умовах, зазначених у заявці); *стейкхолдер* (користач послуг) тощо. Спостережено, що не всі запозичення в УЕЕТ є виправданими з огляду на доцільність їхнього побутування в мові, позаяк, на нашу думку, не можна водночас використовувати іншомовні лексеми, тим паче скальковані терміни-англізми, коли маємо семантично й стилістично тотожні питомі українські відповідники.

Абсолютно необґрунтованим є також вживання в УЕЕТ таких новітніх абревіатур якCoST, енергосистема ENTSO-E (Європейська мережа ОСП), FSM (частотно чутливий режим), LFSM-O (режим з обмеженою чутливістю до частоти / підвищена частота), LFSM-U (режим з обмеженою чутливістю до частоти / знижена частота), PSS (функція стабілізатора енергосистеми), SCADA (комплекс дистанційного управління та збору даних) тощо. Практику транслітерації англійських абревіатур широко використовують в українській технічній мові, що варто застосувати й фахівцям електроенергетичної галузі. Застереження в науковців викликає те, що «неконтрольована навала запозик може призвести до мовної ерозії» [2, с. 59], тому бажано, щоб дослідники окремих галузевих терміносистем виробляли пропозиції, рекомендації та слушні мовознавчі поради, що дасть змогу фахівцям-електроенергетикам вдосконалити фахове мовлення.

Вважаємо, що подальше дослідження проблеми вживання запозичень у науковому дискурсі галузі електроенергетики важливе для з’ясування питань і загальнотеоретичного, і практичного характеру, передусім для вирішення проблеми мовного внормування запозик, що поповнюють сферу української електроенергетичної терміносистеми.

Список використаної літератури

1. Литвин, О. Г. Ґенеза української технічної термінології / О. Г. Литвин // Український науковий термін: діахронний контекст: монографія / З. Й. Куньч [та ін.]. – Львів : Галицька Видавнича Спілка, 2019. – 226 с.

2. Куньч, З. Й. Питоме й запозичене в термінології: проблема балансу / З. Й. Куньч // Теорія терміна: конкретизація лексико-семантичних парадигм : монографія. / З. Й. Куньч [та ін.]. – Львів : Галицька Видавнича Спілка, 2018. – 180 с.

3. Харчук Л. В. Явища синонімії та варіантності в українській електроенергетичній терміносистемі / Л. В. Харчук // Термінологічний вісник : збірник наукових праць / відп. ред. В. Л. Іващенко. – Київ : Інститут української мови НАНУ, 2015. – Вип. 3 (2). – С. 184–190.

Г. К. Худайназарова *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ШКОЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ

Рассмотрим, как распределен материал по теории языка в школьных учебниках по русскому языку для 5–11 классов [1;2].

Анализ содержания и системы упражнений школьных учебников по русскому языку показал, что общие вопросы теории языка встречаются в каждом классе.

В **5 КЛАССЕ** теория языка представлена следующим образом:

В разделе «Культура устной и письменной речи» в **§ 6. Язык и речь** (5 класс, с. 31). В параграфе 8 упражнений связаны с теорией языка (упражнения 46–49; 51–54).

Раздел «Фонетика», § 31. Звуки речи и буквы (5 класс, с. 124). Упражнения 240, 246.

В **6–8 КЛАССАХ** разделов и параграфов, посвященных теории языка не встречается, но отдельные упражнения основаны на теории языка:

6 класс: упражнение 186 (6 класс, с. 95–96), упражнение 125 (6 класс, с. 123–124);

7 класс: упражнение 52 (7 класс, с. 33–34); упражнение 47 (8 класс);

8 класс: упражнение 47 (8 класс, с. 31).

В **9 КЛАССЕ** разделов и параграфов, посвященных теории языка не встречается, но отдельные упражнения основаны на теории языка:

упражнение 23 (9 класс, с. 16), упражнение 240 (9 класс, с. 135), упражнение 266 (9 класс, с. 151). В учебнике имеются рубрики «Ученые пишут», упражнение 133 (9 класс, с. 81), «Люди науки», упражнения 287 (9 класс, с. 164–165), упражнение 317 (9 класс, с. 182–183).

В **10 КЛАССЕ** теория языка представлена следующим образом:

Раздел «Повторение изученного в 9-м классе». Упражнение 1 (10 класс, с. 3–4).

Раздел «Общие сведения о языке». § 1. Русский язык как развивающееся явление: упражнения 11–12 (10 класс, с. 11–12) и § 3. Русский язык в международном общении. (упражнения 31–32, с. 23–24).

Раздел «Изменение слова (части речи)». § 22. Части речи: упражнение 145 (10 класс, с. 103).

В **11 КЛАССЕ** теория языка представлена следующим образом:

Раздел «Общие сведения о языке». § 1. Функции языка. Язык и мышление. Язык и общество: упражнения 19–20 (11 класс, с. 12–13), упражнение 24 (11 класс, с. 15), упражнения 28–30 (11 класс, с. 17–19).

Раздел «Речевое общение». § 2. Условия и основные компоненты общения: упражнение 30 (11 класс, с. 20–21), § 4. Устная монологическая речь: упражнение 41 (11 класс, с. 31–32), упражнение 47–48 (11 класс, с. 46–47), упражнение 59 (11 класс, с. 39–40).

Рассмотрение упражнений и заданий относительно теории языка, предлагаемых школьными учебниками по русскому языку для 5–11 классов показывает, что упражнения разнообразны, ученики узнают о:

- разных науках и разделах языкознания: ***семиотике*** (9 класс), ***психолингвистике*** (11 класс) и др.;
- о связи языка с разными видами деятельности: ***языке и речи*** (5 класс), ***функциях языка***, ***языке и мышлении***, ***языке и обществе*** (11 класс) и др.;
- видах письма: ***пиктографии*** (7 класс) и др.;
- языковых ситуациях: ***двуязычии***, ***билингвизме*** (9 класс) и др.;
- классификации языков: ***месте русского языка среди славянских языков*** (10 класс) и др.;
- ученых-теоретиках языка: ***П. П. Шубе***, ***А. А. Реформатском***, ***А. М. Пешковском***, ***В. В. Виноградове***, ***Б. Нормане*** (9 класс) и др.

Школьники узнают о ученых-филологах, теоретиках языка, читая фрагменты текстов из работ исследователей языка. Отметим имена и фамилии лингвистов: Л. А. Введенская (доктор филологических наук, профессор Ростовского университета) (5 класс), А. Н. Леонтьев (доктор педагогических наук, профессор, психолог, философ, психолингвист, работал в МГУ им. М. В. Ломоносова) (5, 11 классы), И. Б. Голуб (языковед, кандидат филологических наук) (6 класс), М. В. Панов (лингвист, литературовед, доктор филологических наук) (8 класс), П. П. Шуба (белорусский лингвист, доктор филологических наук, профессор) (9 класс), Б. Ю. Норман (белорусский лингвист, доктор филологических наук, профессор БГУ) (9 класс), В. М. Живов (филолог, историк языка, доктор филологических наук, профессор МГУ) (9 класс), А. А. Реформатский (лингвист, доктор филологических наук, профессор) (9 класс), А. М. Пешковский (лингвист, профессор, доктор филологических наук) (9 класс), В. В. Виноградов (лингвист и литературовед, доктор филологических наук, профессор) (9 класс), В. В. Иванов (лингвист, доктор филологических наук, профессор) (10 класс), С. Б. Бернштейн (лингвист, доктор филологических наук, профессор) (10 класс), Л. П. Крысин (лингвист, доктор филологических наук, профессор) (10–11 классы), В. Г. Костомаров (лингвист, доктор филологических наук, профессор) (10 класс), Н. Д. Арутюнова (лингвист, доктор филологических наук, профессор) (11 класс), И. А. Стернин (лингвист, доктор филологических наук, профессор) (11 класс), Б. Н. Головин (лингвист, доктор филологических наук, профессор) (11 класс) и др.

Также ученики знакомятся с текстами из «Энциклопедического словаря юного филолога» и «Энциклопедии «Языкознание. Русский язык».

Знакомясь с учеными-филологами, энциклопедиями и словарями школьники приобретают общую филологическую грамотность, узнают деятелей науки о языке.

Таким образом, теория языка в школьных учебниках по русскому языку представлена разнообразно, иллюстративный материал (рисунки, таблицы и схемы) помогает лучше запомнить материал, задания усложняются из класса в класс, что соответствует уровню развития школьников.

Список использованной литературы

1. Русский язык V–IX классы : учебная программа для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения. – Минск : Нац. ин-т образования, 2017. – 120 с.

2. Русский язык X–XI классы : учебная программа для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения. – Минск : Нац. ин-т образования, 2017. – 56 с.

А. П. Чалюк *(г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

НАЗВЫ ТРАВЯНІСТЫХ РАСЛІН У ГАВОРЦЫ ВЁСКІ ЗДЗІТАВА БЯРОЗАЎСКАГА РАЁНА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

Чалавек здаўна выкарыстоўвае розныя віды траў для бытавых і гаспадарчых патрэб. У шырокіх маштабах развіта іх культываванне як харчовых, лекавых, кармавых, тэхнічных і эстэтычных сродкаў. Не абыходзіцца без іх у традыцыйных народных святах (Купалле, Сёмуха, Макавей і інш.) і рэлігійных абрадах.

Кожнае мястэчка нашай краіны мае свае адметнасці ў намінацыі травяністых раслін, што сведчыць пра вялікую разнастайнасць лексем дадзенай тэматычнай групы. Гэта арыгінальны і цікавы матэрыял для лінгвістычнага даследавання. У дадзеным артыкуле ў форме невялікага слоўніка прадстаўлены назвы травяністых раслін, якія былі сабраны аўтарам у выніку апытання жыхароў вёскі Здзітава Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці.

Травы, або травяністыя расліны – жыццёвая форма раслін, для якой характэрныя неадраўнелыя парасткі, і надземныя часткі, звычайна, адміраюць у канцы вегетацыйнага перыяду.

Больш за тысячу разнастайных травяністых раслін сёння распаўсюджана на Беларусі. Яны адыгрываюць важную ролю ў прыродзе, утвараюць флору і раслінае покрыва, ствараюць спрыяльныя ўмовы для існавання чалавека і жывёл. Травяністыя расліны “ўзніклі ў працэсе эвалюцыі з дрэвавых раслін. Дасягнулі вылікай разнастайнасці форм, хутка пашырыліся на Зямлі, прыстасаваўшыся да ўмоў навакольнага асяроддзя” [1, т. 5, с. 96].

У гаворках вёскі Здзітава Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці намі зафіксаваны наступныя намінацыі травяністых раслін.

Аі́р м. р. ‘аер – расліна з доўгім мечападобным лісцем і тоўстым паўзучым карэнішчам, якая мае своеасаблівы востры пах’: *Аіром можна рукі парэзаць нават.*

Асе́нняе н. р. ‘галінзога дробнакветкавая – травяністая расліна сямейства астравыя з зубчастым лісцем і жоўтымі кветкамі, пашыраная ў розных кліматычных зонах; шкоднае пустазелле’: *Од асенняга часто трэба агарод полоць.*

Бра́ткі мн. л. ‘фіялка трохколерная – травяністая расліна з фіялетавымі, радзей белымі або рознакаляровымі кветкамі’: *Браткі мне очэнь падабаюцца.*

Вовкі́ мн. л. ‘ваўчкі – расліна з учэпістымі калючкамі’: *У дзяцінстве часта ўсё адзенне было у вовках.*

Гаро́х м. р. ‘гарох – травяністая расліна сямейства бабовых з насеннем у стручках’: *Калі гарох не подвяжэш учас, то прападзе.*

Гарыцве́т м. р. ‘адоніс – лекавая расліна сямейства казяльцовыя’: *Кветкі ў гарыцвета жоўтыя, як у дзьмухаўца.*

Дурні́шнік м. р. ‘смалёўка белая – шырока распаўсюджаная лугавая расліна з буйнымі белымі кветкамі’: *Дурнішнік ўсё лета цвіце.*

Е́лочка ж. р. ‘хвошч палявы – споравая расліна з зялёным галінастым сцяблом і лускаватым лісцем; падобная на елачку’: *Елочку ўсе знают.*

Кабачкі́ мн. л. ‘кабачок – аднагадовая расліна сямейства гарбузовых з белымі пладамі пераважна прадаўгаватай формы’: *Кабачкоў я многа не саджу.*

Камы́ш м. р. ‘чарот – высокая вадзяная ці балотная расліна з сямейства асоковыя’: *Самыя малыя дзеці і тыя ужо з камышом гуляюць.*

Ко́злікі м. р. ‘рагулькі – невялікая расліна з вузкім лісцем і ярка-сінімі буйнымі кветкамі са шпорай, мае галінастае, растапыранае сцябло’: *У козлікаў такія сінія-сінія кветкі.*

Ко́цікі, коцікавы вушы мн. л. ‘канюшына пашавая – травяністая аднагадовая расліна вышынёй да 30 см’: *Коцікі яшчэ называюць коцікавы вушы.*

Лебэда́ ж. р. ‘лебяда – расліна з голым сцяблом і зубчастым лісцем, пакрытым сізым налётам, і зеленаватымі кветкамі, сабранымі ў гронку’: *Лебэду мы і курам даем.*

Макры́ца ж. р. ‘макрыца, зоркаўка сярэдняя – невялікая расліна з голым трубчастым сцяблом, зеленавата-жоўтымі, сабранымі ў парасонкі кветкамі і бліскучымі лістамі’: *У гародзе любіць макрыца расці.*

Ма́ці-і-ма́чаха ж. р. ‘падбел звычайны – шматгадовая травяністая расліна з ярка-жоўтымі кветкамі, мае шырокае лісце, пакрытае з-пад нізу белымі варсінкамі’: *Маці-і-мачаха ў кожным двары расце.*

Мыльні́к м. р. ‘мыльнік лекавы – расліна з доўгім вострым лісцем, белымі ці ружовымі кветкамі; яе карані выкарыстоўваюцца як заменнік мыла’: *Пчолкі любяць на мыльніку пасядзець.*

Па́параць ж. р. ‘папараць мужчынская, шчытоўнік мужчынскі – адзін з самых распаўсюджаных відаў папарацей’: *Папараццю ў вёсцы двары ўпрыгожваюць.*

Пушы́стая ж. р.**, за́ячы хво́сцік** м. р. ‘падвей – шматгадовая расліна, насенне якой мае доўгія бліскучыя белыя валаскі’: *Пушыстую яшчэ некотрыя называюць заячы хвосцік.*

Пці́чнік м. р. ‘драсён птушыны, або спарыш – расліна з дробнымі непрыкметнымі кветкамі і дробным, на кароткіх чаранках лісцем’: *На полі за хатой той пцічнік растэ.*

Пырэ́й м. р. ‘пырнік – расліна з лінейным вузкім лісцем і суквеццем у выглядзе каласка’: *Пырэем і лечіцца можно.*

Расхо́днік м. р. ‘расходнік з’едлівы – шматгадовая травяністая расліна з паўзучым карэнішчам і залаціста-жоўтымі кветкамі ў форме 5-канцовых зорачак, сабраных у шматкветкавыя суквецці наверсе сцёблаў’: *На камнях часта росходнік расце.*

Саба́чкі ‘зарніца звычайная – пустазелле або дэкаратыўная расліна з жоўтымі ці фіялетавымі кветкамі’: *З сабачак раней таксама лекі варылі.*

Свірэ́па ж. р. ‘свірэпа – расліна з голым сцяблом, перыстым лісцем і жоўтымі кветкамі’: *Свірэпа яшчэ на рапс похожа.*

Стрэ́лкі ж. р. ‘стрэлкі звычайныя – расліна з маленькімі белымі кветкамі і лісцем, якое сабрана ў прыкарнявую разетку; плод уяўляе трохвугольную каробачку, падобную на торбачку (сумку)’: *Чаму стрэлкі называюцца, я ўжо і не помню.*

Укро́п (кро́п) м. р. ‘кроп – аднагадовая травяністая расліна сямейства парасонавых з вострым прыемным пахам’: *Укроп можно і не садзіць: сам вырасце.*

Хмелёк м. р. ‘люцэрна хмелявідная – аднагадовая або двухгадовая расліна са стрыжневым коранем і кветкамі ад светла-бэзавага да цёмна-фіялетавага колеру’: *Хмелёк звычайна травой лічаць.*

Шмарганец м. р. ‘смарганец – аднагадовая або шматгадовая расліна, падобная да злакаў, з доўгім вузкім лісцем і сцяблом-саломінкаю’: *Шмарганец вельмі сонца любіць.*

Шчавэ́й м. р. ‘шчаўе – шматгадовая травяністая і паўкустовая расліна сямейства драсёнавых, лісце якой мае кіслы смак і ўжываецца ў ежу’: *Ужо толькі невысокі шчавэй ростэ.*

Такім чынам, у гаворцы вёскі Здзітава Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці адзначаюцца назвы балотных (*аі́р, камы́ш*), лясных (*на́параць, вовкі́*), лугавых і палявых (*асе́нняе, бра́ткі, гарыцве́т*) травяністых раслін. У большасці зафіксаваныя намінацыі з’яўлюцца фанетычнымі ці словаўтваральнымі варыянтамі адпаведных навуковых найменняў, але адзначаюцца і ўласнарэгіянальныя лексемы (*асе́нняе, хмелёк, пці́чнік, пушы́стая* і інш.).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. / гал. рэд. І. П. Шамякін. – Мінск : БелСЭ, 1983. – 1986. – 5 т.

2. Раслінны свет : тэматычны слоўнік / склад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2001.

М. Б. Чарыев *(г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, канд. филол. наук, доцент

ВИДЫ И ФУНКЦИОНАЬНАЯ НАГРУЗКА ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

В. В. Виноградов отмечал, что «в тесной грамматической связи с именами существительными находятся имена прилагательные <…> Слово, подводимое под категорию имени прилагательного, представляет собой комплекс форм, которые выделяют имена прилагательные среди других частей речи» [1, с. 157–158]. «Имя прилагательное как часть речи формируют слова, имеющие значение признаковости, т. е. к прилагательным относят лишь те лексемы, которые обозначают признаки предметов, а потому способны определять существительные и не способны определять глаголы» [2, с. 443].

Приоритетным при исследовании особенностей идиостиля авторов остается лексический уровень. Изучение стиля А. П. Чехова является важным, прежде всего, для лингвостилистики: встав в один ряд с лучшими русскими писателями, он сумел создать свой чеховский неповторимый язык, который отличается краткостью, точностью и простотой.

Цель статьи заключается в рассмотрении видов и анализе функциональной нагрузки относительных имен прилагательных в рассказах

А. П. Чехова. **Материалом** послужили относительные имена прилагательные, встречающиеся в текстах рассказов А. П. Чехова [3].

Известно, что имена прилагательные распределяются по трем разрядам: качественные, относительные, притяжательные [4, с. 57]. «**Относительные прилагательные** – разряд прилагательных, указывающих на признак предмета не прямо, а через отношение к другому предмету, действию, обстоятельству» [5, с. 122–123].

В нашем материале, извлеченном из текстов А. П. Чехова, выделено 7 групп относительных прилагательных разной наполненности и указывающих на отношения:

1. К месту: *«Если бы все мы, **городские** и **деревенские** жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд…»* («Дом с мезонином», с. 207). *«В **хирургическом** отделении не переводилась рожа»* («Палата № 6», с. 133). *«Через переднюю пробежал на улицу штатный смотритель **уездного** училища»* («Экзамен на чин», с. 19).

2. К материалу: *«На стене в **золотой** раме висела большая картина…»* («Невеста», с. 287). *«…теперь сидит рыжий купец, очень равнодушный человек, пьющий чай из **медного** чайника»* («Скучная история», с. 84). *«Отсюда вела во второй этаж узкая **деревянная** лестничка…»* (Палата № 6, с. 134) и др.

3. Ко времени: *«Однажды **осенним** утром <…> по переулкам и задворкам пробирался Иван Дмитрич к какому-то мещанину…»* («Палата № 6», с. 145). *«Однажды он шел к ней таким образом в **зимнее** утро»* («Дама с собачкой», с. 285). *«Был **праздничный** день»* («Дама с собачкой», с. 292) («Экзамен на чин», с. 21) и др.

4. К предмету или лицу: *«При лунном свете все **женские** глаза кажутся большими и черными…»* («Скучная история», с. 100). *«…она, боясь показаться в **мужском** пальто смешной и некрасивой…»* («Дом с мезонином», с. 222). *«…а новая одежда, которую он обыкновенно покупает в **жидовской** лавке, кажется на нем такою же поношенною…»* («Палата № 6», с. 142) и др.

5. К длине: *«На поверхности показывается большая налимья голова и за нею черное **аршинное** тело»* («Налим», с. 40) и др.

6. Указывают на назначение: *«Она ведет меня в маленькую, очень уютную комнатку и говорит, указывая на **письменный** стол»* («Скучная история», с. 68). *«Прошу в **жалобной** книге не писать посторонних вещей»* («Жалобная книга», с. 18). *«Она достает из своей **дорожной** сумочки платок…»* («Скучная история», с. 106) и др.

7. Указывают на отношение к отвлеченному понятию: *«Иногда на него находил **философский** стих, и он начинал рассуждать…»* («Учитель словесности», с. 205). *«Изредка у него является желание поговорить на*

плохом ***французском*** *языке…»* («Скучная история», с. 51). *«…оба они вели* ***медицинский*** *разговор»* («Попрыгунья», с. 122).

Отмечены случаи **переносного употребления относительных имен прилагательных**: *«…а* ***каменная*** *болезнь считается таким пустяком, что о ней даже не пишут»* («Палата № 6», с. 134). *«… кое-где дрожал яркий* ***золотой*** *свет…»* («Дом с мезонином», с. 219). В данных примерах относительные имена прилагательные ***каменная***, ***золотой*** употреблены как качественные. Встречаются случаи, где в качестве относительных употребляются притяжательные имена прилагательные, например: *«На другой день к завтраку подавали очень вкусные пирожки, раков и* ***бараньи*** *котлеты…»* («О любви», с. 245).

Таким образом, в рассказах А. П. Чехова употребляются относительные имена прилагательные, выражающие различные отношения, наблюдаются также случаи переносного употребления относительных имен прилагательных.

Рассмотрим функциональную нагрузку относительных имен прилагательных в рассказах А. П. Чехова. Отметим, что относительные прилагательные в рассказах А. П. Чехова выполняют следующие функции:

1. **Номинативную**, определяют существительные: *«Проэкзаменовали двух поповичей на* ***сельского*** *учителя»* («Экзамен на чин», с. 19). *«В буяне все узнали* ***местного*** *миллионера, фабриканта…»* («Маска», с. 28). *«Он никогда, даже в молодые и* ***студенческие*** *годы, на производил впечатления здорового»* («Палата № 6», с. 135) и др.

2. **Описательную**: *«…эти* ***летние праздничные*** *утра в наших усадьбах всегда были необыкновенно привлекательны»* («Дом с мезонином», с. 208). *«От плит и увядших цветов, вместе с* ***осенним*** *запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем»* («Ионыч», с. 256). *«…стоит маленький чрезвычайно тощий мужичонка в* ***пестрядинной*** *рубахе…»* («Злоумышленник», с. 41). и др.

3. **Конкретизирующую**: *«****Деревенская*** *жизнь» имеет свои удобства»* («Крыжовник», с. 239). *«И этот учитель* ***греческого*** *языка, этот человек в футляре, можете себе представить, едва не женился»* («Человек в футляре», с. 227). *«…а если бы поблизости был* ***медицинский*** *пункт, то она осталась бы жива»* («Дом с мезонином», с. 215) и др.

Таким образом, рассмотренные функции демонстрируют и оправдывают многочисленные случаи употребления относительных имен прилагательных в рассказах А. П. Чехова.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет сделать выводы, что в рассказах А. П. Чехова относительные имена прилагательные: 1) указывают на отношения к месту, к материалу, ко времени, к предмету и к лицу, к длине, на назначение, на отношение к отвлеченному

понятию; встречаются случаи переносного употребления относительных прилагательных; 2) выполняют номинативную, описательную и конкретизирующую функции, являются самостоятельными словами, в которые писатель вкладывает элемент уточнения и конкретики, что характерно для текстов А. П. Чехова.

Список использованной литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с.

2. Современный русский язык / В. В. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.

3. Чехов, А. П. Избранное / А. П. Чехов ; вступит. ст. В. И. Кулешова. – Минск : Юнацтва, 1982. – 318 с.

4. Современный русский язык. Теория и анализ языковых единиц : в 2 ч. / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова [и др.] ; под ред. Е. И. Дибровой. – М : Издат. центр «Академия», 2008. – Ч. 2 : Морфология. Синтаксис. – 624 с.

5. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.

І. Э. Шалль *(г. Мінск, БДУІР)*
Навуковы кіраўнік – Н. Я. Пятрова, канд. філал. навук, дацэнт

ПРАФЕСІЙНАЯ МОЎНАЯ АСОБА ІНЖЫНЕРА-ПРАГРАМІСТА

У сучаснай лінгвістыцы даследаванне прафесійнай моўнай асобы з’яўляецца перспектыўным накірункам. У час хуткага развіцця інфармацыйных тэхналогій наогул, сферы інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі, а таксама у выніку павышэння прэстыжу і запатрабаванасці прафесіі інжынера-праграміста, найбольш актуальным аб’ектам у галіне даследавання моўнай асобы становіцца прафесійная моўная асоба інжынера-праграміста. Мэта нашай працы – вызначыць, якімі моўнымі сродкамі і адметнасцямі вызначаецца прафесійнае маўленне спецыяліста вышэйназванай прафесіі.

Агульназразумела, што аснову любога маўлення, прафесійнага ці побытавага, складае агульнаўжывальная лексіка. Разам з тым, прафесійнае маўленне інжынера-праграміста найперш залежыць ад ведання спецыяльнай лексікі ў галіне інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі, як тэрміналагічнай, так і жаргоннай, а таксама ад культуры выкарыстання моўных сродкаў у пісьмовым і вусным, дыялагічным, маўленні.

Тыповая моўная асоба інжынера-праграміста адметна наступнымі характарыстыкамі:

– пераважна малады ўзрост, таму ў маўленні прыстунічаюць жарганізмы не толькі са сферы інфармацыйных тэхналогій;

– імкненне да эканоміі часу, жаданне спрасціць усе магчымыя сферы прафесійнай дзейнасці, у тым ліку і прафесійнае маўленне;

– схільнасць да жартаўлівых, іранічных моўных сродкаў, паколькі праграміста прымушае да аднатоннасці, высокаарганізаванасці і канцэнтрацыі ўвагі ад чалавека, таму, натуральна, што чалавеку хочацца ў іншых сферах пазбавіцца гэтага;

– перавага нефармальных, неафіцыйных зносінаў, што дыктуецца ўмовамі працы такіх спецыялістаў: у офісах звычайных it-кампаній няма жорсткіх правілаў ці дрэскода, многія праграмісты працуюць з дома і інш.;

– амаль усе інжынеры-праграмісты добра валодаць англійскай мовай, што з'яўляецца неабходнасцю ў сферы IT, таму маўленне па-англійску;

– пашыранае дыялагічнае сеткавае маўленне, паколькі праграмісты часта працуюць у камандах, што патрабуе абмяркоўваць працу з усімі удзелькамі каманды кожны дзень, часцей пры дапамоце спецыяльных праграм накшталт скайпа.

Усе вышэйназваныя якасці абумоўліваюць такі факт, што побач з узаконенымі афіцыйнымі спецыяльнымі найменнямі ў прафесійным маўленні спецыялістаў IT будуць пераважаць жаргонныя, слэнгавыя адзінкі. Разам з тым, мы не лічым гэта адмоўным фактарам, паколькі выкарыстанне такіх лексічных адзінак сапраўды значна аблягчае прафесійнае маўленне гэтых спецыялістаў.

Стыль зносінаў спецыялістаў сферы IT унікальны, маўленне такіх асоб характарызуецца эмацыянальнасцю, часам адсутнасцю нормаў, найперш пунктуацыйных, своеасаблівасцю асацыяцый, у пісьмовай форме шырокім функцыянаваннем разнастайных графічных знакаў (смайлікаў) і інш. Разам з тым, веданне спецыяльнай тэрміналогіі – абавязковая ўмова для моўнай асобы інжынера-праграміста. Інжынер-праграміст павінен не толькі добра ведаць спецыяльную тэрміналогію, але і правільна ўжываць яе.

Акрамя тэрміна, існуе такое паняцце, як прафесіяналізм – спецыяльнае паўафіцыйнае слова, якое не фіксуецца тэрміналагічнымі слоўнікамі, валодае экспрэсіўнасцю, эмацыянальнасцю, вобразнасцю. Прафесіяналізмы займаюць значнае месца ў сферы праграмавання. Словы нашкталт *адмін, адкат, глюк, баг, венік, вінт, дэвайс, зіпаваць, зносіць, клава, клікнуць, комп, лагаць, ламер, мануал, монік, мыла, прашыць, рарыць, скінуць, траян, флуд, флэшка, юзар* і інш. трывала ўвайшлі ў прафесійнае маўленне спецыяліста ў галіне IT. Крыніцамі такіх слоў становяцца найперш англіцызмы, запазычанні з англійскай мовы, скарочаныя ці сугучна адаптаваныя ў беларускай мове. Разам з тым, некаторыя спецыяльныя словы ўзніклі на ўласнай глебе, шляхам пераасэнсавання гатовых агульнаўжвальных лексем. Напры-

клад, *чайнік* у прафесійным маўленні сферы ІТ – ‘пачатковы карыстальнік камп’ютара ці праграмы’; *мыла* – ‘электронная пошта’; *мама* ці *мамка* – ‘асноўная плата сістэмнага блоку камп’ютара’; *мазгі* – ‘аператыўная памяць’; *венік* – ‘вінчэстар’; *глюк* – ‘збой у рабоце камп’ютара’ і інш.

Можна выдзяліць такія асаблівасці прафесіяналізмаў з маўлення інжынера-праграміста, як эканомнасць, эмацыянальнасць, жартаўлівасць, лёгкая запамінальнасць. Выкарыстанне такіх слоў, на нашу думку, станоўча ўплывае на прафесійнае маўленне, робіць яго больш функцыянальным і эфектыўным. Гэта дае магчымасць ажывіць прафесійную камунікацыю, адцягнуць праграмістаў ад манатонай працы за камп’ютарам.

Такім чынам, моўная асоба інжынера-праграміста ўжывае ў маўленні разнастайную лексіку. Побач з унармаванымі тэрмінамі функцыянуць жарагнізмы, але слэнг звыяайна не псуе прафесійнае маўленне, а надае яму сучасны каларыт, аблягчае зносіны такіх спецыялістаў. Разам з тым, моўная асоба інжынера-праграміста не павінна ўжываць у маўленні недарэчныя, грубыя, лаянкавыя моўныя сродкі, якія могуць пакрыўдзіць іншых камунікантаў. Між іншым, гэта адносіцца да маўлення любога чалека, не толькі інжынера-праграміста. Таксама праграмісту трэба добра ўсведамляць так званую мяжу, дзе можна ўжываць жаргонную лексіку, а дзе лепш карыстацца унармаванымі сродкамі, напрыклад, у размове з кліентамі, з кіраўнікамі і ў нейкіх іншых камунікатыўных сітуацыях.

У. Шаляст-Бытыс *(г. Бяла Подляска, Государственная высшая школа им. Папы Римского Иоанна Павла II)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК НА УРОКАХ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ И ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ

Смотря на современную картину мира легко заметить, что ее характерными чертами являются многоязычность и мультикультурность. Каждый человек – это, с одной стороны, член мирового сообщества, его интегральная часть, но, с другой стороны, представитель конкретного народа, общества данной страны, ее культуры. Широкий доступ к другим странам, в большинстве случаев возможность свободно пересекать границу, общаться с жителями разных стран, вызывает большой интерес и мотивацию к обучению иностранным языкам, к владению ими на хорошем, более продвинутом уровне. И тут же часто оказывается, что умение свободно, правильно в устной и письменной коммуникации общаться на иностранном языке в повседневных ситуациях, не всегда является достаточным.

Для успешной интеракции между людьми нужны как коммуникативная и языковая, так и социокультурная компетентность. Именно поэтому формирование у учащихся социокультурной компетенции, которая подразумевается как «знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры, а также способов пользования этими знаниями в процессе общения» [1, с. 140], является гарантией правильной передачи и понимания информации между говорящим и его собеседником, и их участия в диалоге культур.

Пословицы и поговорки русского народа, это с одной стороны, неотъемлемый элемент культуры, жемчужины мысли, миниатюрные художественные произведения, отражающие народную мудрость, общественную мораль, этику, национальный менталитет, систему ценностей, отношение к действительности, с другой – богатый материал для развития и формирования как социокультурной, так и языковой компетенции.

Именно в учебной практике их можно использовать в качестве иллюстративного материала для объяснения разных грамматических, орфографических, фонетических явлений, введения и работы с новой лексикой, демонстрации коммуникативных ситуаций с использованием пословиц или, например, побуждения учащихся к беседе, дискуссии по ситуативному употреблению поговорок.

В данной статье предлагаем вниманию возможность использования богатого дидактического потенциала русских пословиц и поговорок как средства, методического приема, который способствует формированию грамматических и орфографический навыков и умений учащихся, автоматизации изучаемых форм и конструкций. Все пословицы, приведенные в этой статье, взяты из книги В. И. Даля [2] и В. П. Жукова [3].

1. Использование русских пословиц и поговорок для иллюстрации грамматического материала:

– формы 2 лица ед. ч. глагола изъявительного наклонения, например: *Без беды друга* ***не узнаешь***; *Что* ***посеешь****, то и* ***пожнешь***; ***Любишь*** *кататься, люби и саночки возить*; *Без труда* ***не вытащишь*** *и рыбку из пруда*;

– формы 3 лица ед. ч. глагола изъявительного наклонения, например: *Кто рано* ***встает*** *– тому Бог* ***подает***; *Книга в счастье* ***украшает****, а в несчастье* ***утешает***; *Язык до Киева* ***доведет***; ***Глядит*** *в книгу, а* ***видит*** *фигу*;

– формы повелительного наклонения глагола, например: ***Умей*** *сказать,* ***умей*** *и помолчать*; *Век* ***живи****, век* ***учись***; *Книги* ***читай****, а дела* ***забывай***; ***Ешь*** *пирог с грибами, а язык* ***держи*** *за зубами*;

– формы степеней сравнения прилагательных и наречий, например: *Верный друг* ***лучше*** *сотни слуг*; *Уговор* ***дороже*** *денег*; ***Тише*** *едешь,* ***дальше*** *будешь*; *Утро вечера* ***мудрее***;

– краткой формы прилагательных, например: ***Болен*** *– лечись, а* ***здоров*** *– берегись*; *В зимний холод всякий* ***молод***; *Корень учения* ***горек***, *да плод его* ***сладок***; *Чем* ***богаты****, тем и* ***рады***;

– сложноподчиненных предложений, например: *Не все золото,* ***что блестит***; *Кто смел,* ***тот и съел***; *Там хорошо,* ***где нас нет***; *Кто не ходит,* ***тот не падает***.

2. Использование русских пословиц и поговорок для выработки навыков образования грамматических форм (на основе подставочных упражнений):

– образуйте форму повелительного наклонения (2 лицо ед. ч.), например: *Если хочешь быть здоров – _____ (закаляться). После обеда _____ (полежать), после ужина _____ (походить). _____ (Беречь) нос в большой мороз.*

– образуйте краткую форму прилагательного, например: _____ *(Больной) жена, мужу не _____ (милый). Будь не _____ (красный), да _____ (здоровый). Зять _____ (милый) по дочери, а сын постыл по невестке.*

– образуйте форму сравнительной степени прилагательного, например: *Как жена ни мила, а сон _____ (милый). Старый друг _____ (хороший) новых двух*.

– образуйте нужную форму глагола, например: *Кто _____ (спать) весною, _____ (мерзнуть) зимою. Не всякий, кто _____ (читать), в чтении силу _____ (знать). Ласточка весну _____ (начинать), соловей _____ (кончать).*

3. Использование русских пословиц и поговорок для иллюстрации правильного правописания определенных грамматических форм или закрепления на практике орфографических правил:

– скажите, как пишутся данные наречия: слитно, раздельно, с мягким знаком или без него? Объясните почему.

Береги платье ***с(нову)****, а здоровье* ***с(молоду)***; *Горе женится, нужда* ***за(муж)*** *идет*; *Землю* ***вскач...*** *не пашут; идет*; *Матушка рожь – кормит всех* ***сплош...***; *Сделано* ***на(спех)****, сделано* ***на(смех)***; *Козла бойся* ***с(переди)***, *коня* ***с(зади)****, а лихого человека со всех сторон*; ***С(начала)*** *подумай, потом делай*;

– Вставьте, где нужно, мягкий знак. Укажите, какая это часть речи и объясните, почему мягкий знак пишется или не пишется в данной форме:

Грамоте ***учит...ся*** *всегда* ***пригодит...ся***; ***Сем...*** *раз* ***отмер...****, один раз* ***отреж...****; В мае* ***дожд... – будет... рож...***; ***Говорят...*** *хлебы* ***варят...****, а щи* ***пекут...***; *В Москве деньги* ***береч...*** *– себя не* ***стереч...***; *Наряд соколий, а походка* ***волч...я***; ***Любиш... катат...ся****, люби и саночки* ***возит...***

Использование пословиц и поговорок для обучения грамматике и орфографии помогает объяснять и закреплять новый материал на самых различных этапах обучения. Включение страноведческого материала в урок дает также возможность сделать этот процесс более привлекательным для учащегося, повысить его мотивацию к уроку, внести оживление и разнообразие в работу по усвоению грамматических и орфографических явлений, облегчить и неоднократно ускорить изучение новой темы. Именно активизация учащихся, повышение их интереса к теме урока открывает пространство не только для более эффективного обучения грамматике, орфографии русского языка, и в общем РКИ.

Список использованной литературы

1. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика : учеб. пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. – М. : Филоматис, 2006 – 140 с.

2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Русская книга, 1993.

3. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 2002.

К. В. Шиш (*г. Брест, БГК связи)*
Научный руководитель – Е. В. Омелянюк, преподаватель

К ПРОБЛЕМЕ ВТОРИЧНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ СЛОВ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА *САМОИЗОЛЯЦИЯ*)

В нашем исследовании мы обратились к рассмотрению одного из динамических процессов, характеризующих современное состояние лексико-семантической системы русского языка – вторичному заимствованию англоязычных слов. Проблема вторичного заимствования на материале пар языков фокусирует интересы различных сфер лингвистических исследований – семантики, лексикологии, лексикографии, переводоведения и других.

В данной работе рассмотрим так называемое вторичное заимствование в русском языке слова *самоизоляция*, по форме совпадающего с ранее заимствованным, но имеющим иное значение, и его функционирование наряду с уже ассимилированным. Нас заинтересовал факт лексического параллелизма, состоящего в том, что переводной эквивалент слова «самоизоляция», – *self-isolation* в свою очередь также восходящий к французскому глаголу *isoler,* – изолировать [1], [2], приобретает новые схожие культурные референции в наше время – эпоху глобального распространения вируса Covid-19 в начале 2020 года.

В английском языке термины *self-isolation* и *self-isolating,* зафиксированные в Оксфордском словаре в 1834 и 1841 годах применительно

к странам, изолировавшим себя экономически и политически от остального мира, сейчас используются для описания добровольного дистанцирования от других людей [3], а также дистанцирования с целью профилактики заражения или передачи инфекционного заболевания [4], или по причине страха перед надвигающимся апокалипсисом, чумой или Covid-19 [5].

В русском языке отметим факт параллельной лексической трансформации термина-эквивалента *самоизоляция*, с 1995 года (по материалам Национального корпуса русского языка) встречающегося в основном в публицистике в текстах на схожую с его англоязычным эквивалентом тематику (политическая самоизоляция стран, самоизоляция стран как следствие экономических и финансовых санкций и т. п.) [6].

В современных отечественных словарях *самоизоляция* дефинируется как ‘изоляционизм’ [7] в качестве антонима понятиям *протекционизм*, *коллаборационизм*, *интернационализм* и некоторым другим. Изоляционизм – это также термин, преимущественно используемый для обозначения невовлечения страны/этноса в дела иных стран/этносов. Применительно к экономике изоляционизм связан с понятием автаркии – установки на изоляцию страны и исключение ее из мирохозяйственных связей, а также обслуживание этой тенденции – институциальное, идеологическое и др. [8].

В социологии в справочных изданиях говорится о самоизоляции как личности, так и о самоизоляции социальной, этнической или религиозной группы – социальном явлении, при котором происходит отторжение индивида или группы от других индивидов или групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимоотношений [7].

В психоаналитической теории оперируют термином *самоизоляция личности* [8] – системное, интегральное качество личности, проявляющееся в критической жизненной ситуации, впервые предложенным Зигмундом Фрейдом, и его синонимом *аутизм*, что в свою очередь обозначает ‘болезненное состояние, характеризующееся психической замкнутостью индивида’ [9].

Феномен самоизоляции или отшельничества (затворничества) описан в культурно-религиозных источниках Китая, Таиланда, Индии, Шри-Ланки и России. Известны имена православных святых-затворников, пустынников и знаменитых личностей, которые провели значительную часть своей жизни в уединении: Исаака Ньютона, Пола Сезана, Николы Тесла и многих других.

Приведенное нами определение вторичного заимствования не дает, на наш взгляд, однозначного понимания того, имеем ли мы дело с расширением семантического потенциала уже существующих в русском и английском языках слов *самоизоляция/ self-isolation*, или с появлением неологизмов, омонимичных существующим. Более того, в объем понятия вторичного заимствования исследователи языков включают случаи

расширения многозначности ранее заимствованных слов путем калькирования. Причина видится в том, что процесс вторичного заимствования протекает в языках параллельно с процессом возвращения лексем из пассивного в активный словарный запас, – деархаизацией [10]. Например, Л. П. Крысин относит к «вторичным заимствованиям» существительное *резюме* в значении ‘краткая автобиография с характеристикой деловых качеств, представляемая кандидатом на какую-либо должность, участником какого-либо конкурса и т. п.’ и отмечает, что «это новое значение представляет собой семантическую кальку английского слова *resume*» [11, с. 62]. Этот пример подтверждает наше предположение, что слово *самоизоляция* тоже является семантической калькой. По мнению других ученых, о вторичном заимствовании можно говорить, когда одно и то же многозначное слово в разное время становится объектом сначала материального заимствования (перенимается и звучание, и значение), потом «скрытого» заимствования (перенимается только значение).

В итоге, по нашему мнению, вопрос о вторичном заимствовании многозначных терминов на примере слова «самоизоляция», и, следовательно, о причинах и условиях возникновения данного лингвистического феномена остается открытым. Как следствие, открытым остается вопрос – фиксировать ли в словарях вторичные лексические заимствования в случае их полного формального совпадения с ранее заимствованными словами как омонимы или как значения многозначных слов.

Список использованной литературы

1. Self-isolation [Electronic resource]. – [Mode of access] https://www.urbandictionary.com/define.php?term=self%20isolation /. -Date of access: 11.03.2020

2. Self-isolation [Electronic resource]. – [Mode of access] https://www.merriam-webster.com/dictionary/self-isolation /. – Date of access: 11.03.2020.

3. Self-isolation [Electronic resource]. – [Mode of access] https://oed.com/view/Entry/88362854 /. – Date of access: 11.03.2020.

4. Самоизоляция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://academic2.ru/самоизоляция/. – Дата доступа: 12.03.2020.

5. Самоизоляция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/самоизоляция/. – Дата доступа: 12.03.2020.

6. Самоизоляция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphlib.ru/library?a=q&rt=rd&s=TextQuery&s1.collection=all&s1.query=самоизоляция&x=0&y=0 /. – Дата доступа: 12.03.2020.

7. Самоизоляция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&text=lexform&req=самоизоляция /. – Дата доступа: 12.03.2020.

8. Самоизоляция личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psychology_pedagogy.academic.ru/15459/САМОИЗОЛЯЦИЯ_ЛИЧНОСТИ. – Дата доступа: 12.03.2020.

9. Социальная изоляция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_изоляция /. – Дата доступа: 17.03.2020.

10. Деархаизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/деархаизация/. – Дата доступа: 17.03.202011.

11. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М. : Знак, 2008. – 284 с.

В. Н. Шпарло *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

СИСТЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Средства массовой информации прочно вошли в жизнь современного человека, однако наряду с новыми источниками получения информации – интернет-ресурсами – не остаются в стороне и уже традиционные СМИ, а именно телевидение и радиовещание. Последнее за годы своего существования значительно изменилось. Если ранее радио выполняло в большей степени информационную функцию, то на данный момент возросла роль рекреационной: сегодня оно стремится стать не только средством информирования, но и источником хорошего настроения. Не отстают в этом плане региональные радиостанции Беларуси, в частности, Витебщины.

Система регионального радиовещания Витебской области представлена рядом радиостанций, которые по территории вещания можно классифицировать как областное, городское и районное радио. К первому виду относится «Радио Витебск», входящее в состав телерадиокомпании «Витебск». Его днём рождения является 14 июля 1998 г. «Тогда радиостанция стала первой среди региональных, которая вышла в FM-диапазон. Сегодня радиостанция – это 12 передатчиков, которые доставляют сигнал не только во все районные центры области, но и в прилегающие районы, а также в приграничье с Латвией, Литвой и Россией» [1]. Согласно данным социологических исследований, которые проводились информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь в 2017–2018 гг., «Радио Витебск» занимало 9-е место в списке самых популярных радиостанций Беларуси [2, с. 159]. Телерадиокомпания «Витебск» постоянно осваивает новые технологии в направлении развития радиовещания, что подтверждается возможностью «Радио Витебск» вещать из выездной студии. По информации Белтелерадиокомпании, потенциальная аудитория радиостанции составляет порядка 2-х миллионов человек, что является хорошим показателем для областного радио и как раз и выводит его в число популярных станций страны.

Городское радиовещание Витебщины представлено несколькими станциями. Так, в г. Орша работает «Радио Скиф». Оно вещает круглосуточно на волне 99.9 FM. Прослушать радио можно и в режиме онлайн на официальном сайте медиакомпании «Скиф», куда входят информационно-развлекательный семейный телеканал, газета и информационный портал. Также в г. Новополоцке вещает радиостанция «Центр FM Новополоцк». Следует отметить, что в Полоцке и Витебске транслируются российские радиостанции «Европа Плюс» и «Ретро FM» с привязкой к данным городам («Европа Плюс Полоцк», «Европа Плюс Витебск»).

Из 21 района Витебской области только 5 сохранили районное радиовещание – Глубокский, Лепельский, Поставский, Чашникский и Шарковщинский. В последнем из перечисленных районов радио функционирует при газете, в остальных – это самостоятельные структуры, никак не связанные с печатным изданием.

Итак, «Шарковщинское районное радиовещание» действует при учреждении «Редакция районной газеты “Кліч Радзімы” и программы радиовещания». Общий объём вещания составляет 30 минут в неделю (по 15 минут во вторник и четверг, с 6.25 до 6.40). Трансляции ведутся путём перекрытия эфира «Першага нацыянальнага канала Беларускага радыё».

Государственное учреждение «Редакция радиопрограммы «Глубокское местное радиовещание» выпускает радиопрограмму для жителей Глубокского района. Для трансляции передач перекрывается вещание «Першага нацыянальнага канала Беларускага радыё». Глубокское радио выходит утром (6.25–6.40) в среду, в четверг передача звучит в дневном эфире (11.40–12.00), а в пятницу – в вечернем (21.05–21.30). Это позволяет охватить более широкую аудиторию. Положительный имидж создаёт и группа «Глыбоцкае раённае радыё» в социальной сети «Одноклассники». В ней размещаются выпуски радиопередач. Примечательно, что ведут их одновременно два ведущих.

«Лепельское местное радиовещание» выходит в эфир два раза в неделю (понедельник, среда), продолжительностью в 25 минут эфирного времени» [3]. Программа выпускается учреждением «Редакция программы радиовещания «Лепельское местное радиовещание» и программы телевидения». В составе редакции, помимо радиовещания, телеканал «Лепель ТВ», который вещает в сети кабельного оператора объёмом 4 часа в день. Следовательно, у жителей района есть возможность узнавать информацию о местных событиях из эфира радио и телевидения, а также из районной газеты «Лепельскі край».

Программа радиовещания Поставского района выпускается государственным учреждением «Редакция программы радиовещания «Поставское местное радио и программы телевидения «Поставы-ТВ». На сайте

редакции отмечается: «Изначально радийный отдел был в составе редакции местной газеты. С появлением в районе телевидения стал его структурным подразделением. Сегодня Поставское радио – это современная студия, оснащённая всем необходимым оборудованием для качественной передачи информации. В его эфире получают широкое освещение все происходящие в районе события» [4]. Объём вещания – 20 минут в неделю, а именно каждую пятницу с 21.15 до 21.35. Передачи выходят путём перекрытия эфира радио «Минская волна». Малый объём вещания радио компенсируется телепередачами: канал «Поставы-ТВ» вещает ежедневно в объёме 4-х часов в сети кабельных операторов района.

Активно развивается местное радиовещание в Чашникском районе. «С 2003 года по решению учредителей редакция радиопрограммы является самостоятельным юридическим лицом, не входящим в состав районной газеты» [5]. Передачи выходят по понедельникам, средам и пятницам с 11.40 до 12.00 на волне «Першага нацыянальнага канала Беларускага радыё». Объём эфира составляет один час в неделю. Выпуски можно послушать и переслушать и на сайте Чашникского районного радио – radiochashniki.by. Помимо передач, там размещаются актуальные новости района.

Таким образом, в Витебской области создана неплохая система радиовещания. Однако небольшое количество программ районного радио и отказ от него, на наш взгляд, не является верным шагом, поскольку радио – одно из самых оперативных СМИ. Дальнейшее развитие регионального радиовещания Витебщины видится в необходимости создания и функционирования городских и районных радиостанций.

Список использованной литературы

1. Радио «Витебск» исполнилось 20 лет [Электронный ресурс] // Белтелерадиокомпания : официальный сайт. – Режим доступа: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/radio_vitebsk_ispolnilos_20_let/. – Дата доступа: 07.05.2020.

2. Уровень популярности радиостанций: социологический обзор // Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск : тип. ФПБ, 2018. – 180 с.

3. СМИ Лепельского района [Электронный ресурс] // Лепельский райисполком : официальный сайт. – Режим доступа: http://lepel.vitebsk-region.gov.by/ru/smi/. – Дата доступа: 08.05.2020.

4. Об организации [Электронный ресурс] // ГУ «Редакция программы радиовещания «Поставское местное радио» и программы телевидения «Поставы ТВ» : официальный сайт. – Режим доступа: http://www.postavytv.by/o-nas/. – Дата доступа: 08.05.2020.

5. О нас [Электронный ресурс] // Учреждение «Редакция радиопрограммы «Чашникское районное радио» : официальный сайт. – Режим доступа: http://www.radiochashniki.by/index/0-2. – Дата доступа: 08.05.2020.

А. А. Шэмет *(г. Брэст,БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд.ф. навук, дацэнт

АНТРАПАНІМІКОН ГІСТАРЫЧНАЙ ДРАМЫ ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК “СКАРЫНА З ПОЛАЦКА”

Драма (драматургія) – адзін з асноўных родаў літаратуры (разам з эпасам і лірыкай), уяўляе сабой тэкст, які складаецца з рэплік персанажаў і рэмарак аўтара і прызначаны для тэатральнага выканання (часам проста для чытання) [1, с. 242]. Асноўная асаблівасць драматургіі як роду літаратуры – абмежаванасць у выбары выразных сродкаў. У распараджэнні драматурга толькі простая мова герояў, дыялог, з дапамогай якога неабходна распачаць і ўтрымаць інтарэс гледачоў. Толькі праз простую мову персанажаў магчыма асэнсаванне іх псіхалагічнага складу, намераў, абгрунтаванне дзеянняў і ўсяго, што складае сюжэт драматургічнага твора.

Да гістарычнай драматургіі адносяцца творы паводле рэальных гістарычных падзей ці творы, дзеянне якіх разгортваецца на фоне пэўнай гістарычнай эпохі.

Гістарычная драма “Скарына з Полацка” ўваскрашае віленскія старонкі жыцця беларускага першадрукара. Перадаючы дух мінуўшчыны, Зінаіда Дудзюк умела раскрывае нацыянальна-культурную інфармацыю ўласных імёнаў.

У ліку персанажаў твора найперш рэальныя гістарычныя асобы. У рэпліках герояў драмы сустракаюцца ***онімы-сучаснікі*** – найменні гістарычных дзеячаў, жыццё якіх прыпадае на час разгортвання дзеяння п’есы: імёны ***Яна***, біскупа віленскага, караля Чэхіі ***Фердынанда***, герцага Прусіі ***Альбрэхта***, англійскага караля ***Генрыха VIII***, каралевы Рэчы Паспалітай ***Боны***, караля ***Жыгімонта***. У разважаннях Францыска Скарыны пра мінулае Айчыны і свету ўжыты ***онімы-рэтраспекцыі***: рэлігійнага дзеяча Рэфармацыі ***Яна Гуса***, вучоных ***Мікалая Каперніка, Эразма Ратэрдамскага*** і ***Арыстоцеля***, праваслаўных князёў ***Алелькі, Гальшанскіх, Глінскіх***, напрыклад: “*Мабыць, не дарма праваслаўныя князі* ***Алелька*** *і* ***Гальшанскі*** *склалі галовы ў барацьбе за роўнасць каталікоў і праваслаўных у нашай дзяржаве. Цяпер правы быццам роўныя. Але ж закон, як дышла, куды павярнуў, туды і выйшла. Князі* ***Глінскія*** *спрабавалі дамагчыся самастойнасці краіны, ды не адолелі каралеўскае войска, мусілі ўцякаць. Пэўна, доўга нам яшчэ быць запрэжанымі ў адзін хамут. Дзве дзяржавы, з’яднаныя разам, ніяк не могуць быць роўнымі*” [2, с. 10]; “*Надрукаваў Біблію і яшчэ тое-сёе. Як даведаўся, што* ***Эразм Ратэрдамскі*** *выдаў на нямецкай мове Новы Запавет, дык і мне так закарцела надрукаваць для сваіх людзей Біблію на нашай мове, каб кожны мог прачытаць і зразумець,*

што там ксяндзы на латыні кажуць” [2, с. 14]. У роздумах Францыска Скарыны аб сучаснасці праз прызму гістарычных падзей, выкладзеных у Бібліі, гучаць імёны герояў Святога Пісання: “*Почитаем славную память твою, иже зачатием своим отца удивил. Сам ты преблаженнее* ***Иоанне*** *ангельское житие явил еси*” [2, с. 26]; “*Як казаў цар* ***Саламон****, не трэба прасіць сабе ні шмат гадоў жыцця, ні багацця, ні зводу ворагаў, а толькі мудрасці. Такім прынцыпам я кіруюся таксама. Мудрасць – самая дакладная з навук*” [2, с. 58].

Імёны персанажаў – хрысціянскія онімы іншамоўнага паходжання, запазычаныя з **грэчаскай**: ***Хрысціна*** (грэч. ‘*памазанка Божая, Хрыстова’* [3, с. 68]), ***Мікола*** (грэч. ‘*пераможца народа’* [3, с. 34]; **лацінскай:** ***Францыск*** (лац. ‘*той, хто адносіцца да франкаў’* [3, с. 47]), ***Раман*** (лац. ‘*рымскі, рымлянін’* [3, с. 40], ***Маргарыта*** (лац. ‘*жамчужына, перліна’* [3, с. 44]; ***Марцін*** (лац. ‘*той, хто належыць богу Марсу’* [3, с. 33]) () **старажытнаяўрэйскай** моў: ***Іван*** (ст.-яўр. ‘*Боская ласка’* [3, с. 28], ***Якуб*** (ст.-яўр. ‘*той, хто трымаецца за пятку’* [3, с. 50]; ***Ганна*** (ст.-яўр. ‘*Боская ласка, дар Божы’* [3, с. 58]). Заўважым, што імя ў старажытным грамадстве было паказчыкам веравызнання асобы. Так, імя ***Іван*** ужываецца ў драме як у асвоенай народнай мовай праваслаўнай форме з устаўным [в] (у якасці наймення брата Францыска Скарыны), так і ў царкоўнай форме ***Іаан*** як найменне святога ***Іаана Прадцечы***. Выкарыстаны ў драме і каталіцкі варыянт оніма ***Ян*** – як імя біскупа віленскага, а потым пазнанскага.

У хрысціянстве імя ўспрымаецца як асаблівая духоўная субстанцыя, што фарміруе асобу чалавека і прадвызначае яго жыццёвы шлях (“по имени и житие”). Хрысціянскі пісьменнік і вучоны, Францыск Скарына, выбіраючы імёны сынам, задумваецца над іх глыбінным сэнсам, які прадвызначае лёс сыноў і забяспечвае дапамогу Бога: “*Добры хлопчык атрымаўся, ладны. Назаву яго* ***Іванам*** *у гонар майго брата. Імя гэтае перакладаецца як* ***літасць Бога****, няхай творца аберагае нашага сыночка. Няхай расце жывы і здаровы*” [2, с. 50]; “*Здаецца мне, што яму найбольш падыдзе імя* ***Сімяон****, што азначае “****пачутасць****”. Хачу, каб ён быў пачуты, зразуметы людзьмі, каб не перажываў адзіноты і занядбанасці, каб вялікі свет быў гасцінна расчынены перад ім і прыязна ставіўся да яго*” [2, с. 40].

Адаптуючыся да славянскіх моў, хрысціянскія імёны сталі ўтвараць размоўна-бытавыя і ацэначныя формы. Так, памяншальныя формы (дэмінутывы) сталі выкарыстоўвацца для наймення сяброў, родных людзей, дзяцей, што знайшло адлюстраванне ў рэпліках герояў драмы: “*Не тузайся,* ***Францішак****, усё добра. Пакуль я жывы, рабі сваю справу, хлеб надзённы для цябе заўсёды знойдзецца на маім стале”* [2, с. 44]; “*Мая мілая* ***Маргарытка****, якая ж ты ў мяне малайчына! Я проста шчаслівы тым пачуццям, якія я зараз перажываю, проста няма наймення! Гэта захапленне, урачыстасць,*

пераможнасць” [2, с. 36]; “*Я буду называць яго* ***Сеня, Сенечка,*** *сыночак мой дарагі і жаданы”* [2, с. 40]. Паводле нормаў сярэднявечнага этыкету, імёны герояў ўжываліся ў спалучэнні з паказчыкамі сацыяльнага рангавання: “*Рады бачыць* ***пана Скарыну****! Ужо чакаў, не мог дачакацца сустрэчы, кніжкі чытаў!”* [2, с. 4]; “*Толькі ўчора прыехаў па запрашэнні* ***яго светласці герцага Альбрэхта****”* [2, с. 51].

У часы Скарыны ў Рэчы Паспалітай выкарыстоўваліся ***імёны па бацьку***, або ***патронімы***, што ўзыходзяць да старажытнага наймення, якім называлі чалавека па імёнах яго продкаў па мужчынскай лініі. Такія формы ўжываліся ў вышэйшых слаях грамадства і не толькі ідэнтыфікавалі асобу, але і сцвярджалі яе статус як спадчынніка валадарных асоб: “*Яшчэ пры Казіміры* ***Ягелончыку*** *мой бацька гандляваў з Масквою*” [2, с. 12].

У XVI стагоддзі знатныя роды ў Рэчы Паспалітай ужо мелі **прозвішчы** – афіцыйныя іменаванні, што перадаюцца ў спадчыну і ўказваюць на прыналежнасць чалавека да пэўнай сям’і. Частка прозвішчаў герояў гістарычнай драмы ўтворана ад формаў кананічных асабовых імёнаў, напрыклад: ***Грыцэвіч*** (ад размоўнай формы імені ***Грыгорый*** (грэч. ‘*пільны’* [3, с. 12]). Асобныя прозвішчы ўтвораны ад мірскіх празванняў-мянушак адапелятыўнага паходжання, што ўзніклі ад назваў частак цела чалавека (***Чупрыніч***), назваў-указанняў часу з’яўлення дзіцяці на свет (***Субочыч***), назваў прыродных з’яў (***Глінскі***). Сустракаюцца і прозвішчы адтапанімічнага паходжання (***Гальшанскі***), Некаторыя героі драмы, якія належаць да шляхецкага саслоўя, маюць двайныя прозвішчы: віленскі купец ***Грыцэвіч-Онкавіч***.

Найважнейшымі рысамі антрапанімічнай прасторы гістарычнай драмы Зінаіды Дудзюк “Скарына з Полацка” з’яўляюцца пераважнае выкарыстанне імёнаў рэальных гістарычных асоб, а таксама адпаведнасць сэнсавай нагрузкі і формы найменняў герояў структуры і семантыцы айчыннага іменаслову XVI стагоддзя. Пісьменніца так ці інакш звяртае ўвагу чытача (гледача) на антрапонімы створаных імі вобразаў праз аўтарскія рэмаркі, дзеянні і ўчынкі герояў, мастацкі кантэкст, калі самі персанажы ўдакладняюць матывацыю імён.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Халзиев, В. Е. Драматургия / В. Е. Халзиев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Ин-т науч. инф. по обществ. наукам РАН ; под ред. А. Н. Николюкина. – М, 2001. – С. 242–248.

2. Дудзюк, З. І. Скарына з Полацка / З. І. Дудзюк // Гістарычныя драмы. – Брэст, 2016. – С. 3–60.

3. Барыс, С. Як у нас клічуць? : Беларускія імёны / С. Барыс. – Мінск : Медысонт, 2010. – 124 с.

О. Л. Ючко *(г. Мозырь, МГПУ имени И.П. Шамякина)*
Научный руководитель – В. И. Коваль, доктор филол. наук, проф.

СТАТУСЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Интернет-коммуникация, то есть «полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность, гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования» [1, с. 1], способствует созданию новой когнитивной среды, которая «формирует особую сферу информационного взаимодействия, приводит к возникновению инновационных типов общественных отношений» [2, с. 151]. Неотъемлемым атрибутом общения в социальных сетях являются персональные *статусы*, представляющие собой короткие и ёмкие в смысловом отношении фразы, которые так или иначе выражают эмоциональное состояние пользователей и их мировоззрение в целом. Именно поэтому статусы характеризуются как своеобразный «девиз» человека в Интернете, его «идентификатор» и определяются в большинстве своем как «остроумные, актуальные, меткие, оригинальные высказывания» [3, с. 68]. По мнению Е. А. Непомнящих, «несмотря на то, что в настоящее время отсутствует четкое определение статуса социальной сети как особого рода текста, не обозначена его жанровая характеристика и не сформирована типология статусов, использующихся в интернет-коммуникации, статус как облигаторный элемент социальных сетей нуждается во всестороннем изучении» [4, с. 214].

Объектом нашего исследования послужили некоторые тематические подборки статусов: «Статусы про интернет» [5]; «Статусы о девушках» [6]; «Статусы про жизнь» [7]. Рассмотрим выявленные статусы с точки зрения способов языкового выражения «статусности» и особенностей мироощущения их авторов.

Довольно большую группу статусов составляют гендерно маркированные выражения, основанные на стереотипных представлениях о социальных ролях и внутренних качествах мужчин и женщин. В таком случае с большой долей вероятности может быть определен пол интернет-пользователя. Например, расхожее мнение об умственной ограниченности женщин, их излишней эмоциональности и своеобразии «женской логики» нашло отражение в следующем высказывании, в котором глагол *думать* (применительно к лицам женского пола) наполняется разными смысловыми оттенками: *Очень часто девушки сначала не думают, а потом думают, почему они не думали, когда надо было думать*. В соответствии с гендер-

ными стереотипами, способность *думать* (то есть размышлять, предаваться раздумью) проявляется у женщин очень редко, в то время как умение *надумывать*, то есть накапливать, суммировать различные собственные мысли, приводящее к неверным решениям и поступкам – типично женская особенность: *Женщина думает один, максимум – два раза в сутки. Все остальное время она вновь и вновь переживает то, что надумала*. Иронично-оценочный характер статусной фразы *Умная женщина редко совершает глупости. Но если уж совершает – то такие, на которые не способна последняя дура* создается за счет формального противопоставления и одновременно фактического отождествления словосочетаний *умная женщина* и *последняя дура*.

Авторы некоторых статусов иронизируют по поводу мнимой несовместимости девушки/женщины с вождением автомобиля: (1) *На три вещи можно смотреть вечно – на огонь, воду и на то, как девушка паркуется*; (2) *Женщина за рулем – это сногсшибательная женщина!* Последний статус особенно выразителен с языковой точки зрения, поскольку он представляет собой яркий пример «языковой игры», иллюстрирующий двойственность семантики прилагательного *сногсшибательная*: ‘обладающая броской внешностью’ и ‘та, которая при езде за рулем сбивает (сшибает) с ног пешеходов’.

В статусах социальных сетей образ женщины в целом характеризуется негативно (хотя и не без юмора), выделяя пристрастие женщин к косметике и особенности их поведения: (1) *Женщины как вредные пищевые добавки: постоянно используют красители, ароматизаторы и консерванты*; (2) *Интернет напоминает женщину: редко дает то, что действительно нужно, и все чаще просит денег*; (3) *Женщины делятся на тех, кто качает бедрами, и на тех, кто качает права. Первые, как правило, добиваются большего*. Более выразительный характер последнего «афоризма» обеспечивается за счет использования слова *качать* в составе свободного словосочетания *качать бедрами* (о соблазнительной походке) и фразеологизма *качать права* ‘предъявлять претензии кому-либо или отстаивать свою позицию’.

В свою очередь, в некоторых «женских» статусах представлен негативный образ мужчины, сформированный, в частности, не без влияния известной стереотипной формулы «Все мужики – козлы», в которой слово *козел* реализует крайне негативное оценочное значение ‘подлый, грубый, неуравновешенный и безответственный мужчина’. Вместе с тем, подобные статусы не лишены, как и в предыдущих случаях, юмористической окраски: (1) *Алёнушка первая из девушек доказала, что все мужики – козлы, стоит им только напиться*; (2) *Когда мне хочется узнать, как поживает мой бывший, я переключаю телевизор на канал «Animal Planet» и смотрю на*

козлов: вот он – жив, здоров, травку жрет; (3) *Если бы существовал Международный День Козла, каждая женщина нашла бы кого поздравить*. Образ мужчины в статусах женщин наделяется таким чертами, как склонность к лени и непостоянство в отношениях: (1) *Только мужчины и коты с рождения обладают умением с деловым видом лежать на диване*; (2) *Не верьте, девчата, ребятам из чата!*

Достаточно регулярно в статусах (независимо от гендерной принадлежности их авторов) находит отражение тема «компьютерной зависимости», при которой человек превращается в определенном смысле в «приложение» к компьютеру, в бездушное создание: (1) *Проснулся – за компьютер, на работе – за компьютер, пришел с работы – за компьютер. Человек – это внешнее устройство, типа флешки*; (2) *Компьютер, кресло, Интернет – и человека больше нет*. Отглагольное существительное *уборка* ‘наведение порядка’ осмысляется в следующем случае как проиводное от глагола *убрать* ‘отстранить’: *Первое правило уборки дома – убрать себя от инета!* Такой же «философский» характер имеет следующий статус, включающий в свой состав антонимы: *Парадокс Интернета: он соединяет людей, находящихся далеко, но разъединяет с теми, кто находится рядом*.

«Ключевым» в ряде статусов является относительно новое словосочетание *сидеть в интернете*, которое реализует значение ‘пользваться услугами интернета; быть «интернет-зависимым»‘: (1) *За преступления столько не сидят, сколько я в интернете*; (2) *Не сидите в интернете – здоровее будут дети!*; (3) *Нет повести печальнее на свете, чем повесть о сидящих в интернете;* (4) *Сижу в интернете и вдруг чувствую запах жареной картошки. А ведь я ее варить поставила…*

Список использованной литературы

1. Колокольцева, Т. Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка / Т. Н. Колокольцева // Грани познания. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. – 2011. – №4. – С. 1–5.

2. Морозова, О.Н. Особенности интернет-коммуникации: определение и свойства / О. Н. Морозова // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 5. – С. 150–158.

3. Зражевская, Н. И. Коммуникация в Интернете. Статусы как средство популяризации афоризмов в молодежной среде / Н. И. Зражевская // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. – 2012. – № 2. – С. 67–69.

4. Непомнящих, Е. А. Тексты-статусы в социальных сетях России и Кореи как субжанр веб-сети / Е. А. Непомнящих // Вестник Кемер. гос. ун-та. – 2018. – № 1. – С. 213–220.

5. Статусы про интернет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://smsta.ru/status/smak/inet). – Дата доступа: 25.04.2020.

6. Статусы о девушках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://statusas.ru/prikolnye-statusy-pro-devushek.html. – Дата доступа: 25.04.2020.

7. Статусы про жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://statusy.me/rubrika/prikolnye-statusy. – Дата доступа: 25.04.2020.

А. Г. Юшкевіч *(г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)*
Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

НАЗВЫ ЛЯСНЫХ РАСЛІН У ГАВОРЦЫ ВЁСКІ БЕЗДЗЕЖ ДРАГІЧЫНСКАГА РАЁНА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

Флора нашай краіны надзвычай цікавая і разнастайная. Гэта ўнікальная сістэма раслiннага свету, якая фарміравалася на працягу доўгага часу пад уплывам кліматычных умоў, рэльефу і іншых фактараў. Велізарная колькасць розных жыццёвых формаў раслін дастаўляе не толькі эстэтычнае задавальненне, але і прыносіць практычную карысць: з'яўляецца крыніцай харчавання, пастаўшчыком медыцынскіх прэпаратаў, крыніцай чыстага і свежага паветра, напоўненага кіслародам, выкарыстоўваецца як элемент хатняга дэкору і для афармлення ландшафту. Таму лексемы дадзенай тэматычнай групы стала замацаваліся і ў народным маўленні.

Батанічная наменклатура ўключае ў сябе назвы дрэў і кустоў, палявых, лугавых, лясных і балотных траў, культурных і дзікіх, ягадных і лекавых раслін і г. д. Кожная група колькасна адрозная і характарызуецца сваімі адметнасцямі.

У дадзеным артыкуле мы сабралі народныя назвы лясных раслін, што адзначаюцца ў гаворцы жыхароў в. Бездзеж Драгічынскага раёна Брэсцкай вобласці.

Лес – гэта прыродны комплекс згуртаванняў раслін і жывёл з пэўным геаграфічным асяроддзем; адзін з асноўных тыпаў раслiннага покрыва Зямлі. Складаецца з сукупнасці дрэвавых, кустовых і травяністых раслін, дзе галоўная роля належыць дрэвам. Структура лясоў залежыць ад фізіка-геаграфічных умоў асяроддзя, відавога складу і біялагічных асаблівасцей раслін. Для яго характэрна ярусная будова [1].

Першы ярус утвараюць дрэвы. Аснову лясных аб'яднанняў на тэрыторыі Беларусі складаюць такія віды дрэў, як бяроза, хвоя, елка, вольха, асіна і інш. У гаворцы вёскі Бездзеж намі зафіксаваны наступныя адпаведнікі дадзеных раслін:

бырэ́зына ж. р. 'бяроза – лісцёвае дрэва з белай карой': *Под окном ростэ бырэ́зын*;

вырба́ ж. р. 'вярба – дрэвавая і кустовая расліна з разложыстымі гнуткімі галінамі і вузкім лісцем': *Вырба́ ростэ каля плэса*;

грабы́на ж. р. ‘рабіна – дрэва з гронкамі аранжава-чырвоных ягад’: *На грабыны сыдять пташкі*;

дуб м. р. ‘дуб – буйное лісцёвае дрэва з моцнай драўнінай і пладамі жалудамі’: *Каля клуба спылылы старый дуб*;

ёлы́на ж. р. ‘елка –вечназялёнае хваёвае дрэва з конусападобнай кронай і доўгімі лускаватымі шышкамі’: *Ёлына растэ каля дарогі*;

колы́на ж. р. ‘каліна – кустовая расліна з белымі кветкамі і чырвонымі горкімі ягадамі-касцянкамі, сабранымі ў гронку’: *З колы́ны варэнне смачнэ*;

лы́па ж. р. ‘ліпа – лісцёвае дрэва з сэрцападобнымі пілаватымі лістамі і жаўтаватымі духмянымі мёданоснымі кветкамі’: *Хорошо лы́па цвытэ.*

лышчы́на ж. р. ‘ляшчына – лісцёвае дрэва або куст з дравяністымі пладамі-арэхамі ў зялёнай абгорцы і плод гэтага дрэва’: *Назбырав лышчы́ны повны кішэні.*

ольшы́на ж. р. ‘алешына – лісцепадобнае дрэва, радзей кустарнік з зубчастым лісцем’: *На бэроговы растэ ольшы́на*;

хвойі́на ж. р. ‘хвоя, сасна – вечназялёнае дрэва з доўгай ігліцай’: *Трэбы хвойіны нарваты от кашлю*;

ядло́вэць м. р. ‘ядловец – вечназялёны куст, радзей дрэваз ягада-падобнымі чорна-сінімі пладамі’: *Скрызь каля дорогі ядловэ́ць нарос*;

ясэ́нь м. р. ‘ясень – дрэва з перыстым лісцем і цвёрдай драўнінай’: *Ясэ́нь почав оподаты.*

Другі ярус лесу складаюць кустовыя і кусцікавыя расліны:

брусны́ці мн. л. ‘брусніцы – кусцікавая расліна з вечназялёным лісцем і з гронкамі бліскучых чырвоных спажыўных ягад’: *Брусны́ці в лісы растуть, іх мало есть*;

лохачы́ мн. л. ‘буякі – галінкавы куст ці напаўкуст з ядомымі кісла-салодкімі пладамі’: *Трэба з’йіздыты в лохачы́*;

малы́ны мн. л. ‘маліна – кустовая расліна з чырвонымі спажыўнымі ягадамі-шматкасцянкамі’: *Мало малы́ны топіро*;

ягó́ды мн. л. ‘чарніцы – кусцікавая расліна са спажыўнымі чорнымі ягадамі на галінках сцяблін сярод дробных лісцікаў’: *Пойіду в ліс, гляну – чы ягóды есть*;

яжы́ны мн. л. ‘паўкустовая ягадная расліна з калючымі сцябламі і чорнымі спажыўнымі ягадамі-шматкасцянкамі з шызым налётам’: *Трэба зварыты варэнне з яжын.*

Гэта асноўныя ягады, што актыўна нарыхтоўваюцца вяскоўцамі традыцыйна ў летні перыяд.

Трэці ярус – гэта разнастайныя травяністыя расліны:

бобывня́к м. р. ‘падалешнік – расліна з буйнымі лістамі, падобнымі да конскага капыта,якія захоўваюцца і зімою;расце пад алешнікам, арэшнікам’: *Бобывня́к нарыс за хатыю*;

бо́гун м. р. ‘багун – вечназялёная расліна з моцным адурманьваючым пахам’: *Дiты прыныслы бо́гун*;

буквы́цця ж. р.’чысцік – расліна з разеткамі супраціўнага лісця на сцябліне і са зросткамі пурпуровых кветак на яе версе’: *В наступным року посажу буквы́ццю каля хаты*;

зайчый шчавэ́й м. р. ‘кісліца – расліна з сакавітым густым лісцем на галінках і дробнымі зеленавата-ружовымі кветачкамі, сабранымі ў густы шчыток на версе галінак’: *Зайчый шчавэ́й зацвів вэльмы хорошэ*;

колю́чкі мн. л. ‘ваўчкі – расліна з учэпістымі калючкамі’: *Колю́чкі весь городчык засіялы*;

мімо́зка ж. р. ‘сумнік – шматгадавая травяністая расліна сямейства астравыя’: *Каля хаты посадыла мімо́зку*;

морковны́к м. р. ‘маркоўнік – буйная расліна з лісцем, падобным да морквы, і дробнымі белымі ці жоўтаватымі кветкамі ў парасоніках’: *Трэба нарваты морковны́ка качкам*;

орыга́но н. р. ‘мацярдушка – расліна з суквеццямі дробных чырвона-ліловых кветачак, сабраных у мяцельчатыя секвецці на вяршынях адгалінаванняў ад сцябла’: *Орыга́но цвытэ вэльмы хорошэ*;

подсне́жнік м. р. ‘пралеска – невялікая расліна з зімуючым лісцем, якая цвіце ранняй вясной сінімі кветачкамі на невысокіх кветаножках’: *Люблю ходыты в лiс за подсне́жнікамы*;

свыстовнік м. р. ‘дзягіль, дуднік – высокая расліна з дудкаватым сцяблом з буйным перыстым лісцем і жаўтавата-зялёнымі кветкамі ў шарападобных парасонах’: *У гэтым рокі много свістовніка наросло в лісы.*

цвынтыя́н м. р. ‘святаяннік – лекавая расліна з разгалінаванымі аблісцелымі сцяблінамі і яркімі жоўтымі кветкамі на іх вяршынях’: *Насушыла маты цвынтыя́ну.*

Такім чынам, намінацыі лясной флоры ў гаворцы жыхароў вёскі Бездзеж Драгічынскага раёна прадстаўлены назвамі дрэў, кустовых і кусцікавых, а таксама травяністых раслін. Батанічных номенаў налічваецца не адна сотня, таму былі прыведзены адпаведнікі далёка не да ўсіх раслін, што распаўсюджаны сёння ў межах вёскі. Аднак і прадстаўлены матэрыял паказвае наколькі багатая і разнастайная народная батанічная наменклатурная лексіка аднаго з невялікіх, але цікавых, своеасаблівых і багатых на гісторыю, народныя традыцыі і адметны лексічны склад куточкаў Драгічыншчыны.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лес [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia.org. – Дата доступу: 24.11.2017 г.

2. Раслінны свет : тэматычны слоўнік / склад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2001 г.

З. В. Ярмолюк *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – С. А. Королевич, канд. филол. наук, доцент

СОЦИАЛЬНО-РЕЧЕВАЯ СТИЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТЕ Б. АКУНИНА «Ф. М.»

В художественном произведении слово реализует как семантическую, так и эстетическую функцию. Оно направлено на создание образности, являясь не только лингвистическим отражением реальности окружающего мира, но и самим элементом реальности. Именно поэтому так значима в художественном тексте стилизация – приём, который может реализоваться в имитации особенностей речевой манеры персонажа или персонажей, отражающей «черты, характерные для представителей определенной эпохи, некоего социума, национальности, передающей личностные качества героя …, а также его манеру поведения» [1, с. 1]. Названный приём существен в тексте произведения Б. Акунина «Ф. М.», которое представляет собой «текст в тексте», различающиеся по авторству, хронологии и стилю.

Во всяком произведении сюжетообразующую и текстообразующую функции могут выполнять его персонажи, так как на действиях героев строится сюжет, а на описании – сам текст. М. М. Бахтин пишет, что «каждый момент произведения дан нам в реакции автора на него, … автор интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок, его мысли, чувства» [2, с. 9]. Естественно, что автор должен имитировать и речь персонажей с учётом её манеры, лексического состава, стилистических особенностей и грамматической структуры, что в свою очередь должно соответствовать времени и ситуации общения.

В хронотопе романа «Ф. М.» присутствуют два временных пласта (современный мир и XIX в.), действуют герои с разным социальным статусом, поэтому перед автором стояла сложная задача стилизации – исторической, социальной и индивидуально-речевой. Мы остановимся на феномене социально-речевой стилизации речи, уделяя в тексте Б. Акунина особое внимание лексическому наполнению и построению речи персонажей. Речевая характеристика героя может строиться на взаимодействии трех лексических уровней: немаркированной лексики (присутствует всегда), колоритообразующей лексики (профессиональная лексика, название лица

по определённому признаку и т. д.) и доминирующей лексики (слова, имеющие символическое значение) [3, с. 55]. Социально-речевая стилизация требует учитывать в первую очередь использование лексики второго пласта.

Имитация речи героев произведения не только различается на обоих временных срезах, но неодинакова и для персонажей одного времени, так как эти люди имеют разный социальный статус, образование, профессию, жизненный опыт. В современном мире Акунин представляет персонажей из разных социальных слоёв населения: наркоманы (Рулет, Игорь), интеллигенты (Николас Фандорин, доктор Зиц-Коровин, эксперт Моргунова и др.).

Рулет – наркоман, бывший студент, ведущий асоциальный образ жизни. Лексический состав его речи отмечен свойственными его возрастному статусу элементами молодёжного сленга (‘*зависнуть* ‘не соображать’, *закопать* ‘оставить в безвыходном положении’, *париться* ‘беспокоиться’, *тачка* ‘автомобиль’, *фолькс* ‘фольксваген’, *тёлка* ‘девушка’ (пренебр.), *реально* ‘в самом деле’); просторечия (*догонять* ‘понимать’, *жрать* ‘есть’, *охренительная* ‘очень красивая’); вкраплениями криминального жаргона (*мочить* ‘убивать’, *штука* ‘тысяча’) и т. п. Это речь, в которой находит отражение сложившаяся на рубеже II и III тысячелетий внеязыковая, социальная ситуация, усилившая реализацию тенденции к демократизации литературного языка. Отпечаток на речь Рулета накладывает также его социальный статус: Рулет принадлежит к миру наркоманов, и его речь отражает содержательные и формальные особенности соответствующего жаргона. Это персонаж говорит преимущественно о состоянии наркотической ломки (*тряска*, *отходняк*, *абстяг*); сосредоточен на желании добыть и принять дозу наркотика (*ширнуться*, *ляпнуться всухую*, *иглиться*, *задвинуть стёклышко*, *вмазать*, *оставить на догон*). Речь Рулета примитивна, обрывочна, окрашена пейоративной оценкой, насыщена негативными эмоциями, так как для него стало обычным состояние подозрительности, недоверия и враждебности к миру. Вот характерные примеры несобственно-прямой речи этого персонажа: *Было ему* ***паршиво****. Совсем* ***труба.*** *Еле* ***дошаркал*** *до соседней улицы, как ее,* ***блин****. Забыл.*

Представитель интеллигенции в романе – Николас Фандорин, магистр истории, бывший английский подданный. На его речь накладывают отпечаток его происхождение (это выражается в непроизвольных высказываниях типа ***Oh, my God, no!***, в обращениях по имени и фамилии), а также образование и недюжинная эрудиция. Так, при описании фальшивой испанской монеты Фандорин обращается к терминам нумизматики: *«эксселенте»*, *дублон*, *дубль-портрет*, *реверс*. Определяя ценность рукописи, принесенной Рулетом, Фандорин использует термины палеографии: *фактура бумаги*, *сохранность бумаги*, *нажим*, *постановка почерка* и др. Построение его высказываний соответствует особенностям английского

речевого этикета. В общении с малознакомыми людьми он сдержан и предельно вежлив: *Никто не покушается на **вашу** собственность*; ***Вам** нужно выпить воды*; ***Вы позволите** мне взглянуть*, – обращается он к Рулету.

Мастерски имитирует Акунин профессиональную речь эксперта-достоевсковеда Моргуновой. Она высокопрофессиональный, специалист, хотя и бывший. Заключение Элеоноры Ивановны представляет собой образец жанра экспертизы, оно пестрит специальной терминологией палеографии (*химико-структурный анализ чернил*, *степень выцветания*, аутентичность, *временны́е параметры*, *маргиналии*) и текстологии (*первоначальная редакция*, *сюжетная рамка второй редакции*, *черновые рукописи*, *оригиналы* и др.). Имитация синтаксического строя речи Моргуновой тоже проводится Акуниным в соответствии с жанрами официально-делового и научного стилей, о чем свидетельствует следующий фрагмент текста: ***Оптоэлектронный преобразователь** с **достаточной степенью точности** определил **папиллярный узор**, который полностью совпадает с другим отпечатком.*

Для создания образов персонажей XIX в. Б. Акунин, несомненно, специально изучил особенности лексики и речевого этикета соответствующего времени, для которого были характерны особая социальная стратификация общества и особая культура общения. Главный герой вставного текста «Теорийка» Порфирий Петрович, пристав следственных дел, говорит на службе «казённым» языком следствия: *мертвое тело, жительствует, субъект*, *вексель*, *улики*, *подать к взысканию*, *местонахождение*, *неотложно*, *момент убийства и др.* В неофициальной же обстановке его речь ориентирована на конкретного адресата. К подчиненным он обращается по фамилии (*Вы **Заметов** из третьего, верно-с*?); к родственнику Разумихину – по имени: *Входи, **Митюша***; *Скажи-ка, **Митя** …*; к свидетелям – с использованием фигур обращения, рассчитанных на доверительность отношений (*А знаете, **маточка** вы моя…*) и др.

Реалистично имитирует Акунин и стиль деловых бумаг XIX века, например: «*Сего 4 июля переслано в суд заемное письмо на 115 руб., выданное колл. асс-ше Зарницыной студентом Р.Р. Раскольниковым. Выкуплено за 12 р.75 коп*.».

Таким образом, можно заключить, что социально-речевая стилизация, выполненная в исследуемом тексте Б. Акуниным, характеризует его как разносторонне образованную языковую личность с обширной эрудицией; как автора-беллетриста, осознанно ищущего ёмкие средства характеристики персонажей и привлечения читателей; как блестящего стилизатора, тонко чувствующего и мастерски использующего возможности русского языка.

Список использованной литературы

1. Хабибуллина, Е. В. Изучение приемов стилизации речи персонажа на занятиях по филологическому анализу текста в иностранной аудитории [Электронный ресурс] / Е. В. Хабибуллина. – Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F1435809474/1_Khabibullina_stat.pdf. – Дата доступа: 21.05.2020. – С. 1–5.

2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

3. Извекова, Т. Ф. Некоторые особенности речевой характеристики персонажей в произведениях Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] / Т. Ф. Извекова // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 54–56. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-rechevoy-harakteristiki-personazhey-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo. – Дата доступа: 20.05.2020.

А. В. Ярмошевич *(г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)*
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

КОНЦЕПТ «ДОРОГА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Концепт пути, дороги – это универсалия мировой культуры. В мифопоэтическом представлении пространства центр и путь оказываются его основными элементами. В славянской и особенно в русской концептуальной и вербальной картинах мира понятия *путь, дорога* и обозначающий их пласт лексики также занимают весьма важное место.

Для русского этноса передвижения всегда играли заметную роль в жизни. Испокон веков в жизни русских присутствовали странники, странствующие богомольцы, коробейники, охотники, беглые крестьяне и каторжники, разбойники, ямщики, уходившие в дальние извозы, переселенцы – все те люди, жизнь которых была связана с постоянными странствиями, передвижениями по дорогам огромной страны.

Целью данной работы является выявление составляющих концепта «дорога» в традиционной и современной русской культуре.

Лексема *дорога* многозначная. Словарь Ожегова фиксирует четыре значения: 1. Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения; 2. Место, по которому надо пройти или проехать, путь следования; 3. Путешествие, пребывание в пути; 4. *перен.* Средства достижения какой-нибудь цели, жизненный путь [1, с. 172].

Наивная языковая картина мира человека находит отражение во фразеологизмах. Согласно данным, полученным в результате исследования фразеологических словарей, семантические границы концепта «дорога» значительно шире, чем лексическое значение соответствующего существительного.

Концептуальная сфера перемещения в пространстве как путешествия по дороге издавна использовалась в качестве предметного представления земной жизни человека, а смерть описывалась как переход из реального в потусторонний мир, как нелёгкое, опасное путешествие в неизвестный локус. Поэтому во фразеологической системе русского языка *дорога* приобретает значение ‘жизненный путь, путь души в загробный мир’: *стоит на смертной дороге, в дорогу собирается,* ему *Господь открыл дорогу.* Конец жизненного пути объективируется в выражении *завершить (закончить) свой жизненный путь, проводить в последний путь.*

Семиотическое пространство жизни прослеживается в таких выражениях, как *жизненный путь, дорога жизни* (трасса по льду Ладожского озера, по которой в период Великой Отечественной войны осаждённый Ленинград обеспечивался продовольствием, оружием), *широкая дорога* – обозначение благоприятных жизненных обстоятельств.

Дорога – медиатор двух сфер, жизни и смерти, этого и «того» мира, своего и чужого. Дорога в представлениях славян, в том числе русских – сакрально негарантированное место, где проявляется судьба, доля, удача человека. Счастливая доля ассоциируется со «своим», близким и благоприятным для человека жизненным пространством (*нужный путь Бог правит, идти (пойти) совей дорогой*), несчастливая – с «чужим», отдалённым и враждебным. При этом «чужая» дорога, предполагающая выход из своего жизненного пространства, воспринимается крайне нежелательно (*у тебя своя дорога, у меня своя*). Ср. также *по пути с* кем-то, *не по пути с* кем-то, *дороги расходятся* (из-за расхождения взглядов, убеждений прекращаются связи, общение между кем-либо). Вторжение в «чужое» пространство связывалось с препятствиями, помехами, затруднениями, а в целом – с семантикой «навредить, помешать»: *стать на пути (на дороге)* кому, *стать поперёк дороги (пути)* кому, *перейти дорогу* кому, *перебегать (перебивать, переезжать) дорогу* кому (опережая другого, захватывать, перехватывать то, на что он рассчитывал), *заступать дорогу* кому (не давать возможности добиться чего-либо, продвинуться в чём-либо прежде себя). Помешать кому-либо можно и с помощью магии: *заказать* кому *дорогу (путь)*.

Важной характеристикой дороги является её прямота или кривизна. Всё, что связано с прямой дорогой, несёт положительную оценку: *идти прямой дорогой* (жить и действовать честно), *быть на хорошей дороге* (повышаться по службе, делать карьеру), *быть на верной (правильной) дороге (пути).* Существуют выражения, показывающие, что можно помочь кому-либо действовать правильно: *наставлять (направить, направлять)* кого *на путь, на путь истины (истинный), выводить (вывести) на*

дорогу кого (помогать кому-либо становиться самостоятельным), с*бивать (сбить) с кривой дороги* кого (отвращать кого-либо от плохих поступков).

Отклонение от намеченного (правильного) пути объективируется в выражениях *сбиться с пути (дороги)* (изменять своё поведение в плохую сторону)*, быть на ложной дороге (на ложном пути)* (действовать неправильно, ошибочно, но без злого умысла)*, сходить с дороги* (отказываться от поставленной цели, изменять своим взглядам, убеждениям, принципам). Как вариант отклонения от пути можно рассматривать остановку, отказ продолжать начатый путь – *останавливаться на полдороге* (бросить начатое, не достигнув цели, не добившись желаемого результата).

Кривая, плохая дорога всегда содержит в себе отрицательную коннотацию: *ступить (выйти) на кривую дорогу (дорожку; кривой путь)* (сбиться с пути)*, идти окольным (обходным) путём* (действовать с опаской, с хитростью)*, быть на плохой (неверной) дороге, ступить на плохую (опасную) дорожку, встать на скользкую дорожку, катиться по скользкой дорожке*.

В русском языке существуют устойчивые единицы, которые указывают на возможность достижения цели (часто ценой больших усилий): *все дороги открыты* (всё доступно, досягаемо), *выбиваться (выбиться) на (широкую) дорогу* (ценой больших усилий и стараний находить своё место в жизни, становиться самостоятельным), *грудью пролагать (проложить) себе дорогу* (добиваться успеха, преодолевая все препятствия), *пробивать (пробить) (лбом) (себе) дорогу* (настойчиво, упорно, ценой больших усилий добиваться успеха в жизни), *выходить (выйти) на* какую *дорогу* (становиться самостоятельным, находить своё место в жизни), *быть на пути* к чему (действуя, развиваясь в каком-нибудь направлении.), *находить (найти) дорогу к сердцу* кого, чьему (добиваться расположения к себе со стороны кого-либо), *путь держать* (идти, следовать куда-нибудь).

Отдельную группу составляют выражения со значением начала действия: *вступать (вступить) на путь* чего (начинать какую-либо деятельность или начинать вести какой-либо образ жизни)*, направлять (направить) путь* куда (направляться, идти куда-либо). Также выделяются сочетания с характеристикой дороги: *избитая дорога* (об общеизвестном, банальном способе действия, образе жизни), *одна дорога* куда (кому-либо осталось в жизни только одно), *идти (пойти) по наторенной дорожке* (вести привычный образ жизни), *стоять на хорошей дороге* (занимать достойное место в обществе; делать нужное дело, пользуясь уважением окружающих), *дорога скатертью* (об удачном деле, начинании).

Основными значениями, которые проявляются во фразеологических единицах со словами-репрезентантами исследуемого концепта, являются представление о дороге как о жизни человека, как о чужом и небезопасном

месте. Прямая, широкая дорога всегда имеет положительную коннотацию и указывает на благоприятный, успешный путь. Кривая, извилистая, узкая и скользкая дорога отождествляются с отклонением от нормы, неприемлемым поведением. Существуют также фразеологические выражения со значением пожелания доброго пути и, наоборот, радости избавления от кого-либо или чего-либо, со значением возможности и указания на трудность достижения целей.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс – Мир и Образование, 2008. – 976 с.

Научное издание

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Сборник научных трудов конференции

Подписано в печать 15.10.2020. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 14,11.
Тираж 75 экз. Заказ № 280.
Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 1/55 от 14.10.2013.
Ул. Мицкевича, 28, 224016, Брест.